

Е.А. Галинская

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФОНЕТИКА
РУССКОГО
ЯЗЫКА**

Издательство
Московского университета

Е.А. Галинская

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

2-е издание, исправленное

Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
для студентов высших учебных заведений
в качестве учебного пособия
по направлению 031000
и специальности 031001 – «Филология»

Издательство
Московского университета
2009

УДК 802/809.1
ББК 81.2 Рус-923
Г15

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук *С.В. Князев*,
кандидат филологических наук *О.А. Князевская*,
кандидат филологических наук *М.Н. Шевелева*

Галинская Е.А.

Г15 Историческая фонетика русского языка. — 2-е изд.,
исправленное. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — 160 с.
ISBN 978-5-211-05459-2

Учебное пособие по исторической фонетике русского языка включает в себя все разделы первой части университетского курса «Историческая грамматика русского языка». В изложении материала учитываются новейшие разработки и достижения в области исторического изучения русского языка.

Для студентов филологических факультетов, а также для аспирантов и преподавателей.

**УДК 802/809.1
ББК 81.2 Рус-923**

© Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова,
2009
© Изд-во Моск. ун-та, 2009
© Галинская Е.А., 2009

ISBN 978-5-211-05459-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	12
Праиндоевропейское наследие	14
Фонетические изменения, произошедшие в протославянский период	19
Фонетические изменения, осуществившиеся в праславянскую эпоху	20
Качественная дифференциация долгих и кратких гласных	21
I переходное смягчение задненебных согласных (I палатализация)	21
Изменение сочетаний согласных с *j (<*j)	23
Отпадение конечных согласных	25
Диссимилиация и упрощение групп согласных	26
Судьба дифтонгов	28
Судьба дифтонгических сочетаний гласных с носовыми сонантами	30
Судьба дифтонгических сочетаний гласных с плавными	31
II переходное смягчение задненебных согласных (II палатализация)	37
III переходное смягчение задненебных согласных (III палатализация)	38
УТРАТА НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	41
«ИСХОДНАЯ» ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА	45
Система вокализма	45
Гласные фонемы. Дифференциальные и интегральные признаки	45
Звуковые реализации гласных фонем	47
Позиционные изменения гласных	48
Система консонантизма	51
Состав согласных фонем	51
Дифференциальные признаки фонем	53
Строение слога	56
Ударение	58
ДРЕВНЕЙШИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ	63
Отсутствие второго переходного смягчения задненебных	64
Отсутствие третьей палатализации для *x	67
Рефлексы некоторых праславянских сочетаний согласных с йотом	67

Рефлексы праславянских сочетаний <i>*tl</i> и <i>*dl</i>	70
Шепелявое произношение мягких свистящих	70
Цоканье	71
Рефлексы праславянских сочетаний типа <i>*TъRT</i>	74
Качество звонкого заднеязычного согласного	75
ИСТОРИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ	
ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	80
Проблема вторичного смягчения согласных	80
Падение редуцированных	82
Судьба звуков [ъ] и [ь] вне сочетаний с плавными	83
История звуков [ŷ] и [i]	84
Судьба сочетаний типа TъRT	87
История сочетаний типа TRъT	90
Отступления от основного правила утраты и проявления редуцированных	92
Хронология процесса падения редуцированных	95
Последствия падения редуцированных	98
Фонетические изменения позиционного характера	98
Процессы, связанные с позицией конца слова	98
Ассимилятивные изменения	101
Диссимилятивные изменения	106
Упрощение групп согласных	107
Устранение некоторых начальных сочетаний согласных ...	108
Изменение структуры слога	108
Изменения в системе гласных фонем	111
Возникновение фонемы <ѡ>	111
Изменения в системе консонантизма	113
Оформление категории твердости – мягкости	113
История губных спирантов	116
История шипящих согласных и [ц]	118
История гласных [i] и [y]	122
Изменение сочетаний [ky], [gy], [xy]	126
История гласных [e] и [o]	128
История фонем <ѣ> и <ѡ>	137
Судьба фонемы <ѣ> в говорах центра (ростово-суздальских) ...	138
Судьба фонемы <ѣ> в говорах новгородского типа	140
Судьба фонемы <ѡ>	142
История аканья	143
Типы аканья в современных русских говорах	143
Время появления аканья	146
Отражение аканья в памятниках письменности	147
Теории происхождения аканья	149
ЛИТЕРАТУРА	158

Введение

§ 1. Историческая фонетика является достаточно автономной составной частью университетского курса, традиционно называемого курсом исторической грамматики русского языка. Помимо исторической фонетики, в этот курс входят историческая морфология, исторический синтаксис, историческая лексикология и историческое словообразование. Однако не все перечисленные разделы в практике университетского преподавания одинаково подробно разбираются на занятиях по исторической грамматике русского языка. Основное внимание уделяется наиболее разработанным разделам – исторической фонетике и исторической морфологии, что отнюдь не случайно, ибо структурные отношения выявляются именно на этих двух уровнях языка, так что есть возможность реконструировать, с одной стороны, раннедревнерусскую фонетическую систему и проследить пути ее дальнейшего развития, а с другой стороны – морфологическую систему того же периода и также выявить направления ее видоизменения во времени.

Историческая фонетика русского языка входит не только в круг перечисленных выше дисциплин, составляющих вместе с ней предмет, именуемый исторической грамматикой. Она включается и в историко-лингвистический контекст иного рода, так как имеется целый ряд других лингвистических курсов, в которых рассматривается фонетическая проблематика на русском и славянском материале. Это, в первую очередь, фонетика современного русского языка, понятиями которой оперирует историческая фонетика. Это и курсы старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков. Традиционно сложилось так, что в курс старославянского языка наряду с изучением синхронного состояния южнославянских диалектов IX–X вв., восстанавливаемых по древнейшим памятникам письменности и с учетом показаний современных славянских языков и их говоров, включен обширный раздел, посвященный реконструкции праславянского языка в древнейшем его состоянии, унаследованном от индоевропейских диалектов. Здесь же рассматриваются фонетические процессы, которые

протекали на всем протяжении существования праславянского языка и которые привели к формированию отдельных групп славянских языков на раннем этапе их функционирования. Эти данные обобщаются затем в курсе сравнительной грамматики славянских языков, где прослеживается в числе прочего судьба праславянских фонетических процессов и явлений в разных славянских языках. Таким образом, эволюция фонетического строя русского языка с древнейших времен и до наших дней, составляющая основной объект курса исторической фонетики, может быть осмыслена в контексте главнейших тенденций развития, действовавших в славянском языковом мире.

Еще одной дисциплиной, смежной с курсом исторической фонетики, является русская диалектология, поскольку ее материал, имея самостоятельную ценность, в то же время позволяет познакомиться с реально существующими в современном русском диалектном языке результатами исторического развития древнерусских диалектов, а также дает возможность получить представление о сохранившихся в некоторых говорах древнейших языковых особенностях, утраченных современным литературным языком и говорами, на базе которых он складывался (например, о семифонемном составе вокализма или о мягких шипящих).

Курс исторической фонетики соприкасается и с курсом истории русского литературного языка, где, помимо грамматических и орфографических норм церковнославянского языка русской редакции, рассматриваются и нормы книжного произношения.

§ 2. Источники исторической фонетики. Основные источники исторической фонетики – это: а) памятники древней письменности; б) современный русский язык как в его диалектных разновидностях, так и в литературном варианте; в) лингвистическая география. Дополнительными источниками, которые в ряде случаев помогают прояснить отдельные, хотя зачастую очень важные, моменты истории русского языка, являются данные ономастики и прежде всего топонимики; записи русской речи иностранцами; заимствования из иностранных языков; русские заимствования в иностранных языках.

§ 3. Памятники древней письменности можно разделить на две большие группы в зависимости от того, на каком языке они написаны – на русском или церковнославянском.

1. Памятники, написанные по-русски

К данной группе источников относятся пергаменные и бумажные рукописи делового содержания, тематика которых достаточно многообразна. Сюда причисляются разного рода грамоты – судные, меновые, вкладные, жалованные, договорные, заветательные, продажные, межевые, купчие и т. д. Самые известные древнейшие тексты подобного рода – это, например, *Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода* (около 1130 г.); *Вкладная Варлаама Хутынского монастырю* (после 1192 г.); *Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом* (1229 г.). К этой же группе источников принадлежит *Русская правда*, древнейший свод светских законов, дошедший до нас в различных списках, старейший из которых относится к концу XIII в. (пространную редакцию *Русской правды* содержит Новгородская Кормчая 1280 г.).

XVI–XVII веками датируются многочисленные хозяйственные книги: отказные, отдельные, переписные, приходно-расходные, таможенные и др. От XVII в. до нас дошли разнообразные материалы частной переписки.

Ценнейшим рукописным источником, содержащим важнейшие сведения о живом древнерусском языке, являются грамоты XI–XV вв., написанные на бересте. Большая часть из них обнаружена при археологических раскопках в Новгороде (сейчас насчитывается около тысячи новгородских берестяных грамот). Имеются также берестяные грамоты из Старой Руссы, Пскова, Твери, Торжка, Смоленска, Звенигорода Галицкого, Москвы.

Берестяные грамоты – это тексты, процарапанные на кусочках бересты острием специального металлического или костяного инструмента, заостренного стержня с плоской лопаточкой на верхнем конце – писала (стилоса). Как правило, для написания грамот использовали продолговатый кусочек бересты, обычно обрезанный по краям. Размеры листа могли быть разными, но большинство из находящихся в распоряжении исследователей экземпляров имеет от 15 до 40 см в длину и от 2 до 8 см в ширину. Впрочем, реально лишь около четверти берестяных грамот сохраняется в целости, остальные дошли до нас в виде фрагментов – от достаточно больших до весьма незначительных.

По содержанию берестяные грамоты представляют собой частные письма, челобитные, реестры (рописи долгов либо денежных

или натуральных поставок), ярлыки с именем владельца, документы официального характера, например завещания, учебные материалы, среди которых немало азбук и складов¹.

II. Памятники, написанные на церковнославянском языке

В жанровом отношении источники данного типа весьма разнообразны. Среди них выделяется несколько больших групп.

1) Конфессиональная литература. До наших дней дошли Евангелия, Псалтыри, Минеи, Триоди, сочинения отцов церкви, церковные и монастырские уставы и т. д. Из древнейших сохранившихся пергаменных рукописей можно назвать, в частности, следующие: *Остромирово Евангелие* 1056–1057 гг., *Архангельское Евангелие* конца XI в., *Чудовскую Псалтырь* XI в., *Пандекты Антиоха* XI в. и др.

2) Агиографическая литература (жития святых). На Руси бытовали как переводные жития, так и жития русских святых, например жития Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, древнейшие списки которых содержатся в *Успенском сборнике* XII–XIII вв.

3) Апокрифическая литература (известным текстом подобного рода является, к примеру, *Хождение Богородицы по мукам*).

4) Историческая и повествовательная литература. Сюда относятся летописи, разнообразные повести (как переводные, например *Александрия*, так и оригинальные, например *Повесть о разорении Рязани Батыем*, *Повесть о Дракуле*, *Сказание о Вавилоне*, *Повесть о Горе-Злосчастии* и многие другие), хождения (например, *Хождение Афанасия Никитина за три моря*).

Приведенными примерами, конечно же, не исчерпывается все богатство книжного наследия Древней Руси, но они дают возможность получить общее представление о жанровом наборе текстов, бытовавших в церковнославянской языковой сфере.

Следует сказать, что язык письменных источников, отнесенных к рассматриваемой группе, неоднороден – его норма варьируется в зависимости от жанровой принадлежности памятников: в нашем распоряжении есть тексты, написанные на стандартном и на упрощенном церковнославянском языке. Подробно эта проблема разрабатывается в курсе истории русского литературного языка.

¹ Есть также несколько грамот церковного содержания, и их язык, соответственно, церковнославянский.

Отдельного внимания заслуживает бесценная находка, обнаруженная летом 2000 г. при археологических раскопках в Новгороде. Это древняя книга, состоящая из трех дощечек, имеющих посередине углубления, залитые воском, на котором выдавлен текст. Воск использовался многократно, так как написанное по нему можно было легко стирать. Последние тексты, запечатленные на воске, – это 75-й и 76-й псалмы целиком и фрагмент 67-го псалма. Однако удалось прочесть и некоторые другие тексты (псалмы и иные сочинения религиозного характера), от которых остались еле видимые следы на деревянных подложках под воском и на бортиках дощечек. Книга, получившая название «Новгородский кодекс», датируется концом X – началом XI в. и является, таким образом, старейшим ныне известным письменным памятником Древней Руси².

Для исторической фонетики наиболее значимыми являются тексты, написанные по-русски. Многие из них отражают разнообразные диалектные явления, поскольку орфография этих текстов в каких-то случаях была ориентирована на живое произношение. В частности, чрезвычайно ценным источником исторического изучения русского языка стали берестяные грамоты, содержащие важнейшую информацию о древненовгородском диалекте. Однако нередко свидетельства о тех или иных фонетических особенностях мы находим и в памятниках, написанных на церковнославянском языке. Есть даже такие явления, которые находят отражение только в них. В частности, обозначение особой фонемы <δ> («о» закрытого), противопоставлявшейся <о> («о» открытому), было представлено исключительно в традиции книжного письма. Можно привести еще один пример: акцентированные рукописи, то есть имеющие знаки ударения, относятся только к сфере церковнославянского языка (древнейшим из текстов подобного рода является *Чудовский Новый Завет* XIV в.).

§ 4. Еще один источник исторической фонетики – это **данные современного русского языка**, в том числе в его литературной разновидности. Например, наличие в современном произношении

² Подробнее см.: Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5; Зализняк А. А. Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. 2003. № 2; Зализняк А. А. Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).

огласовок с [о] или [е] в таких словах, как *чёрт, мёртвый, твёрдый*, с одной стороны, и *черти, первый, четверг, верх* — с другой, показывает, что в сочетаниях, восходящих к праслав. *ТьгТ, звук [г] в тот период, когда шел процесс перехода [е] в [о], был твердым перед твердыми зубными согласными и мягким перед губными, заднеязычными и мягкими зубными (см. об этом ниже, § 78).

Особенно большое значение для историко-фонетических реконструкций имеют **данные современной диалектологии**. Так, взаимная мена букв **ц** и **ч** в рукописях новгородского происхождения (например, *црево, пѣвъчь* и т. д., см. ниже, § 43) трактуется как отражение цоканья, заключавшегося в наличии только одной аффрикаты, причем свистящей, потому что именно одна аффриката [ц] представлена в тех современных говорах, которые генетически восходят к древненовгородскому диалекту. Существуют и такие фонетические особенности, которые крайне редко находят отражения в памятниках письменности, но восстанавливаются для древнейшего периода на том основании, что зафиксированы в современных говорах. К таким особенностям относятся псковские рефлексy сочетаний согласных с *j, а именно: *tj > k, *dj > g, *sj > x, *zj > γ (см. об этом ниже, § 39).

§ 5. Немаловажным источником исторического изучения русского языка является **лингвистическая география**. Анализ расположения тех или иных фонетических изоглосс на лингвистической карте и сопоставление конфигурации разных изоглосс помогают в ряде случаев восстановить некоторые фонетические реалии прошлого. Так, именно лингвистическая география дает возможность решить вопрос о качестве элементов, которые входили в состав древнерусских сложных шипящих [ž'ḑ'ž'] и [š't'š'] (= [š'č']). Эти сочетания в неизменном виде сохранились в ряде русских говоров (о том, как они изменялись в других говорах, см. ниже, § 73), причем ареал их распространения в диалектах, принадлежащих к севернорусскому наречию, как правило, накладывается на ареал распространения цоканья. Однако при произношении сочетания [š't'š'] (= [š'č']) цоканья никогда не наблюдается, что может свидетельствовать «о тесном слиянии элементов, образующих эти сочетания, о том, что они не равны порознь взятым согласным ш и ч, а представляют или представляли собой при возникновении, еди-

ную сложную по артикуляции величину, которая служила для различения звуковых оболочек слов как целостное образование»³.

§ 6. Дополнительные источники, позволяющие уточнить в ряде случаев отдельные моменты исторического развития фонетического строя русского языка, — это, как было сказано выше, данные ономастики и прежде всего топонимики, записи русского языка иностранцами, заимствования из иностранных языков и русские заимствования в иностранных языках.

Топонимы, как современные, так и засвидетельствованные древними рукописными источниками либо же зафиксированные на географических картах недавнего прошлого, дают возможность составить представление о некоторых весьма важных фонетических явлениях. Так, современный топоним *Псков*, его древний вариант *плъсковъ* и название деревни *Ксты* говорят о возможном пути развития сочетаний плавных с редуцированными типа **TrьT*, то есть о том, что плавный в таких сочетаниях после утраты слабого редуцированного становился слоговым и выпадал (см. об этом ниже, § 52).

Свидетельства иностранцев о русском языке хотя и относятся к числу дополнительных источников, но в некоторых случаях имеют огромную ценность для исторической русистики. Следует сказать, что записи иностранцев неравноценны по объему и информативности: до нас дошли как отдельные славянские слова в иноязычных текстах, так и обширные записи русской речи и даже грамматические описания.

К числу древнейших источников принадлежит сочинение византийского императора Константина Багрянородного (949 г.), в котором содержится передача отдельных восточнославянских названий — например, рек и днепровских порогов. В исторической русистике записи Константина Багрянородного имеют широкую известность потому, что по ним устанавливается примерное время утраты носовых гласных в древнерусском языке (см. об этом ниже, § 23).

К более позднему периоду относятся достаточно многочисленные обширные записи русской речи, выполненные иностранцами. Наиболее известными из них являются «Парижский словарь мос-

³ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970. С. 33.

ковитов» 1586 г., «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса» 1618–1619 гг., «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа. Для исторической фонетики чрезвычайно ценным источником оказался словарь-разговорник Тонниса Фенне, отражающий псковский диалект и датируемый 1607 г.

Иноязычные заимствования в некоторых случаях дают представление о тех фонетических законах, которые действовали в славянских диалектах (и в том числе в восточнославянских) в тот или иной период времени. Так, заимствование из германского **kirkō*, представленное в восточнославянском в виде **църкы**, свидетельствует, что в тот период, когда это заимствование осуществилось, I палатализация была уже неактуальной, тогда как действовала II палатализация, требовавшая изменения заднеязычных в свистящие как перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения, так и перед любыми другими передними гласными, оказывавшимися после заднеязычных согласных в словах, усваивающихся из других языковых систем.

Весьма показательными для русской исторической фонетики оказываются и **восточнославянские заимствования в иностранных языках**. Например, финские слова *lusikka* 'ложка' (из восточнослав. [лѣж'ька]) и *akkuna* 'окно' (из [окъно]) свидетельствуют об отчетливом произношении редуцированных гласных, противопоставленных друг другу по ряду, в том числе когда они находились в слабых позициях. Кроме того, возможно, что передача славянского [ѣ] как [u] должна указывать на то, что редуцированный непреднего ряда был звуком лабиализованным.

Предыстория русского языка

§ 7. Русский язык входит в разветвленную группу славянских языков, относящуюся к индоевропейской языковой семье. В своем современном состоянии славянские языки (учитываются их литературные разновидности) подразделяются на три подгруппы и классифицируются следующим образом:

<i>Восточнославянская подгруппа:</i>	<i>Южнославянская подгруппа:</i>	<i>Западнославянская подгруппа:</i>
1) русский язык; 2) украинский язык; 3) белорусский язык.	1) болгарский язык; 2) македонский язык; 3) сербохорватский язык ⁴ ; 4) словенский язык.	1) чешский язык; 2) словацкий язык; 3) польский язык; 4) верхнелужицкий язык; 5) нижнелужицкий язык ⁵ .

В настоящее время существует еще один славянский язык, имеющий и литературную форму, – русинский. Территория его распространения ограничивается северными районами Сербии и западными районами Хорватии. Русинский язык трудно отнести к одной из трех перечисленных выше подгрупп, поскольку в нем выделяются черты, роднящие его, с одной стороны, с одним из словацких диалектов, а с другой стороны – с западноукраинскими говорами, а кроме того, сейчас русинский язык подвергается сильному влиянию сербохорватского языка, которое распространяется на морфологический, фонетический и лексический уровни⁶.

Среди славянских языков есть мертвый язык – полабский, который прекратил свое существование в XVIII в., когда его носители – полабские славяне, жившие по берегам р. Эльбы (Лабы), – были ассимилированы немцами. Полабский язык относится к западнославянской подгруппе.

Древнейший литературный язык славян – старославянский – имеет южнославянскую диалектную основу.

⁴ Ныне в связи с распадом на отдельные государства бывшей Югославии в новых государственных образованиях – Сербии, Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговине – постулируется существование двух языков, сербского и хорватского, однако с лингвистической точки зрения сербская и хорватская разновидности литературного языка отличаются друг от друга несущественно, причем наблюдается полное взаимопонимание между носителями сербского и хорватского вариантов языка.

⁵ Польский, верхнелужицкий и нижнелужицкий языки составляют так называемую лехитскую подгруппу в пределах западнославянских языков.

⁶ В XVIII в. русины покинули смешанные украинско-словацкие села в Восточной Словакии, переселились в пустовавшие сербские села Керестур и Коцур, а впоследствии расселились шире.

Отличительной особенностью славянских языков является их необыкновенная близость друг к другу как по грамматическому строю, так и по словарному составу, а это свидетельствует о том, что разъединение славянских диалектов в процессе распада праязыка, к которому они восходят, произошло по лингвистическим меркам относительно недавно, причем в результате распада вычленились слабо дифференцированные системы. Языком-предком всех славянских языков является праславянский, возводящийся, в свою очередь, к праиндоевропейскому языку, реконструкция которого лингвистической наукой осуществлена уже в достаточно полном объеме, и поэтому историю фонетического строя русского языка можно ретроспективно проследить до того периода, когда в процессе распада праиндоевропейского языка в диалектах, сформировавших в конечном итоге современные славянские языки, стали происходить фонетические изменения.

Как было сказано выше, традиционно сложилось так, что в университетской практике преподавания дисциплин историко-лингвистического цикла история праславянского языка подробно изучается в рамках курса старославянского языка. Однако для того, чтобы полноценно освоить историческую фонетику русского языка, необходимо активизировать представления о фонетических процессах, которые шли в праславянский период, и акцентировать внимание на специфических восточнославянских результатах некоторой части этих процессов, в связи с чем далее приводится краткий очерк изменений, осуществившихся в доисторическую эпоху в тех диалектах, которые стали базой для формирования русского языка.

Праиндоевропейское наследие

§ 8. Система консонантизма индоевропейского праязыка включала в себя:

1. Шумные взрывные согласные. Они были организованы в ряды в соответствии с зоной образования, и в пределах каждого из рядов присутствовали глухие непридыхательные, звонкие непридыхательные и звонкие придыхательные согласные фонемы:

	Глухие непридыхательные	Звонкие непридыхательные	Звонкие придыхательные
Губные	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>
Зубные	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>
Заднеязычные задне- небные нелабиализо- ванные (твердые)	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>
Заднеязычные задне- небные лабиализован- ные (твердые)	<i>kʰ</i>	<i>gʰ</i>	<i>gʰh</i>
Заднеязычные пала- тальные (мягкие)	<i>kʹ</i>	<i>gʹ</i>	<i>gʹh</i>

Примечание. Индоиранские языки свидетельствуют о существовании в части праиндоевропейских диалектов также и придыхательных глухих (*ph*, *th*, *kh*, *kʰh*, *kʹh*). В связи с этим в науке высказываются два предположения: а) придыхательный ряд глухих согласных представляет собой индоиранскую инновацию; б) этот ряд был присущ всем праиндоевропейским диалектам, но в большей их части (например, в тех диалектах, которые в дальнейшем легли в основу германских, балтийских и славянских языков) глухие придыхательные рано совпали с непридыхательными глухими согласными (*ph* > *p*, *kh* > *k* и т. д.). Для аргументации второй точки зрения существенно то, что и за пределами индоиранских языков придыхательные глухие в отдельных словах реализуются не так, как соответствующие непридыхательные. Ср. санскр. *śākhā* 'ветка' и др.-русск. соха 'кол, дубина' со звуком *x*, а не *k*.

2. Зубной спира́нт *s*, который в позиции перед звонкими смычными согласными выступал в аллофоне [z], не имевшем самостоятельного фонологического статуса.

3. Сона́нты: *m*, *ɥ* (губные), *n*, *l* (зубные), *r* (переднеязычный), *j* (палатальный).

Система вокализма индоевропейского праязыка включала в себя:

1. Гласные, парно противопоставлявшиеся по количеству: \bar{i} , \bar{y} , \bar{u} , \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} , — и редуцированный краткий гласный \bar{e} («шва»), конкретное звуковое качество которого неясно⁷.

2. Слоговые сонанты \bar{i} , \bar{y} , \bar{u} , \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} .

3. Дифтонги, образованные сочетанием гласных \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} с сонантами \bar{i} и \bar{u} ($\bar{e}\bar{i}$, $\bar{e}\bar{u}$, $\bar{o}\bar{i}$, $\bar{o}\bar{u}$, $\bar{a}\bar{i}$, $\bar{a}\bar{u}$).

4. Дифтонгоиды, т. е. дифтонгические сочетания, образованные соединением гласных \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} с сонантами r , l , m , n ($\bar{e}r$, $\bar{e}l$, $\bar{o}r$, $\bar{o}l$, $\bar{a}r$, $\bar{a}l$ и т. д.).

§ 9. Говоря о праславянском языке, нельзя прямолинейно утверждать, что он развился на базе одного из индоевропейских диалектов, обособившихся в результате распада языка-предка. Процесс формирования праславянского языка, видимо, протекал сложнее. Его оформлению должен был предшествовать протославянский (т. е. допраславянский) период относительно обособленного развития потенциального славянского языкового комплекса. В этот период, должно быть, объединились какие-то индоевропейские диалекты, которые пережили общие изменения. Возможно, что в процессе интеграции индоевропейских диалектов при образовании сообщества, которое мы называем протославянским, поглощались и некие иносистемные говоры⁸.

В тех диалектах, которые сформировали протославянское объединение, несколько видоизменились вышеописанные системы согласных и гласных.

Изменения в системе консонантизма

✓ Придыхательные взрывные совпали с непридыхательными, т. е. $bh > b$, $dh > d$, $gh > g$ и т. д. Ср., напр., санскр. *bhrū-* 'бровь, лоб' и слав. *brъvъ*; санскр. *bhārāmi* 'несу' и слав. *berq*; санскр. *dhūmá-* 'дым' и слав. *dymъ*; санскр. *vidhāvā* 'вдова' и слав. *vъdova*; санскр. *meghā-* 'облако' и слав. *mъgla*.

⁷ Термин «шва» заимствован из древнееврейской грамматики: *šwā* 'пустота', что означает редуцированный гласный между согласными.

⁸ См. об этом: Хабургаев Г. А. Некоторые вопросы истории праславянского языка // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980. С. 183–185.

✓ Лабиализованные задненебные (в том числе придыхательный g^h) совпали с нелабиализованными: $k^h > k$, g^h и $g^h h > g$. Ср. отсутствие следов лабиализованного образования задненебного в слав. *kъto* и наличие таких следов, выражающихся в том, что при задненебном согласном развился лабиальный элемент, в хеттском *kuiš*, лат. *quis*, готск. *hwas*.

✓ Славянские языки вместе с индоиранскими, балтийскими, албанским и армянским принадлежат к так называемой *сатемной* группе индоевропейских языков. В этой группе палатальные k' , g' , $g'h$ превращались в свистящие или шипящие звуки (в албанском – также в *th*, *dh*), в отличие от остальных индоевропейских диалектов, легших в основу древнегреческого, анатолийских, тохарских, кельтских, итальянских и германских языков, составивших так называемую *кентумную* группу, в которой где k' , g' , $g'h$ становились близкими к нелабиализованным задненебным согласным⁹.

Таким образом, в протославянское языковое объединение вошли такие диалекты, в которых $k' > s$; g' , $g'h > z$. Ср.:

Сатемные языки	Кентумные языки
слав. <i>sъto</i> , санскр. <i>śatām</i> , др.-иран. <i>satəm</i> , литовск. <i>šimtas</i> .	тохар. <i>känt</i> , др.-греч. <i>ἑκατόν</i> , лат. <i>centum</i> , готск. <i>hund</i> .
слав. <i>znati</i> , литовск. <i>žinoti</i> , санскр. <i>jānāti</i> (т. е. <i>džānāti</i>) 'он знает'.	греч. <i>γινώσκω</i> 'я познаю, знаю', лат. <i>gnōscō</i> , готск. <i>kann</i> .
слав. <i>zima</i> , литовск. <i>ziemà</i> , др.-иран. <i>zima</i>	греч. <i>χειμών</i> , лат. <i>hiems</i> , др.-ирланд. <i>gim-red</i> 'зима'.

При этом существенно, что звук [z] приобрел теперь в протославянском фонемный статус, поскольку в связи с изменением g' и $g'h$ в z он стал возможен в позиционно не обусловленных положениях.

⁹ Термины «сатемные языки» (или «языки *satəm*») и «кентумные языки» (или «языки *centum*») восходят к названиям числа 100 в древнеиранском и соответственно латинском языках.

Итак, согласные фонемы протославянского периода возводятся к согласным фонемам более раннего индоевропейского состояния следующим образом:

Взрывные	Спиранты	Сонанты
p < p, (ph?)	s < s, k', (k'h?)	m < m
b < b, bh	z < g', g'h	u < u
t < t, (th?)		n < n
d < d, dh		r < r
k < k, k ^u , (kh?), (k ^u h?)		l < l
g < g, g ^u , gh, g ^u h		i < i

Изменения в системе вокализма

✓ В системе вокализма тех диалектов, которые легли в основу протославянского объединения, попарно совпали: $\tilde{a} \sim \tilde{o}$, $\tilde{a} \sim \tilde{o}$. Возможно, получившийся единый краткий гласный был лабиализованным (\tilde{o}), а долгий гласный – нелабиализованным (\tilde{a}). Допустимо, однако, и предположение о том, что лабиализованными были оба гласных (условное их обозначение, предложенное Н. Ван-Вейком, – \tilde{a}^o), а делабиализация \tilde{a}^o осуществилась уже в раннепраславянский период.

В связи с этим изменением, естественно, уменьшилось и количество дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

✓ Гласный э («шва») совпал с \tilde{o} и разделил его дальнейшую судьбу.

✓ В основу протославянского языкового объединения легли диалекты, утратившие слоговые сонанты в результате развития перед ними гласных призвуков, превратившихся в гласные \tilde{i} и \tilde{y} , так что возникли дифтонгоиды (или дифтонгические сочетания) $\tilde{i}r$, $\tilde{i}l$, $\tilde{y}r$, $\tilde{y}l$, $\tilde{i}m$, $\tilde{i}n$, $\tilde{y}m$, $\tilde{y}n$.

* * *

Итак, индоевропейские диалекты, сформировавшие протославянское сообщество, отличались некоторым количеством фонетических особенностей от других индоевропейских диалектов, в это сообщество не вошедших. В дальнейшем протославянское языко-

вое объединение начало переживать изменения, которые стали отличать его от остальных индоевропейских диалектов еще больше, хотя эти изменения и не были до такой степени существенными, чтобы оформить систему, носители которой ощущали бы свою языковую самобытность, и помешать взаимопониманию при контакте «протославян» с представителями других индоевропейских племен – носителями тогда еще родственных диалектов.

Фонетические изменения, произошедшие в протославянский период

§ 10. √ Осуществился переход $s > x$ после \tilde{i} , \tilde{u} , r , k не перед согласными (например, $*blūsā > blūxā$ (др.-русс. **блѣха**), $*pōrsōs > pōrxōs$ (др.-русс. **порохъ**, ст.-слав. **прахъ**). Подобного рода процессы прошли и в индоиранских и прабалтийских диалектах (в индоиранских $s > \text{ш}$ в аналогичных условиях, а в прабалтийских $s > \text{ш}$ регулярно после r , k и спорадически после \tilde{i} , \tilde{u}). Видимо, движущие силы этих процессов были общими для ряда индоевропейских диалектов, и в каждом из них самостоятельно завершилась тенденция, наметившаяся еще в допротославянский период.

Следует заметить, что славянский звук x мог быть и другого происхождения. Иногда он возникал в соответствии с индоевропейскими начальными сочетаниями $sg-$, $sgh-$ с так называемым «подвижным s »¹⁰: слав. $*xold-$ (др.-русс. **холодъ**, ст.-слав. **хладъ**) возводится к и.-е. $*s-goldh-$; слав. $xudъ$ – к и.-е. $*s-ghoudh-$. Согласный x появлялся по аналогии (напр., $xoditi$, как $prixoditi$, где x закономерен после индоевропейского \tilde{i} приставки; $rybaxъ$, как $sъnъxъ$, где x «законно» возникал после гласного основы \tilde{u} , перешедшего в $ъ$); этот звук соответствовал индоиранскому kh – например, в слав. $soxa$ (см. выше), он появлялся из того kh , которое, возможно, возникло в праиндоевропейском из k в связи с экспрессивностью значения слова (ср. слав. $xoxotati$, санскр. $kakhati$, греч. $καχάζω$, армянск. $xaxankh$), был звукоподражательного происхождения (напр., $xъrkati$ ‘хрипеть, кашлять’) и, наконец, присутство-

¹⁰ В тех случаях, когда s являлся первым членом начальной группы согласных, он был неустойчивым звуком, так что некоторые корни встречаются в разных индоевропейских языках, а иногда и в одном и том же языке то с начальным s , то без него. Такое s называют «подвижным s » или « s mobile».

вал в заимствованиях, в частности германских (ср. слав. *xlěvъ* и готск. *hlaiw*; слав. *xlěbъ* и готск. *hlaihs, hlaifs*).

✓ Конечный *m* изменился в *n*.

✓ Лабиализованные гласные \ddot{u} и \ddot{a}^o в положении после сонанта \dot{i} сместились вперед и делабиализовались: $\dot{i}\ddot{u} > \dot{i}\ddot{u}$, $\dot{i}\ddot{a}^o > \dot{i}\ddot{e}$ (напр., $*p\ddot{a}^o\dot{l}\ddot{i}\ddot{a}^o n > *p\ddot{a}^o\dot{l}\ddot{i}\ddot{e} n > \dots > pol'e$ (др.-русс. **поле**)).

✓ В конечном закрытом слоге \ddot{a}^o перед согласными *-s* и *-n* подвергалось суперлабиализации, т. е. происходило изменение $\ddot{a}^o > \ddot{u}$ (напр., $*d\ddot{a}^o r\ddot{a}^o s > d\ddot{a}^o r\ddot{u}s > \dots > darъ$ (др.-русс. **даръ**)).

✓ Достаточно рано в составе дифтонгов и дифтонгических сочетаний должно было произойти сокращение гласных, что привело к уменьшению количества дифтонгов и дифтонгоидов ($\ddot{e}\dot{i} > \ddot{e}\dot{i}$, $\ddot{a}^o\dot{u} > \ddot{a}^o\dot{u}$, $\ddot{e}r > \ddot{e}r$, $\ddot{a}^o l > \ddot{a}^o l$ и т. д.).

✓ В конечных слогах в сочетаниях с *n*, за которым следовал согласный (чаще всего им был *s*), краткие гласные \dot{i} и \ddot{u} (в том числе то \ddot{u} , которое образовалось из \ddot{a}^o в силу упомянутой выше суперлабиализации) удлинялись, что приводило к распадению дифтонгического сочетания, поскольку в качестве дифтонгоида воспринималось только сочетание носового с кратким гласным (ср. форму винительного пад. мн. ч.: $*d\ddot{a}^o r\ddot{a}^o ns > d\ddot{a}^o r\ddot{u}ns > d\ddot{a}^o r\ddot{u}ns > \dots > dary$ (др.-русс. **дары**)). В некоторых протославянских диалектах удлинялся и \ddot{e} , превращаясь в \ddot{e} , который впоследствии дал \ddot{e} (ср. реконструкцию древнерусской формы винительного пад. мн. ч. **конѣ**: $*k\ddot{a}^o n\dot{i}\ddot{a}^o ns > *k\ddot{a}^o n\dot{i} \ddot{e}ns > *k\ddot{a}^o n\dot{i}\ddot{e}ns > \dots > kon'e$).

Фонетические изменения, осуществившиеся в праславянскую эпоху

§ 11. Дальнейшее обособление диалекта-предка славянских языков произошло, когда стали осуществляться изменения, связанные с появлением фонетических и грамматических новообразований, еще более отдаливших в языковом отношении будущих славян от носителей других индоевропейских диалектов. Период, когда стали происходить эти изменения, называют праславянским. Многие фонетические изменения, которые осуществились в праславянском языке, были обусловлены действием двух тенденций. Первая из этих тенденций начала действовать в раннепраславянский период и заключалась в том, что согласный и гласный в слоге стремились сблизиться по тембру, то есть речь идет о тенденции

к слоговому сингармонизму. Вторая тенденция актуализировалась в позднепраславянский период, требуя, чтобы слоги строились по принципу восходящей звучности и не были бы закрытыми. Впрочем, действием этих двух тенденций объясняются не все фонетические изменения, произошедшие в истории праславянского языка.

Качественная дифференциация долгих и кратких гласных

§ 12. Этот процесс заключался в том, что гласные, ранее противопоставлявшиеся друг другу только по признаку количества (напр., *ě* и *ē*), стали различаться и по качеству, так как или один звук из пары, или оба изменились. При этом признак количества, сохранившись на фонетическом уровне, перестал быть дифференциальным.

Результаты качественной дифференциации долгих и кратких гласных:

$*\tilde{i} > ь$

$*\tilde{i} > i$

$*\tilde{u} > ь$

$*\tilde{u} > y$

$*\tilde{e} > e$

$*\tilde{e} > \tilde{e}$

$*\tilde{a} > o$

$*\tilde{a} > a$

Примеры: $*tr\tilde{i} > tri$ (др.-русск. **три**), $*s\tilde{u}n\tilde{u}s > syn\tilde{b}s > syn\tilde{b}$ (др.-русск. **сынъ**), $*v\tilde{e}r\tilde{a} > v\tilde{e}ra$ (др.-русск. **вѣра**), $*v\tilde{a}^o d\tilde{a}^o > voda$ (др.-русск. **вода**), $*sl\tilde{i}z\tilde{a}^o > slbza$ (др.-русск. **сльза**), $*l\tilde{e}d\tilde{u}s > led\tilde{b}s > led\tilde{b}$ (др.-русск. **лѣдъ**) и т. д.

I переходное смягчение заднебных согласных (I палатализация)

§ 13. Под воздействием тенденции к сингармонизму согласных и гласных одного слога в раннепраславянский период произошел процесс изменения заднебных согласных в шипящие в положении перед гласными переднего ряда. Суть этого процесса состоит в том, что, смягчаясь перед гласным переднего ряда, заднебные согласные сдвигали свою артикуляцию в зону среднего неба и в итоге подвергались переходному смягчению — становились палатальными шипящими (мягкими). Следует подчеркнуть, что

доподлинно неизвестно, на какой стадии находился праславянский вокализм, когда осуществлялась I палатализация, то есть произошла ли уже к тому периоду качественная дифференциация долгих и кратких гласных или нет. Но в любом случае переходное смягчение задненебных реализовывалось перед всеми имевшимися в эпоху его осуществления монофтонгами переднего ряда: *ī* (или *ь*), *ī* (или *i*), *ě* (или *e*), *ē* (или *ё*), а также перед всеми дифтонгами и дифтонгоидами, в состав которых в качестве первого компонента входили гласные переднего ряда (*ei*, *eū*, *in*, *im*, *en*, *em*, *ir*, *il*, *er*, *el*).

Результаты I палатализации:

k* > *č'* – напр., **kīnǎ°s* > *kīnūs* > *č'īnūs* > *č'inūs*¹¹ > *č'inь* (др.-русск. **чинь);

g* > *ǰ'ž'* > *ž'* – напр., **gēnǎ°* > *ǰ'ž'ēnǎ°* > *ž'ēnǎ°* > *ž'ena* (др.-русск. **жена);

x* > *š'* – напр., **dōuxīteĭ* > *dōušīteĭ* > *dōuš'iteĭ* > *duš'iti* (др.-русск. **доушити).

В том случае, если перед *k* находился *s*, а перед *g* – *z*, изменение задненебного в шипящий влекло за собой ассимиляцию предшествующего свистящего, то есть: **sk* > *sč'* > *š'č'*; **zg* > *zd'ž'* > *ž'd'ž'*.

В южнославянских диалектах конечный шипящий элемент этих сочетаний был впоследствии утрачен: *š'č'* (= *š'īš'*) > *š'ī'*; *ž'd'ž'* > *ž'd'*.

Примеры: **uǎ°skīteĭ* > *uǎ°š'č'īteĭ* > *uoš'č'iteĭ* > *voš'č'iti* (русск. (на)воштить, ст.-сл. **вошити**); **mǎ°zgīteĭ* > *mǎ°ž'd'ž'iteĭ* > *mož'd'ž'iteĭ* > *mož'd'ž'iti* (ср. русск. *размозжить голову*, сербохорв. *mòždina* 'костный мозг').

Необходимо отметить особое поведение гласного **ē*: способствуя превращению предшествующего задненебного согласного в шипящий, он сам изменился в **ǣ°*. Ср.: **krikēteĭ* > *krič'ēteĭ* > *krič'ǣ'teĭ* > *krič'ateĭ* > *krič'ati* (др.-русск. **кричати**); **pīskēteĭ* > *pīš'č'ēteĭ* > *pīš'č'ǣ'teĭ* > *pīš'č'ateĭ* > *pīš'č'ati* (др.-русск. **пищати**). Таким образом, в позиции перед [a] в праславянском языке стали противопоставляться задненебные согласные шипящим, и, следовательно, шипящие перестали быть позиционными вариантами задненебных согласных фонем, а приобрели самостоятельный фонологический статус. Ср.: **garьs* ~ **ž'arьs* (др.-русск. **гарь** ~ **жарь**).

¹¹ Здесь и далее будем условно фиксировать осуществление I палатализации до качественной дифференциации долгих и кратких гласных.

Под воздействием гласных переднего ряда изменялось и сочетание **kt* (исконное и происходящее из **gt* в результате ассимилятивного оглушения). По-видимому, в раннепраславянский период **kt* изменялось в **t't'* (*i'*), а в дальнейшем осуществлялась аффрикализация этого долгого мягкого звука, которая шла в разных праславянских диалектах по-разному. В частности, в тех диалектах, которые легли в основу восточнославянских языков, сочетание **kt* в конечном итоге превратилось в *č'*: Ср. праслав. **nā^oktis* и др.-русс. *ночь*. Путь развития **kt* в *č'*, вероятно, был таков: **kt > t't' (i') > š't'š' > i'š' (č')*.

Иные результаты представлены в других славянских языках: древневосточноболгарск. *š't'* (ст.-слав. *нощѣ*, совр. болг. *нощ*), макед. *k'* (*нок*), сербохорв. *h* (*ноћ*), словенск. *č* (*ноč*), западнослав. *c* (чешск., словацк., польск. *nos*).

Изменение сочетаний согласных с **j* (<**i*)

§ 14. Сонант **i* или произошедший в результате консонантизации из него **j* (в дальнейшем будем условно обозначать его только знаком *j*) под воздействием тенденции к сингармонизму звуков в составе слога оказывал ассимилирующее влияние на предшествующие согласные, в результате чего сам **j* утрачивался, а согласный изменял место образования и превращался в палатальный (мягкий) или выделял мягкость в отдельную артикуляцию.

Большинство сочетаний давало одинаковые результаты по диалектам праславянского языка:

Задне- небные + <i>*j</i>	Зубные фрикативные + <i>*j</i> ¹²	Переднеязычные сонорные + <i>*j</i>
<i>*kj > č'</i>	<i>*sj > š'</i>	<i>*nj > n'</i>
<i>*gj > d'ž' > ž'</i>	<i>*zj > ž'</i>	<i>*lj > l'</i>
<i>*xj > š'</i>		<i>*rj > r'</i> ¹³

¹² Впрочем, об особых рефlekсах этих сочетаний в древнепсковском диалекте см. ниже, § 39.

¹³ О проблеме **rj > r'* см. подробнее ниже, § 30.

Так, др.-русс. **сѣча** восходит к праслав. $*s\acute{e}k\dot{i}\bar{a}^{\circ}$, **сторожь** — к $*st\acute{a}^{\circ}rg\dot{i}\bar{a}^{\circ}s$, **соуша** — к $*so\dot{u}x\dot{i}\bar{a}^{\circ}$, **ноша** — к $*n\acute{a}^{\circ}s\dot{i}\bar{a}^{\circ}$, **ножь** — к $*n\acute{a}^{\circ}z\dot{i}\bar{a}^{\circ}s$, **конь** — к $*k\acute{a}^{\circ}n\dot{i}\bar{a}^{\circ}s$, **вола** — к $*u\acute{a}^{\circ}l\dot{i}\bar{a}^{\circ}$, **воура** — к $*bo\dot{u}r\dot{i}\bar{a}^{\circ}$.

Различными по праславянским диалектам оказались рефлексy сочетаний смычных зубных согласных с $*j$, а именно $*tj$ и $*dj$. Сочетание $*tj$ развивалось так же, как $*kt$ перед гласными переднего ряда, то есть в раннепраславянский период $*tj > t'j > \acute{i}'t' (\acute{i}')$. Позже произошла аффрикатизация долгого мягкого звука, которая осуществилась в разных праславянских диалектах по-разному. В частности, в диалектах будущих восточных славян $*tj > \acute{c}'$. Ср. праслав. $*su\acute{e}t\dot{i}\bar{a}^{\circ}$ и др.-русс. **свѣча** (рефлекс, совпадающий с рефлексом $*kt$ перед гласными переднего ряда).

В других славянских языках также представлены результаты изменения $*tj$, совпадающие с результатами изменения $*kt$ перед гласными переднего ряда: древневосточноболгарск. $\acute{s}'t'$ (ст.-слав. **свѣща**, совр. болг. **свещ**), макед. k' (**свека**), сербохорв. \acute{h} (**свѣћа**), словенск. \acute{c} (**svēča**), западнослав. c (чешск. **svíce**, словацк. **svieca**, польск. **swieca**).

Аналогично сочетанию $*tj$ развивалось сочетание $*dj$: в раннепраславянском языке $*dj > d'j > \acute{d}'d' (\acute{d}')$ с дальнейшей аффрикатизацией по диалектам. У предков восточных славян сочетание $*dj$ дало в конечном итоге \acute{z}' . Ср. праслав. $*m\acute{e}d\dot{i}\bar{a}^{\circ}$ и др.-русс. **межа**¹⁴. Путь развития $*dj$ в \acute{z}' был, вероятно, таким: $*dj > d'j > \acute{d}'d' (\acute{d}')$ $> \acute{z}'\acute{d}'\acute{z}' > \acute{d}'\acute{z}' > \acute{z}'$.

Рефлексы $*dj$ представлены в других славянских языковых областях следующим образом: древневосточноболгарск. $\acute{z}'\acute{d}'$ (ст.-слав. **межда**, совр. болг. **межда**), макед. g' (**меѓа**), сербохорв. \acute{h} (**међа**), словенск. j (**meja**), западнослав. $\acute{d}'\acute{z}'$ (польск. **miedza**, словацк. **medza**), причем в чешском языке в результате утраты аффрикаты затвора $\acute{d}'\acute{z}' > z' > z$ (чешск. **meze**).

В праславянском языке изменялись под влиянием $*j$ и сочетания согласных, а именно $*stj$, $*skj$, $*zdj$, $*zgj$. Судьба этих сочетаний была аналогична судьбе $*sk$ и $*zg$ перед гласными переднего ряда, то есть: $*stj$, $*skj > s\acute{c}' > \acute{s}'\acute{c}'$; $*zdj$, $*zgj > z\acute{d}'\acute{z}' > \acute{z}'\acute{d}'\acute{z}'$ (при этом в южнославянских диалектах конечный шипящий элемент получившихся сочетаний впоследствии был утрачен: $s'\acute{c}' (=s'\acute{i}'\acute{s}') > \acute{s}'\acute{i}'$;

¹⁴ Об особых рефлексах $*tj$ и $*dj$ в древнепсковском диалекте см. ниже, § 39.

ž'd'ž' > ž'd'). Ср. др.-русс. **тъща** (ст.-слав. **тъшѣа**) и праслав. *tistjā^o, др.-русс. **ницю** (ст.-слав. **иштѣ**) и праслав. *iiskjā^om, др.-русс. [prigvož'd'ž'u] и праслав. *(pri)gūā^ozdjā^om, др.-русс. [dъž'd'ž'ъ] (орфографически **дъждь**) и праслав. *dūzgjā^os (ср. литовск. *duzgėti* 'шуметь').

Сочетания губных согласных с *j преобразовались в сочетания губных с палатальным [ɲ'] («l epentheticum»): *pj > pl', *bj > bl', *mj > ml', *vj > vl'¹⁵. Начальные сочетания с «l epentheticum» сохранились во всех диалектах. Ср. корень *pjoŋ- > pl'u- / pl'ev- в славянских языках: др.-русс. **плюноути** болг. *плюна*, сербохорв. *пљунути*, чешск. *plivnouti*, польск. *plunąć*. На стыке же основы и флексии «l epentheticum» сохраняется лишь в восточнославянских и в части южнославянских диалектов, утрачиваясь в западнославянских и в отдельных южнославянских диалектах (впрочем, возможно, у западных и части южных славян он изначально в этой позиции и не развивался). Примеры: русск. **земля**, сербохорв. *зѐмља*, ст.-слав. **на зѣмѣѣ** (Зографское ев.) – **зѣмѣѣ** (Синайская псалтырь) – **своѣѣѣ зѣмѣѣ** (Супрасльская рукоп.), болг. *земя* 'земля', но *зе́млен* 'земляной', чешск. *země*, польск. *ziemia*.

Отпадение конечных согласных

§ 15. В какой-то момент в истории праславянского языка активизировалась тенденция к построению слогов по принципу восходящей звучности, и многие фонетические изменения, которые стали происходить в позднепраславянский период, осуществлялись под воздействием этой тенденции. В частности, поскольку нежелательными оказались закрытые слоги, осуществилась утрата конечных согласных, так что все конечные слоги стали открытыми. Например, *tod > to (др.-русс. **то**), *darъs > darъ (др.-русс. **даръ**), *gostъs > gostъ (др.-русс. **гостъ**).

¹⁵ Впрочем, вопрос об изменении сочетания *vj, в котором изначально на месте v был сонант џ, достаточно сложен, так как џ формировал с предшествующим гласным дифтонг и в ряде случаев этот дифтонг преобразовывался по законам монофтонгизации дифтонгов (см. ниже). Ср., с одной стороны, *loŋjon > lovjon > lov'l'q (др.-русс. **ловлю**), а с другой стороны – *koŋjon > kujq (др.-русс. **кою**), а не *kov'l'q.

Диссимилиация и упрощение групп согласных

§ 16. В праславянском языке прошел целый ряд процессов, связанных с преобразованиями групп согласных, причем часть этих процессов осуществлялась под воздействием активизировавшейся тенденции к построению слогов по принципу восходящей звучности, а часть – по неизвестным причинам.

Раньше всего изменилось сочетание **tt* (исконное и восходящее к **dt*). Оно подверглось диссимилиации по способу образования, в результате которой возникло сочетание *st*. Например: **plētteĭ* > *plesteĭ* > *plesti* (др.-русск. плести); **vedteĭ* > *vesteĭ* > *vesti* (др.-русск. вести). Этот процесс еще не был связан с тенденцией к возрастанию звучности в пределах слога, так как он равным образом осуществлялся и в других индоевропейских областях (греческой, балтийской, иранской) и, следовательно, возник по какой-то иной причине в глубокой древности, когда восточные индоевропейские диалекты были близки между собой.

Позже, когда принцип возрастания звучности в пределах слога уже сформировался, нахождение рядом двух одинаковых по способу образования согласных стало этому принципу противоречить (см. ниже, § 31), и поэтому такие сочетания упростились, так что от них остался только второй согласный:

**pt* > *t*, напр.: **tepti*¹⁶ > *teti* (тѣти ‘бить, колотить’);

**bt* > *pt* > *t*, напр.: **grebti* > *greti* (грѣти ‘погребать’);

**kt* > *t*, напр.: **poktŭ* > *potŭ* (потъ, слово, связанное чередованием гласных с **pekŭ* ‘пеку’);

**bd* > *d*, напр.: **sebdmъ* > *sedmъ* (седмъ ‘седьмой’) – ср. греч. ἑβδομος.

Упрощались и группы разных по месту образования согласных, где последним был **s*, поскольку такие сочетания также противоречили принципу восходящей звучности (см. ниже, § 31):

**ps* > *s*, напр.: **opsa* > *osa* (оса) – ср. литовск. *vapsà* (‘овод’);

**bs* > *ps* > *s*, напр.: **grebsъ* > *grěsъ* (грѣсъ – форма 1-го л. ед. ч. сигматического аориста);

**ts* > *s*, напр.: **čьtsъ* > *čisъ* (чисъ – форма 1-го л. ед. ч. сигматического аориста);

¹⁶ Относительная хронология упрощения групп согласных и монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний доподлинно неизвестна, и поэтому окончание инфинитива *-ti*, а не более раннее *-teĭ* восстанавливается для описываемого здесь этапа развития праславянского языка условно.

**ds* > *s*, напр.: **vedsǝ* > *věsǝ* (вѣсь – форма 1-го л. ед. ч. сигматического аориста);

**ks* (перед согласным) > *s*, напр. **rekste* > *rěste* (рѣсте – форма 2-го л. мн. ч. сигматического аориста);

протослав. **ks* (не перед согласным) > праслав. *kx* (по закону об изменении **s* в *x*) > *x*, напр. **rěksǝm* > *rěkxǝn* > *rekxǝn* > *rekxǝ* > *rěxǝ* (рѣхъ – форма 1 л. ед. ч. сигматического аориста).

Примечание. Следует заметить, что в формах аориста от основ на согласный корневой гласный находился на ступени удлинения и чередовался с кратким гласным, представленным в других формах того же глагола (*ь//i, e//ě, o//a*).

В том случае, когда рядом стояли два *s* (первый из них мог быть оглушенным вариантом *z*), также происходило упрощение, поскольку, как было сказано выше, нахождение рядом двух одинаковых согласных противоречило принципу восходящей звучности:

**ss* > *s*, напр.: **nessǝ* > *něsǝ* (нѣсь – форма 1-го л. ед. ч. сигматического аориста);

**zs* > *ss* > *s*, напр.: **vezsǝ* > *vězǝ* (вѣзь – форма 1-го л. ед. ч. сигматического аориста).

В праславянском языке осуществилось, однако, изменение значительного количества сочетаний согласных, которые закону восходящей звучности ни в коей мере не противоречили. Последним элементом таких сочетаний был тот или иной сонант, любой из которых превосходил по степени звучности шумные согласные. Упрощению подвергались следующие группы:

**tm* > *m*, напр.: **vertmę* > *vermę* (далее – в др.-русс. верема, в ст.-слав. вѣрма);

**dm* > *m*, напр.: **dadmǝ* > *damǝ* (дамь – 1-е л. ед. ч. наст. вр.). Ср., однако, **sedmǝ* ‘седьмой’, где после упрощения **bd* > *d* осталась группа *dm*.

**tn* > *n*, напр.: **osvǝtnǝti* > *osvǝnǝti* ‘засветить, рассвести’ (отсюда сербохорв. свѣнути с тем же значением) – связано с корнем **svǝt-/svět-*;

**dn* > *n*, напр.: *vędnǝti* > *vęnǝti* (ср. **uvędati*) – др.-русс. вѣноути;

**pn, bn* > *n*, напр.: **sǝpnǝ* > *sǝnǝ* (др.-русс. сънь, ср. съпати); **dǝbno* > *dǝno* (дѣно), ср. сербохорв. дубок ‘глубокий’, литовск. *dubūs* с тем же значением;

**skn* > *sn*, напр.: **blǝsknǝti* > *blǝsnǝti* (др.-русс. вѣсноути);

*bv > b, напр.: *obvitati > obitati (др.-русс. обитати);

*tl, dl > l, напр.: формы причастий на -l *metla > mela (др.-русс. мела); *vedla > vela (др.-русс. вела).

Последнее изменение, впрочем, не осуществилось в диалектах, легших в основу западнославянских языков. Особую судьбу имели сочетания *tl и *dl в говорах, сформировавших в дальнейшем древнепсковский диалект (см. ниже, § 41).

Судьба дифтонгов

§ 17. По воздействию закона построения слогов по принципу восходящей звучности в праславянском языке стали изменяться дифтонги, причем их преобразование было двух типов в зависимости от положения в слове.

Если дифтонг находился перед гласным, то его компоненты отделялись друг от друга и расходились по разным слогам (это принято называть переразложением дифтонгов): первый компонент (o или e) оставался в своем слоге и превращал его в открытый, а второй компонент (i или u) отходил к последующему слогу, консонантизируясь и делая слог, в который он попадал, прикрытым. Ср.: *po[̂]i-e-tъ > po-[̂]ie-tъ > po-je-tъ (др.-русс. 3 л. ед. ч. наст. вр. по[̂]е[̂]тъ), re[̂]u-e-tъ > re-[̂]ue-tъ > re-ve-tъ (др.-русс. 3 л. ед. ч. наст. вр. ре[̂]в[̂]тъ), *slo[̂]u-od > slo-[̂]uo > slo-vo (др.-русс. слово).

Специфическую судьбу имел при переразложении дифтонг [̂]e[̂]i. Под воздействием артикуляции i первый элемент повышал свой уровень подъема, так что *[̂]e[̂]i > [̂]ii (гласные в составе дифтонгов были краткими), откуда в дальнейшем ъj. Ср. *b[̂]e[̂]i[̂]ē[̂]tī > b[̂]ii[̂]etъ > b[̂]jetъ (фонетически [b[̂]i[̂]jetъ], то есть с [i] редуцированным на месте фонемы <ь> перед [j] (см. ниже, § 28), орфографически – в[̂]и[̂]е[̂]тъ).

Если дифтонг находился в середине слова перед согласным или в абсолютном конце слова, то он монофтонгизировался, и слог таким образом становился открытым. Результаты монофтонгизации праславянских дифтонгов таковы:

♦ *[̂]e[̂]i в позициях конца слова и перед согласным превращался в [i]. Так, *kre[̂]i[̂]vъ > krivъ (др.-русс. кривъ), ср. литовск. kreĩ vas ‘кривой’; *le[̂]i[̂]te[̂]i > liti (др.-русс. лити), ср. литовск. lieti ‘лить’. Следует отметить, что для окончания инфинитива реконструируется именно -te[̂]i, так как оно возводится к индоевропейскому именному окончанию Dat. -tē[̂]i и Loc. -tē[̂]i.

♦ $*\widehat{o\dot{i}}$ в позиции перед согласными преобразовался в гласный [ě], совпадая с уже имевшимся в системе [ě], произошедшим ранее из $*\bar{e}$. Так, $*sno\dot{i}gь > sněgь$ (др.-русс. снѣгъ), ср. др.-прусс. *snaugis*, готск. *snaiws*; $*po\dot{i}tej > pětj$ (др.-русс. пѣти), ср. переразложение дифтонга $\widehat{o\dot{i}}$ перед гласным: 3-го л. ед. ч. наст. вр. поѣть < $*po\text{-}je\text{-}tь$ < $*po\text{-}je\text{-}tь$ < $*po\dot{i}\text{-}e\text{-}tь$.

В современных славянских языках рефлексy $*\bar{e}$ и $*o\dot{i}$ в позиции перед согласными всегда совпадают, поэтому можно предположить, что результаты изменения в праславянском языке были одинаковы. Должно быть, фонема <ě> любого происхождения изначально реализовалась в звуке нижнего подъема переднего ряда (типа [ä]), а затем в части славянских диалектов, в том числе в тех, которые легли в основу восточнославянских языков, она стала реализовываться закрытым гласным средневерхнего подъема (типа [ê]).

♦ $*\widehat{o\dot{i}}$ в позиции конца слова имел двоякую судьбу — превращался в [i] или [ě]. Возможно, разная реализация дифтонга зависела от древних интонационных факторов, но до конца этот вопрос пока не выяснен. Звук [i] на месте дифтонга $*\widehat{o\dot{i}}$ встречается в древнерусском языке в следующих формах: 1) в форме им. пад. мн. ч. $*\bar{o}$ -склонения у имен мужского рода (напр., столи, раци и т. д.); 2) во 2–3-м лл. ед. ч. повелительного наклонения (напр., вѣри, пѣци и т. д.); 3) во флексии 2-го л. ед. ч. наст. вр. нетематических глаголов, восходящей, по-видимому, к окончанию 2-го л. ед. ч. древнего медиального залога (напр., ѣси, даси); 4) в энклитических формах дат. пад. личных местоимений единственного числа и возвратного местоимения (ми, ти, си). В остальных случаях в соответствии с дифтонгом $*\widehat{o\dot{i}}$ в позиции конца слова представлен [ě] — ср. формы дат. и мест. пад. ед. ч. $*\bar{a}$ -склонения (напр., водѣ, роуцѣ), мест. пад. ед. ч. $*\bar{o}$ -склонения (напр., столѣ, рацѣ).

♦ $*\widehat{o\dot{u}}$ при монофтонгизации изменился в [u]. Так, др.-русс. тоуѣръ ‘буйвол, дикий бык’ восходит к праслав. $*to\dot{u}r\bar{o}s$ (ср. литовск. *taūras* ‘буйвол’), соухъ — к $*so\dot{u}s\bar{o}s$ (ср. литовск. *saūsas*).

♦ $*\widehat{e\dot{u}}$ превращался также в [u], но предшествующий согласный при этом смягчался, так как из первой части дифтонга выделялся [j]. Напр., $*re\dot{u}tej > r'uti$ (др.-русс. рюти ‘реветь’), ср. приведенные выше формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. этого глагола, где дифтонг переразложился: $*re\dot{u}čej > reučetь > revetь$ (др.-русс. реветь).

Судьба дифтонгических сочетаний гласных с носовыми сонантами

§ 18. Дифтонгические сочетания гласных с носовыми сонантами **en*, **em*, **in*, **im*, **on*, **om*, **un*, **um* под воздействием тенденции к построению слогов по принципу восходящей звучности пошли по тому же пути, что и дифтонги, то есть перед гласными происходило переразложение дифтонгического сочетания, а перед согласными и в ряде случаев в конце словоформы осуществлялась монофтонгизация.

В результате переразложения слоговой элемент дифтонгического сочетания оставался в своем слоге, а неслоговой уходил к последующему слогу. Ср. судьбу корней **zvon-* и **em-*, когда они находились перед гласными звуками: **zvon-ъs* > *zvo-nъ* (др.-русс. **звонъ**), **vъ-zem-ъs* > *vъ-ze-mъ* (др.-русс. **вѣземъ** – действительное причастие прошедшего времени от глагола **вѣзати**).

В результате монофтонгизации из сочетаний **en*, **em*, **in*, **im* образовывался носовой гласный переднего ряда (условное его обозначение – [e], ст.-слав. буквенное соответствие – **ѣ**), а на месте сочетаний **on*, **om*, **un*, **um* появлялся носовой гласный непереднего ряда (условное обозначение – [o], ст.-слав. буквенное соответствие – **ѡ**), и таким образом слог становился открытым. Ср. результаты монофтонгизации в приведенных выше корнях **zvon-* и **em-*, когда они находились в положении перед согласными: **zvon-kъs* > *zvokъ* (ст.-слав. **звѣкъ**), **vъ-zem-tej* > *vъzeti* (ст.-слав. **вѣзати**).

Следует подчеркнуть, что получившиеся в процессе монофтонгизации гласные называют [e] и [o] носовыми лишь традиционно, реально же их произношение в разных частях праславянского диалектного континуума было неодинаковым. По-видимому, носовой гласный переднего ряда получал по диалектам реализации от [e] до [ä], а носовой заднего ряда – от [a] до [u]¹⁷.

¹⁷ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 241.

Судьба дифтонгических сочетаний гласных с плавными

§ 19. В тех случаях, когда за сочетанием гласного с плавным *r* или *l* следовал гласный звук, последовательность и качество элементов, составлявших дифтонгическое сочетание, сохранились, но осуществилось переразложение; ср. **pro-stor-ъs* > *pro-sto-rъ* (др.-русск. просторъ), **or-a-tēl* > *o-ra-ti* (др.-русск. орати 'пахать'). Но когда дифтонгические сочетания подобного рода находились в позиции перед согласными, они оказывались противоречащими принципу восходящей звучности и подвергались преобразованиям, которые были различными в зависимости от вида дифтонгического сочетания, а таких видов было три: а) сочетания типа **TorT*, **TerT*, **TolT*, **TelT*¹⁸; б) начальные сочетания типа **orT*, *olT*; в) сочетания типа **TъrT*, **TъlT*, **TъrT*, **TъlT*. Кроме того, изменения осуществлялись в разных частях славянского языкового мира по-разному, так как процессы преобразования происходили в позднепраславянский период, когда уже сложилось определенное число диалектных объединений.

Судьба сочетаний типа **TorT*, **TerT*, **TolT*, **TelT*. В диалектах, которые в дальнейшем легли в основу современных южнославянских, а также чешского и словацкого языков, образовались так называемые неполногласные сочетания, по-видимому, путем метатезы элементов, составлявших дифтонгическое сочетание, и удлинения гласного, т. е.:

**TorT* > *TraT* (напр., **borda* > ст.-слав. брада, сербохорв. брада – ср. нем. *Bart* 'борода');

**TerT* > *TrēT* (напр., **bergъ* > ст.-слав. брѣгъ, сербохорв. брѣг 'холм, горка' – ср. нем. *Berg* 'гора');

**TolT* > *TlaT* (напр., **golva* > ст.-слав. глава, сербохорв. глава – ср. литовск. *galvą*);

**TelT* > *Tlēt* (напр., **melko* > ст.-слав. млѣко, сербохорв. млѣко – ср. нем. *Milch* 'молоко').

В современных лехитских языках – польском, верхне-лужицком и нижне-лужицком – на месте сочетаний типа *TORT*¹⁹ возникли сочетания типа *TROT*:

¹⁸ Заглавная буква *T* обозначает любой согласный.

¹⁹ Заглавная буква *O* обозначает любой гласный – [o] или [e], а заглавная буква *R* служит символом любого плавного – [r] или [l].

- **TorT* > *TroT* (напр., **borda* > польск. *broda*);
 **TerT* > *TreT* (напр., **bergъ* > польск. *brzeg*);
 **TolT* > *TlaT* (напр., **golva* > польск. *głowa*);
 **TelT* > *TleT* (напр., **melko* > польск. *mleko*).

Здесь также, вероятно, произошла метатеза, но без удлинения, после чего первоначально перед плавным развился редуцированный звук, который оказался в слабой позиции и в дальнейшем выпал (**TORT* > *ТЬROT*²⁰ > *TROT*). Возможно, впрочем, что метатезы не было, но плавный развил слоговость, которая затем была преодолена путем вставки после него гласного неполного образования, подобного по тембру тому гласному, который находился перед плавным. Далее вторичный гласный усиливался, а гласный, предшествовавший плавному, редуцировался и в процессе падения редуцированных утратился (**TORT* > *TOR^bT* > *T^bROT* > *TROT*). Доказательством неперменного наличия редуцированного гласного перед плавным служит отразившееся в старопольских рукописях прояснение сильного [ъ] приставок перед словами, имевшими в начальном слого этимологические сочетания типа *TORT*: например, *ve vrotā, se zlotem* (Флорианская псалтырь XIV в.). Такие написания однозначно указывают на то, что некогда за предлогами *въ, съ* шел слог с редуцированным гласным, подвергшимся утрате²¹.

В восточнославянской языковой зоне после плавного представлен гласный, сходный по тембру с тем, который предшествует плавному, то есть здесь наблюдается так называемое полногласие:

* <i>TorT</i> > <i>ToroT</i>	* <i>TerT</i> > <i>TereT</i>	* <i>TolT</i> > <i>ToloT</i>
* <i>vorg-</i> > др.-русск. <i>ворогъ</i> ;	* <i>berg-</i> > др.-русск. <i>верегъ</i> ;	* <i>bolt-</i> > др.-русск. <i>болото</i> ;
* <i>gord-</i> > др.-русск. <i>городъ</i> ;	* <i>verd-</i> > др.-русск. <i>вередъ</i> ;	* <i>gold-</i> > др.-русск. <i>голодъ</i> ;
* <i>porg-</i> > др.-русск. <i>порогъ</i> ;	* <i>perd-</i> > др.-русск. <i>передъ</i> ;	* <i>golv-</i> > др.-русск. <i>голова</i> ;
* <i>morz-</i> > др.-русск. <i>морозъ</i>	* <i>berm-</i> > др.-русск. <i>беремъ</i>	* <i>gols-</i> > др.-русск. <i>голосъ</i>

²⁰ Заглавная буква *Ъ* обозначает любой редуцированный – [ъ] или [ь].

²¹ См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. I. М., 1951. С. 169–171.

Отдельного обсуждения требуют сочетания типа **TelT*. В исторической русистике принято считать (и это нашло отражение в большинстве учебников и учебных пособий), что, превратившись в закономерные неполногласные сочетания типа *TlěT* в южнославянских диалектах, эти сочетания в восточнославянской языковой области регулярно изменялись в сочетания типа *ToloT*, поскольку согласный *l* у восточных славян был веляризованным звуком и переводил гласный из переднего ряда в непередний. Действительно, слова и формы с сочетанием типа *ToloT* есть, но число их ограничено, например:

**melk-* > др.-русск. *молоко* (ср. ст.-слав. *млѣко*);

**peln-* > др.-русск. *полонъ* (ср. ст.-слав. *плѣнъ*);

**velk-* > др.-русск. *волокоу* (ср. ст.-слав. *влѣкж*);

**delbt-* > русск. *долото* (ср. сербохорв. *длѣто*).

Разновидностью сочетаний типа *ToloT* в древнерусском языке были полногласные сочетания с *-elo-*, где гласный *e* находился после шипящих согласных, появившихся по I палатализации заднеязычных:

**xelm-* > др.-русск. *шеломъ* (ср. ст.-слав. *шлѣмъ*);

**gelb-* > др.-русск. *желобъ* (ср. сербохорв. *жлѣб*).

Однако важно заметить, что наряду с описанными рефлексамися у восточных славян возникал и закономерный рефлекс *-ele-*, на что указывал еще в начале XX в. А. И. Соболевский, приводя целый ряд примеров²²:

др.-р. *шелемъ* (Требник Шереметева XIV в., л. 53) из праслав.

**xelm-*;

русск. *селезень* (ср. польск. *ślizień*) из праслав. **selz-*;

русск. *селезёнка* (ср. польск. *śledziona*, чешск. *slezena*) из праслав. **selz-*;

русск. диал. *пелёва*²³ (ср. ст.-слав. *плѣва*, *плѣвелъ*) из праслав.

**pelv-*;

русск. *белена*, диал. *белен* др.-русск. *веленъ*, (ср. ст.-чешск. *blén*) из праслав. **beln-*.

Генезис восточнославянского полногласия представляет собой достаточно сложную проблему, так как современные восточнославянские диалекты свидетельствуют о неоднородности этого яв-

²² Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 24.

²³ Есть, впрочем, и *полова*.

ния. В частности, в русских говорах, различающих «два типа о» – так называемое «о открытое» и «о закрытое» (см. ниже, § 68), – в первом слоге полногласия произносится «о открытое», которое по происхождению может восходить к «сильному» ъ или исконному о, а во втором слоге полногласия – «о закрытое», происходящее только из исконного о. Существует и такая диалектная система (она зафиксирована в Тверской области), в которой исконное о дает один рефлекс, а «сильный» ъ – другой, и при этом рефлексы обоих гласных полногласных сочетаний, восходящих к **TorT*, совпадают с рефлексом ъ, а не о. В некоторых украинских говорах (юго-западных), которые также знают противопоставление разных типов о, первый гласный полногласия совпадает с рефлексами «сильного» ъ, а второй гласный ведет себя по-особому – и не как ъ, и не как исконное о²⁴. Следовательно, в разных частях восточнославянской территории формирование двусложных (полногласных) сочетаний на базе древних сочетаний типа **TORT* могло иметь разный механизм: в одних говорах происходила метатеза с последующим выделением гласного перед плавным, а в других говорах полногласие вырабатывалось каким-то другим путем – без метатезы – или, возможно, в результате образования слогового *R̥* с дальнейшим появлением с обеих сторон от него редуцированных гласных.

Судьба начальных сочетаний типа **orT*, **olT*²⁵. Эти сочетания изменялись неодинаково в разных славянских диалектах и в некоторых из них имели разную судьбу в зависимости от праславянских слоговых интонаций, то есть от древнего типа ударения (о типах ударения см. ниже, § 33).

Если начальные дифтонгические сочетания (**or*, **ol* перед согласным) находилось под интонацией а к у т а, то во всех славянских диалектах происходили метатеза и удлинение: **orT* > *raT*, **olT* > *laT*:

**orm*:- др.-русск. рама, ramo ‘плечо’, укр. ра́мя, раме́но, чешск. ráme, словацк. ramä, польск. ramie, верхнелуж. ramjo, нижнелуж. rame, ст.-слав. ramo, болг. ра́мо, сербохорв. ра́ме, словенск. ráme.

²⁴ См.: Николаев С. Л. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 203–213.

²⁵ Для сочетаний с начальным е достоверных примеров нет.

**olk-*: русск. *лакомый*, укр. *лакóмий* 'жадный, похотливый', чешск., словацк. *lakomý* 'жадный, скупой', польск. *lakomý*, верхнелуж. *lakomny* 'жадный', ст.-слав. *лакѡмъ*, болг. *лаком* 'жадный', сербохорв. *лаком* – то же, словенск. *lákot* 'алчный, жадный, похотливый'.

Если сочетания **orT*, **olT* находились под интонацией н о в о г о акута или циркумфлекса, метатеза происходила во всех славянских диалектах, а удлинение – только в южнославянских (**orT* > *raT*, **olT* > *laT*), тогда как в восточнославянских и западнославянских сохранялся гласный [o] (**orT* > *roT*, **olT* > *loT*):

**orb-*: русск. *хлебоборб*, русск. диал. *робóта*, чешск., словацк. *robota* 'барщина', польск., верхнелуж., нижнелуж. *robota* // ст.-слав. *рѣбота*, болг. *ра́бота*, сербохорв. *ра̀бота* 'барщина', словенск. *rabôta*.

**old-*: русск. *лодка*, чешск. *lod'*, *lodi*, словацк. *lod'*, польск. *łodź*, верхнелуж. *łodź*, нижнелуж. *łoź* // ст.-слав. *лѣдѣи*, болг. *ла́дя*, сербохорв. *ла̀ђа*, словенск. *ládja*.

Судьба сочетаний типа **ТѣrT*, **ТѣrT*, **ТѣlT*, **ТѣlT*.

В восточнославянских диалектах сочетания **ТѣrT*, **ТѣrT*, **ТѣlT*, судя по их современным рефлексам и древнерусской орфографической передаче, остались без изменения, то есть оказались противоречащими тенденции к построению слогов по принципу восходящей звучности (ср. стандартную древнерусскую орфографию – *тѣрѣтъ*, *вѣрхъ*, *пѣлкъ*, *жѣлтѣ* и т. д.). Существует, впрочем, мнение, что слоговым в таких сочетаниях был не только редуцированный, но и плавный (см. ниже, § 31)²⁶. Что касается сочетания **ТѣlT*, то в восточнославянской области оно преобразовывалось в *ТѣlT* ввиду того, что согласный *l* был веляризованным звуком и переводил гласный в заднюю зону образования. Таким образом, совпали этимологические сочетания **ТѣlT* и **ТѣlT*. Ср. **рѣлкъ* > др.-русс. *пѣлкъ*, **вѣлкъ* > др.-русс. *вѣлкъ*.

В южнославянских диалектах, а также в диалектах, лежавших в основу чешского и словацкого языков, закрытость слога в сочетаниях типа **ТѣrT* преодолевалась следующим образом: плавные стали слоговыми, а редуцированные исчезли. Доказательством этому служит то, что ныне в соответствующих языках

²⁶ Об особых рефlekсах сочетаний типа **ТѣrT* в древнерусских северо-западных говорах см. ниже, § 44.

на месте праславянских сочетаний типа **ТЪRT* присутствуют слоговые плавные. Например:

**pъrst*- > сербохорв. *пѣст*, чешск., словацк. *prst*;

**tъrg*- > сербохорв. *трѣг* 'площадь, рынок', чешск., словацк. *trh*;

**сълньс*- > словацк. *slnce*;

**vьlk*- > чешск., словацк. *vlk*.

Примечание. В ряде языков представлено дальнейшее развитие слоговых плавных. Так, в болгарском выделился [ъ] – если плавный находился перед одиночным согласным, то слева от плавного (напр., *търг*, *вълк*), а если плавный находился перед консонантной группой, то справа (напр., *пръст*, *слънце*). В сербохорватском *!* развилось в [u] (напр., *сѹнце*, *вѹк*); в словенском на месте *!* звучит [э]: *pŕst* (фонетически [pərst]), *tŕg* 'рынок' (фонетически [tərg]), а на месте *!* – [оу] (орфографически ol): *sólncе*, *vólk*. В чешском языке *!* из сочетания **ТъlT* превратилось в [lu] (*pluk*, *slunce*), и такая же судьба постигла *!* из сочетания **ТъlT*, когда первым согласным был не губной (*žlutý*).

В лехитской подгруппе западнославянских языков рефлексy сочетаний типа **ТЪRT* разнообразны: перед плавным или после плавного представлены различные гласные, качество которых обусловлено артикуляционной характеристикой окружающих согласных. Ср.:

праслав.	польск.
* <i>vьrx</i> -	<i>wierzch</i>
* <i>mьrtv</i> -	<i>martwy</i>
* <i>tъrg</i> -	<i>targ</i>
* <i>хьlm</i> -	<i>Chełm</i> (топоним)
* <i>vьlk</i> -	<i>wilk</i>
* <i>vьln</i> -	<i>wełna</i>
* <i>pьlk</i> -	<i>pułk</i>
* <i>z'ьlt</i> -	<i>zółty</i>
* <i>сълньс</i> -	<i>słońce</i>
* <i>dьlg</i> -	<i>długi</i> .

II переходное смягчение задненебных согласных (II палатализация)

§ 20. После монофтонгизации дифтонга $*oi$, который в различных положениях в слове превращался в \acute{e} или в i , вновь образовавшиеся гласные переднего ряда в некоторых корнях и в определенных грамматических формах на стыке основы и флексии попали в позицию после задненебных согласных, например, $*koina > k\acute{e}na$; $*r\acute{y}kois > r\acute{y}ki$ (2-е л. ед. ч. императива); $*mo\acute{u}choj > tux\acute{e}$ (дат. пад. ед. ч.) $*dro\acute{u}goi > drugi$ (им. пад. мн. ч.). В этот (позднепраславянский) период еще продолжала действовать тенденция к слоговому сингармонизму, которая в свое время привела к I палатализации. Однако теперь задненебные согласные не могли, подвергшись переходному смягчению, позиционно перейти в шипящие, поскольку шипящие согласные уже давно фонологизировались, и поэтому осуществилось переходное смягчение другого рода – задненебные изменились в мягкие (палатальные) свистящие: $k > c'$, $g > d'z'$, $x > s'$. Это явление обычно называют II палатализацией (или II переходным смягчением задненебных согласных). Итак, в вышеприведенных формах процесс фонетических изменений, связанный с монофтонгизацией дифтонгов и II палатализацией, завершился следующим образом: $*koina > k\acute{e}na > c'\acute{e}na$ (др.-русск. **цѣна**); $*r\acute{y}kois > r\acute{y}ki > r\acute{y}c'i$ (др. русск. **пыци**); $*mo\acute{u}choj > tux\acute{e} > mus'\acute{e}$ (др.-русск. **моусѣ**) $*dro\acute{u}goi > drugi > drud'z'i > druz'i$ (др.-русск. **друюзи**). Комментируя последний пример, следует заметить, что с течением времени во многих славянских диалектах, в том числе – в восточнославянских, аффриката $d'z'$ утратила взрывной элемент и превратилась в z' .

В большинстве диалектов, легших в основу восточнославянских языков, а также во всех диалектах, ставших базой для формирования южнославянских языков, осуществлению II палатализации не препятствовал звук v , стоявший непосредственно после задненебного и перед гласным переднего ряда дифтонгического происхождения: $*kv\acute{o}it\acute{s} > kv\acute{e}t\acute{s} > c'v\acute{e}t\acute{s}$ (др.-русск. **цвѣтъ** 'цветок'); $*gv\acute{o}izda > gv\acute{e}zda > d'z'v\acute{e}zda > z'v\acute{e}zda$ (др.-русск. **звѣзда**), $*v\acute{y}lxv\acute{o}is > v\acute{y}lxvi > v\acute{y}ls'vi$ (др.-русск. **вълъси** – им. пад. мн. ч. от сущ. **вълхвъ**). В диалектах, которые легли в основу западнославянских языков, II переходное смягчение задненебных в сочетании с v не осуществлялось – ср. чешск. *květ, hvězda*, польск. *kwiat, gwiazda*.

В одном из восточнославянских диалектов – новгородско-псковском – II переходное смягчение задненебных согласных не прошло вообще – ни тогда, когда после задненебного непосредственно стояли гласные дифтонгического происхождения, ни тогда, когда между согласным и гласным находился *v* (см. об этом подробно § 37).

III переходное смягчение задненебных согласных (III палатализация)

§ 21. Помимо I и II палатализаций, в праславянском языке прошло еще одно переходное смягчение задненебных согласных, которое дало те же результаты, что и II переходное смягчение, то есть $k > c'$, $g > \widehat{d'z'}$ (и далее $-z'$), $x > s'$. Эту палатализацию обычно называют третьей, или, чтобы подчеркнуть ее нестандартный для славянской фонетики характер, – прогрессивной. Дело в том, что в отличие от II палатализации, которая носила регрессивный характер, осуществляясь под воздействием последующих гласных, III палатализация заключалась в изменении заднеязычных согласных в мягкие (палатальные) свистящие под воздействием предшествующих звуков. Впервые на нее обратил внимание И. А. Бодуэн де Куртене, предположивший здесь межслоговую ассимиляцию, то есть влияние на задненебные согласные гласных предшествующего слога, и поэтому еще одно принятое в науке название этой палатализации – бодуэновская. Итак, именно в результате третьей (прогрессивной, бодуэновской) палатализации появились мягкие свистящие в таких, например, словах, как **овьца**, **отьць**, **оученица**, **кѣназь**, **вьсь**, **мьрцати**.

Конкретные условия и время протекания III палатализации представляют собой дискуссионную проблему, во-первых, ввиду того, что наблюдается некоторая непоследовательность в осуществлении прогрессивного смягчения задненебных (ср., например, форму им. пад. ед. ч. существительного среднего рода **оученица** и форму род. пад. ед. ч. существительного мужского рода **оученика**, где согласные находятся в идентичных условиях, но в одном случае эффект палатализации наблюдается, а в другом – нет), а во-вторых, потому, что в отличие от I и II палатализаций, относительная хронология которых устанавливается точно (между ними лежит монофтон-

гизация дифтонгов), III палатализация ни с какими другими праславянскими фонетическими процессами не координируется.

Существует гипотеза, согласно которой III переходное смягчение происходило в позднепраславянский период²⁷. Аргументируется она следующим образом: тот факт, что палатализация была прогрессивной, то есть осуществлялась под воздействием гласного предыдущего слога, мог бы свидетельствовать об ослаблении прежней «автономности» слога, а значит, о позднем характере данного фонетического изменения. Кроме того, на активность рассматриваемого процесса именно в позднюю праславянскую эпоху может указывать наличие мягкого свистящего согласного в заимствованиях из готского языка *кѣназь* и *пѣназь* — ведь славяне начали контактировать с готами лишь во II–IV вв. н. э. С учетом этой хронологии предполагается, что III палатализация проходила тогда, когда не только осуществилась качественная дифференциация долгих и кратких гласных, но уже произошло и образование носовых гласных, то есть условия протекания III палатализации формулируются так: задненебные согласные изменялись в мягкие свистящие после гласных переднего ряда *i, ъ, ѣ* и после плавного *r* (*ŕ*) в сочетаниях типа **ТѣrТ*, однако с ограничением — только в тех случаях, когда после задненебного шел гласный непереднего ряда, но не *ъ* и не *у* (*ы*), которые, так же, впрочем, как и любые согласные, блокировали смягчение. Возможно, что ограничений было больше — то есть III палатализация осуществлялась только если после согласного следовал гласный непереднего ряда *a*²⁸. Ср. *мърцати* — *мъркноути*; *нѣльза* — *льгѣтъ*, *льгота*.

Впрочем, такая формулировка условий протекания III переходного смягчения задненебных заставляет предполагать аналогичские изменения в парадигмах, поскольку многие формы с мягкими свистящими, находящимися после гласных переднего ряда, чисто фонетически не объясняются ввиду несоблюдения указанных ограничений. В частности, фонетические условия для перехода **k > c'* применительно к существительным женского рода с суффиксом *-иц-* имеются только в нескольких формах (например, им. ед.

²⁷ См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1986. С. 106–107.

²⁸ См.: Там же. С. 108.

пѣтица, дат. мн. пѣтицаѡѣ, тв. мн. пѣтицаѡи, мест. мн. пѣтицаѡѣхъ), тогда как наличие *с'* перед гласными переднего ряда в таких формах, как род. ед. пѣтицѣѣ, дат. ед. пѣтици, род. мн. пѣтиць и др., должно объясняться грамматической аналогией. С другой стороны, формы типа род. ед. оученика со звуком *k*, а не *с'* (ведь для появления последнего есть все условия: он находился бы после *i* и перед *a*) объясняются аналогическим грамматическим выравниванием по формам типа им. ед. оученикъ, вин. мн. оученикы.

Следует заметить, что, даже если рассматривать III палатализацию как позднепраславянское явление, есть некоторые основания полагать, что она, возможно, осуществлялась раньше, чем II палатализация (см. об этом ниже, § 38).

Целым рядом ученых постулируется раннепраславянская датировка III палатализации. Так, американский славист Г. Лант полагает, что она осуществилась еще до I регрессивной палатализации и до качественной дифференциации долгих и кратких гласных. Поэтому он формулирует следующие условия прогрессивного смягчения: задненебные изменялись в мягкие свистящие, находясь в положении после **ĩ* (за которым мог следовать или не следовать носовой сонант) и перед **ǣ* (то есть, если придерживаться использованного выше обозначения раннепраславянских гласных, — перед **ǣ*^о). При этом реконструкцию протославянских окончаний имен с основами на **ā* и на **ǫ* Г. Лант производит таким образом, что все флексии (кроме флексии зват. пад. **ǫ*-склонения) начинаются с **ǣ*, и поэтому свистящие звуки в парадигмах таких слов, как овѣца, пѣтица, лицѣ, кѣнаѣ и др., оказываются закономерными. Следовательно, согласно этой концепции не приходится допускать разного рода аналогические выравнивания в парадигмах. Однако тем не менее остается определенное количество случаев, не укладывающихся в схему, и для них Г. Лант вынужден подыскивать те или иные объяснения. Например, такие лексемы, как грѣкъ, ликъ, он считает возникшими в период, когда III палатализация уже не действовала; звук *i* в словах с суффиксом -ник- и прилагательных великъ, толникъ, ѣликъ возводит к дифтонгу *ei*, который блокировал прохождение палатализации; образования типа ст.-слав. мръцати (со звуком *с'* после *r*), которые были продуктив-

ными только у южных славян, считает поздними и морфологически обусловленными и т. д.²⁹

Итак, при любом варианте хронологизации III переходного смягчения заднеязычных и определения его условий, приходится делать некие допущения, чтобы тем или иным образом интерпретировать слова и словоформы, которые из предлагаемых учеными схем непосредственно фонетическим путем не выводятся.

Утрата носовых гласных в истории русского языка

§ 22. Как указывалось выше (см. § 18), в праславянском языке из сочетаний гласных с сонантами [n] и [m] в позиции перед согласными развились, два носовых гласных, один из которых был звуком переднего ряда, а другой – непереднего. Произношение носовых гласных, традиционно называемых [e] и [o] носовыми и обозначаемых в транскрипции знаками [ɛ] и [ɔ], в разных праславянских диалектах было неодинаковым: носовой гласный переднего ряда получал реализации от [ɛ] до [ä], а носовой заднего ряда – от [a] до [ɯ]. В тех праславянских диалектах, которые легли в основу языка восточных славян, носовой гласный переднего ряда образовывался в зоне нижнего подъема, то есть был звуком типа [ä], тогда как носовой гласный непереднего ряда, скорее всего, произносился как напряженный звук средне-верхнего или даже верхнего подъема, то есть представлял собой [õ] или [ɯ]. Следует заметить, что в праславянских диалектах уровень подъема носового гласного переднего ряда непосредственно зависел от уровня подъема звука, реализовавшего фонему <ѣ>. В тех диалектах, где *ѣ произносился как гласный нижнего подъема ([ä]), носовой переднего ряда располагался на уровне среднего подъема ([ɛ]) а в тех диалектах (и в их число входили диалекты будущих восточных славян), где *ѣ воплощался в звуке средне-верхнего подъема ([ê]), носовой переднего ряда звучал как [ä], то есть был гласным нижнего подъема.

Носовые гласные оказались слабым звеном в системе вокализма праславянского языка и в дальнейшем в большей части славянских диалектов исчезли. Лишь в польском языке и отдельных гово-

²⁹ См.: Lunt H. The Progressive Palatalization of Common Slavic. Skopje. 1981.

рах македонского и словенского языков представлены рефлексы носовых, сохранившие в своем образовании назальный элемент.

При исчезновении носовых гласных происходила просто утрата ринезма, то есть носового характера произношения, тогда как ротовая артикуляция гласного сохранялась³⁰. В итоге в восточнославянской языковой области на месте носового переднего ряда, который, как указано выше, был звуком типа [ǣ], появился гласный [ä], (первоначально реализовавший отдельную фонему <ǣ>, которая в дальнейшем совпала с фонемой <a>). На месте же носового непреднего ряда возник гласный [u], совпавший с имевшимся уже в языке [u], восходящим к праславянскому дифтонгу *ou̯. Ср. праслав. **peŭ* – рус. *пять*, праслав. **meŭi* – рус. *мять* праслав. **žeŭi* – рус. *жать*; праслав. **roka* – рус. *рука*, праслав. **sođŭ* – рус. *суд*, праслав. **možŭ* – рус. *муж*.

Процесс утраты носовых гласных протекал в восточнославянской языковой области в период, предшествовавший созданию первых дошедших до нас памятников письменности. Так, имевшиеся в кириллической азбуке специальные буквы для обозначения носовых гласных – Ж и Ѧ уже в древнейшем восточнославянском памятнике, который датируется рубежом X–XI вв., – Новгородском кодексе – sporadически заменяются на ou̯ и ǣ, причем есть и обратные замены, например, *обръѣтоу* (3-е л. мн. ч. аориста), *тѣоѣ* (им. пад. мн. ч. женск. р.), *бѣ* (т. е. *богоу* – дат. пад. ед. ч.), *земѣ* (им. пад. ед. ч.).

Отмечается взаимная мена букв Ж – ou̯; Ѧ – ю; Ѧ, Ѧ – ǣ, а и в Остромировом евангелии, самом древнем из сохранившихся пергаменных памятников XI в. (1056–1057 гг.). Ср., например, замену Ж на ou̯: *порученіе* л. 294, замену ou̯ на Ж: *стѣдньць* л. 3, замену Ѧ на ю: *молю* л. 294, замену ю на Ѧ: *ѡже* (т. е. *юже* – наречие) л. 169, замену Ѧ на а: *почахъ* л. 294, замену Ѧ на ǣ: *глаголю* л. 30 и т. д.

Подобные буквенные смешения могли возникнуть только в том случае, если в речи писца носовые гласные отсутствовали. Благодаря хорошей выучке квалифицированный древнерусский книжник, каковым являлся, например, дьякон Григорий, чьим почерком написаны листы с 25-го по 289-й Остромирова евангелия, в основном употреблял буквы Ж, Ѧ и Ѧ, Ѧ правильно, в соответст-

³⁰ См.: Бернштейн С. Б. Указ. соч. С. 243.

вии с южнославянским оригиналом и ошибки делал лишь изредка. Они были, как указано выше, двух типов. Первый связан с непосредственным отражением живого произношения, то есть писец ставил ту букву, которая ассоциировалась с произносимым им звуком. Так возникли замены букв **ж** и **ѣ** на **оу** и **ю** и замена букв **а** и **ѡ** на **ѡ** и **а**. Второй тип ошибок связан с гиперкоррекцией, то есть со стремлением писать правильно: писец знал, что должен следить за употреблением букв, которым нет соответствия в его живом произношении, и иногда вставлял их даже там, где в оригинале их не было. Таким путем появлялась замена **оу**, **ю** на **ж**, **ѣ** и замена **а**, **ѡ** на **а**, **ѡ**.

§ 23. Показания древнейших восточнославянских текстов не позволяют установить **время утраты носовых**. Данные, извлекаемые исследователями из Новгородского кодекса и Остромирова евангелия, свидетельствуют лишь о том, что в XI веке носовых гласных в речи восточных славян уже не было. Приблизиться к решению этой проблемы помогает материал неславянских источников.

Важные свидетельства мы находим в произведении византийского императора Константина Багрянородного. В 949 году он написал в качестве поучения или руководства для своего сына Романа сочинение, известное в основном под латинским названием «*De administrando imperio*» («Об управлении государством»), но называемое еще «*Περὶ ἐθνῶν*» («О народах»). В этом сочинении Константин Багрянородный, описывая многочисленные провинции, упомянул о тогдашней Руси. Рассказывая о плавании на однодеревках в Константинополь из Новгорода, Смоленска, Любеча, Вышгорода, он перечислил днепровские пороги и привел их славянские названия, видимо, услышанные от местных жителей. Два из этих названий имеют огромную ценность для исторической русистики. Это слова *Βερούτζη* и *Νεασήτ*. Первое название представляет собой древнерусскую форму **вьроуѣи** – действительное причастие настоящего времени им. пад. ед. ч. женск. р. от глагола **вьръѣти** ('кипеть'). Гласный [u] в причастном суффиксе восходит к [q], ср. ст.-слав. **вьрѣци**. Второе название – это древнерусское слово **непастыть** ('пеликан', 'коршун'), старославянское соответствие которого – **немастыть**. Отсутствие букв носовых согласных при передаче Константином Багрянородным этих слов свидетельствует о том, что он не слышал в их произношении назального призвука, а

значит, к середине X века носовые гласные в восточнославянской вокалической системе были уже утрачены.

Более точно время исчезновения носовых установить нельзя, однако есть возможность наметить некоторые хронологические веихи их существования, причем также на неславянском материале. В древнейшем пласте прибалтийско-финских заимствований из славянских диалектов обнаруживаются слова, фонетический облик которых свидетельствует о том, что в языке-источнике в момент заимствования присутствовали носовые гласные. Важно заметить, что, судя по данным археологии, прибалтийско-финские племена контактировали в глубокой древности именно с восточными славянами, которые проникли в бассейн озера Ильмень в V–VII вв., так что старейшие заимствования из славянских племенных диалектов попали в диалекты прибалтийско-финские именно от восточных славян и именно в указанный период.

Лексический материал, позволяющий сделать вывод о том, что прибалтийские финны, общаясь со славянами, слышали в их речи носовые гласные, таков. В ранних прибалтийско-финских заимствованиях из славянского представлены сочетания гласного с носовым согласным в соответствии с этимологическим носовым гласным языка-источника. Ср. финск. *kuontalo*, водск. *kōntala*, и русск. кудель (< **kǫdelʲ*); финск. *suntio*, *sontio* и русск. судья (< **sǫdʲja*); эстонск. *und* 'удочка' и русск. уда (< **qda*); водск. *lonkka* 'лощина, впадина' и древнерусск. *лука* (< **lǫka*) 'изгиб берега, излучина'. Таким образом, сочетания *un*, *on*, *uon* в прибалтийско-финских заимствованиях передают, должно быть, носовой гласный непяреднего ряда. Впрочем, конечно, не исключено, что эти сочетания отражают позднеспаславянские дифтонгические сочетания чистых гласных с носовыми сонантами, еще не монофтонгизировавшиеся в назальные гласные.

Итак, процесс утраты носовых в восточнославянской языковой области проходил, по-видимому, в период между VII и X вв. В связи с утратой носовых изменился состав гласных фонем в вокалической системе, унаследованной восточнославянскими диалектами из праславянского языка. Если раньше насчитывалось 11 гласных фонем – <i>, <y>, <u>, <ě>, <ę>, <q>, <e>, <o>, <ь>, <ъ>, <a>, – то теперь их стало 10 (на месте <ę> появляется новая фонема <ä>, а <q> исчезает, так как ее рефлекс совпадает с имеющейся уже фонемой <u>).

«Исходная» фонетическая система древнерусского языка

§ 24. Отправной точкой изучения преобразований, произошедших в русском языке в так называемый «исторический период», считается система, сложившаяся в восточнославянской языковой области в позднепраславянскую эпоху. Эту отправную точку принято условно называть «исходной системой». Данным термином обозначается реконструируемое состояние древнерусского языка рубежа X–XI веков. Следует особо подчеркнуть, что здесь и далее под древнерусским понимается так называемый **«стандартный, или наддиалектный, древнерусский язык»** (термины введены А. А. Зализняком). «Эта форма древнерусского языка, применялась в качестве социально престижной (хотя бы в некоторых ситуациях) на всей территории древней Руси. Из общих соображений можно предполагать, что она была в большей или меньшей степени ориентирована на столичный, т. е. киевский говор (но конкретных данных в этом отношении, к сожалению, почти нет). Именно эта форма описывается просто под именем древнерусского языка в исторических курсах»³¹.

Описание «исходной» фонетической системы включает три аспекта: 1) **звуковая система**, 2) **структура слога**, 3) **ударение**. В свою очередь, рассмотрение звуковой системы строится в двух направлениях: описание **системы вокализма** и описание **системы консонантизма**.

Система вокализма

Гласные фонемы.

Дифференциальные и интегральные признаки

§ 25. После утраты носовых гласных вокалическая система стандартного древнерусского языка включала 10 фонем.

³¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 5.

Подъем	Ряд	Передний	Непередний
Верхний		і	у и
Средне-верхний		ё	
Средний		е ь	ъ о
Нижний		ä	а

Признаков, организующих систему, было четыре (подъем, ряд, лабиализованность / нелабиализованность и количественность), но не все они были универсально релевантными, то есть значимыми для характеристики каждой из гласных фонем.

Безусловно дифференциальным для всех гласных был признак **подъема**. В отличие от современного русского языка, в древнерусском выделялось четыре степени подъема – нижний, средний, средне-верхний и верхний.

Дифференциальным был и признак **ряда**, причем фонологически противопоставлялись два ряда – передний и непередний.

Признак **лабиализованности / нелабиализованности** был для гласных неверхнего подъема интегральным, сопутствующим признаку ряда, и лишь в частной подсистеме гласных верхнего подъема он обладал дифференцирующими свойствами, так как по этому признаку в пределах непереднего ряда противопоставлялись фонемы <у> и <и>.

В современном русском языке дифференциальным является признак лабиализованности / нелабиализованности, а признак ряда ему сопутствует. Дело в том, что ряд гласных может быть позиционно обусловлен, – после мягкого согласного, и в особенности между мягкими, выступают гласные, продвинутые вперед, а в позиции после твердого согласного – гласные, отодвинутые назад. Признак же лабиализованности от позиции не зависит. Ср. совр. русск.: [л'уд'и], на бе[r'óz']е, где лабиализованный гласный в начале и конце звучания продвигается в передний ряд, но все равно останется в сигнификативно сильной позиции.

В древнерусском языке рассматриваемого периода ситуация была иной, так что конститутивным оказывался именно признак ряда: как только гласный неверхнего подъема терял признак непереднего ряда, уходила и лабиализованность. Это хорошо просле-

живается на материале флексий: когда, например, флексия дательного падежа единственного числа **ŭ*-основ -*ови* аналогическим путем распространялась на некоторые **ō*-основы мягкого варианта, она сразу заменялась на -*єви* (ср. *сѣнови*, но *моуѣви*). Кроме того, ряд был дифференциальным признаком еще и потому, что после твердых согласных могли выступать гласные фонемы и переднего, и непреднего ряда, напр., *холопи* (им. пад. мн. ч.) и *холопы* (вин. пад. мн. ч.) – фонологически *холо<ни>* – *холо<ны>*, фонетически – *холо[nʲi]* – *холо[ny]*.

Генетически гласные [a], [ä], [ě], [i], [y], [u] были долгими, так как они восходили к индоевропейским долгим гласным или дифтонгам, а гласные [e] и [o] – краткими, поскольку происходили из индоевропейских кратких звуков. Гласные [ъ] и [ь] были **сверхкраткими**, и этот квантитативный признак был для них дифференциальным, так как противопоставлял их другим гласным среднего подъема – соответственно [o] и [e]. Что касается реальной долготы или краткости остальных звуков, то вопрос о том, противопоставлялись ли они на фонетическом уровне по этому признаку на рубеже X–XI вв., остается открытым³², но даже если противопоставлялись, дифференциальным для них этот признак наверняка не являлся.

Звуковые реализации гласных фонем

§ 26. Как было сказано выше, с функциональной точки зрения, то есть фонологически, в системе вокализма выделялись только два ряда – передний и непредний. Однако реально (фонетически) в пределах непреднего функционального ряда звуки могли располагаться в зоне среднего или заднего ряда. В связи с этим встает вопрос о том, к какому ряду относились в «исходной» системе звуки [a] и [y] (ы).

Гласный [a] был противопоставлен звуку [ä] и поэтому должен был располагаться в зоне заднего ряда, чтобы расстояние между двумя звуками было достаточным для сохранения смысловоразличительной функции.

Что касается гласного [y] (ы), то его реальное произношение в древности неизвестно. В современном русском литературном языке это звук среднего ряда, но некоторым говорам (в частности, се-

³² Древнейшие заимствования из восточнославянского в балтийские и прибалтийско-финские языки еще указывают на различение долгих и кратких гласных.

вернорусским) свойственно заднерядное его произношение. Знают отодвинутое назад [ы] и украинские диалекты.

Не совсем ясно конкретное качество фонемы <ъ>. Возможно, она реализовалась лабиализованным звуком. В пользу этого сообщения говорит тот факт, что [ъ] произошел из праславянского лабиализованного гласного *ŭ и в дальнейшем в истории русского языка изменился в лабиализованный звук [о]. Кроме того, византийские авторы иногда передавали [ъ] через ou, буквосочетание, предназначенное для обозначения лабиализованного гласного. Например, у Константина Багрянородного находим название днепровского порога Νεοβουλίη, что соответствует славянскому не съпи.

И, наконец, по-разному восстанавливается учеными древнее звучание фонемы средне-верхнего подъема <ѣ>. А. А. Шахматов, а вслед за ним В. В. Виноградов предполагали, что эта фонема реализовалась в виде дифтонга [iĕ], причем А. А. Шахматов реконструировал еще разнообразные позиционные модификации этого сложного звука. В свою очередь, А. М. Селищев придерживался другого мнения, считая, что фонема <ѣ> представляла собой узкий напряженный монофтонг [ĕ:]. Обе точки зрения правомерны, так как в современных русских говорах, сохраняющих фонему средне-верхнего подъема переднего ряда (этимологический *ĕ), ее реализации могут быть разными: от узкого напряженного монофтонга до дифтонга.

Позиционные изменения гласных

§ 27. Подавляющее большинство гласных не имело никаких позиционных вариантов. Единственными фонемами, по-разному реализовавшимися в разных позициях, были <ъ> и <ь>, которые принято называть редуцированными (менее употребительны термины «глухие», «сверхкраткие» и «иррациональные»). Они располагались в зоне среднего подъема, причем [ъ] был гласным переднего ряда, а [ь] – непреднего.

В зависимости от положения в слове редуцированные находились в так называемых сильных и слабых позициях³³. Можно предположить, что в сильной позиции редуцированные произносились отчетливее, приближаясь по звучанию к гласным полного образо-

³³Сильные позиции далее будут обозначаться подстрочным знаком =, а слабые – знаком ^.

вания. В слабых же позициях они выговаривались, по-видимому, совсем кратко, были близки к гласным призвукам. Такое заключение делается на основании дальнейшей судьбы сильных и слабых редуцированных: сильные совпали с гласными полного образования, а слабые исчезли.

Редуцированные находились в **слабой позиции** в следующих случаях: 1) в абсолютном конце неодносложной словоформы (например, **домѣ**, **гостѣ**); 2) перед слогом с гласным полного образования (например, **дѣва**, **сѣпати**, **вѣрати**); 3) перед слогом с редуцированным в сильной позиции (например, **лѣжѣцѣ**, **дѣньсѣ**).

В **сильном положении** редуцированные оказывались в следующих случаях: 1) перед слогом с редуцированным в слабой позиции (например, **сѣнѣ**, **вѣсѣ**, **горѣкъ**); 2) в сочетаниях, которые восходят к праславянским сочетаниям *ТыгТ, *ТыгТ, *ТыТ, *ТыТ, то есть в словах типа **тѣригѣ**, **вѣрхѣ**, **пѣлкѣ**, **вѣлкѣ**, **жѣлтѣ**.

На протяжении длительного периода времени считалось, что сильной в раннедревнерусском языке была также позиция начального ударного слога. Это утверждение появилось в результате слишком прямолинейной трактовки одного предположения, выдвинутого А. А. Шахматовым. В праславянском языке ударение (имеется в виду автономное ударение, см. ниже – § 33) на слабых редуцированных не удерживалось, а переносилось на предшествующий слог; если же такового не было, то есть слог с редуцированным был в слове первым, ударение сдвигалось на последующий слог. А. А. Шахматов предположил, что иногда на [ѣ] и [ь] начального слога ударение переносилось обратно под влиянием грамматической аналогии и такие [ѣ] и [ь] становились сильными, отчего впоследствии, когда проходил процесс падения редуцированных, они изменились в [о] и [е]. Таким образом, А. А. Шахматов не имел в виду, что любые ударяемые [ѣ] и [ь] начального слога находились в сильной позиции; он подчеркивал, что подобная ситуация могла возникнуть лишь аналогическим путем.

Оказалось, однако, что и в шахматовской гипотезе о раннем аналогическом переносе ударения на первый слог в случаях типа им. мн. **сѣтъкла**, нет необходимости. Опроверг эту гипотезу А. А. Зализняк, показавший, что немногочисленные случаи «незаконного» прояснения редуцированного в начальном слоге могут быть объяснены факторами, действующими безотносительно к ударению. Таковыми факторами являются 1) выравнивание основ в парадигме (на-

пример, *лѣсти* из *лѣсти* под влиянием *лесть* из *лѣсть* и 2) преодоление скопления согласных, которое могло бы возникнуть в результате утраты слабых редуцированных (например, *бодрый* из *бѣдрѣи*, где гласный полного образования возник «незаконно», во избежание появления труднопроизносимого начального сочетания [бдр]. Ср. аналогичные случаи: *дохлый* из *дѣхлыи*; *тѣща* из *тѣща*)³⁴.

§ 28. Редуцированные <ъ> и <ь> в определенном фонетическом положении – перед [j] – выступали в своих позиционных разновидностях – звуках [ǔ] и [ǐ], которые принято называть [у] и [і] **редуцированными** или напряженными редуцированными. Очевидно, в речевом потоке происходило приспособление артикуляции [ǔ] и [ǐ] к последующей йотовой артикуляции. В результате, оставаясь редуцированными, то есть сохраняя свой дифференциальный признак количества, <ъ> и <ь> реализовались в звуках верхнего или средне-верхнего подъема.

Напряженные редуцированные могли находиться в сильной и слабой позиции так же, как [ǔ] и [ǐ]. Впрочем, в связи с тем, что [ǔ] и [ǐ] выступали только перед [j], слабая позиция конца слова и сильная позиция в сочетаниях типа ТЪРТ были для них неактуальны. Следует заметить также, что вариант фонемы <ъ> – [ǔ] – в слабой позиции в древнерусском языке не представлен.

В раннедревнерусский период (а быть может, и еще раньше) с [ǔ] и [ǐ] редуцированными совпали (правда, не во всех случаях) [у] и [і] исконные, находившиеся перед [j]. Этот вывод делается на основании того, что в восточнославянской языковой области рефлексy *<уj> и *<іj> аналогичны рефлексам *<ьj> и *<ьj>. Ср. русск. *мой* (повелительное наклонение от глагола *мыть*) из древнерусск. <муji> и русск. *живой* из древнерусск. <ž'ivъjъ> ; русск. *брей* (повелительное наклонение от глагола *брить*) из древнерусск. <brijji> и русск. *людей* из древнерусск. <l'udъjъ>.

Однако некоторые различия между [ǔ] и [ǐ], происходившими из <ъ> и <ь>, и [ǔ] и [ǐ], реализовавшими фонемы <у> и <і> перед [j], все же существовали. Те [ǔ] и [ǐ], которые являлись вариантами фонем <у> и <і>, вели себя вне зависимости от позиции в слове как сильные редуцированные, то есть создавали для предшествующего редуцированного слабую позицию и сами в процессе падения редуцированных прояснялись. Ср. русск. *шея* из древнерусск. [š'ǐja]

³⁴ См.: Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 168–172.

(фонологически <š'ija>), русск. *мою* из древнерусск. [mŷju] (фонологически <muju>), русск. *сбрею* из древнерусск. [sʲbrŷju] (фонологически <sʲbrŷju>).

Система консонантизма

Состав согласных фонем

§ 29. Система согласных фонем, унаследованная от праславянского языкового состояния, может быть реконструирована для периода, непосредственно предшествовавшего появлению первых памятников письменности, в следующем виде:

Способ образования		Взрывные	Фрикативные	Аффрикаты	Сложные	Носовые	Боковые	Дрожащие
Место образования								
Губно-губные		p b				m		
Губно-зубные			v					
Переднеязычные	Зубные	t d	s z			n	l	
	Переднеязычные							r(r') ³⁵
Среднеязычные	Переднеязычные		š' ž' s' z'	c'	š't's' ž'd'ž'	n'	l'	
	Среднеязычные		j	č'				
Заднеязычные	Заднеязычные	k g	x					

Согласные звуки подразделялись на глухие [p, t, s, s', š', č', c', š't's', k, x], звонкие шумные [b, d, z, z', ž', ž'd'ž', g] и сонорные [m, n, l, r, n', l', r', j].

Некоторых пояснений требует вопрос о звуке [v]. Он появился в праславянском языке в поздний период его развития из сонанта [u], находившегося перед гласными, и после консонантизации стал шумным фрикативным согласным, пройдя через стадию сонорного

³⁵ Ниже (§ 30) будет прокомментировано, почему r' стоит в скобках.

[w]. Однако точно время превращения [w] в фрикативный губно-зубной [v] исторической славистике неизвестно. Так, А. Мейе в своем основополагающем труде «Общеславянский язык» указывает лишь, что изменение *w в губно-зубной v у славян – это явление эпохи дробления на диалекты³⁶. Очевидно, во всяком случае одно: в некоторых славянских диалектах фонема <v> до сих пор сохраняет следы своего сонорного происхождения. Так, например, во многих современных восточнославянских говорах она в определенных позициях реализуется в звуках [ɯ] ([ɯ] неслоговое) или [w]. Таким образом, возможно, что в «исходной системе» уже был представлен губно-зубной звук, но допустимо предположить и то, что в этот период были диалектные различия, связанные с тем, что в одних говорах имелся звук [v], а в других – еще [w]. Впрочем, для такого предположения нет убедительных доказательств, поскольку все свидетельства письменных источников, которые можно трактовать как отражающие различное качество губного спиранта, относятся к более позднему периоду – эпохе после падения редуцированных. Исходя из всего вышесказанного, необходимо подчеркнуть, что звук [v] в приведенной таблице помещен в разряд губно-зубных согласных условно.

Следует обратить внимание на отсутствие в «исходной» системе фонемы <f>. Кириллическая азбука имела две буквы, которым не было звукового соответствия в живом языке славян, – ф и ѣ. Они использовались для записи заимствованных слов, в частности – греческого происхождения. При этом согласный [f], обозначающийся в греческом алфавите буквой ϕ, передавался в кириллице буквой ф (например, философъ, ср. греч. φιλόσοφος), а греческий звук [θ], обозначающийся буквой θ, передавался кириллической буквой ѣ (например, григории ѣеологъ, ср. греч. Θεόλογος). По-видимому, славянские книжники – и восточнославянские в том числе – читали обе буквы как [f]³⁷. В живом же языке слова с [f] отсутствовали, а если в диалектную речь восточных славян и проникали заимствования с этим звуком (например, христианские имена греческого происхождения), то [f] подвергался заменам на [p], [xw] или [x].

³⁶ Мейе А. *Общеславянский язык*. М., 1951. С. 15.

³⁷ Впрочем, возможно, что первоначально буква ф читалась как [p], чему есть следующее свидетельство: в заголовке XVIII главы от Иоанна переписчик Маринского евангелия пишет та фати, передавая таким образом греческое τὰ πάθη 'страсти' (см. Мейе А. Указ. соч. С. 38).

Дифференциальные признаки фонем

§ 30. В современном русском литературном языке большинство согласных имеют четыре дифференциальных признака – место образования, способ образования, палатализованность – непалатализованность и глухость–звонкость. В «исходной» же древнерусской системе место и способ образования были дифференциальными признаками, тогда как палатализованность–непалатализованность как ДП отсутствовала. Что же касается признака глухости – звонкости, то здесь существует некоторая проблема. Из описательной фонетики известно, что имеется тесная взаимосвязь признаков глухости – звонкости и напряженности – ненапряженности: глухие согласные всегда напряженные, а звонкие – ненапряженные. Но один из этих признаков является основным, а другой – сопутствующим, и системы разных языков организованы в этом плане по-разному. Так, в современном русском литературном языке глухость – звонкость – основной признак согласного, а напряженность – ненапряженность – сопутствующий. В исторической фонетике высказывались разные точки зрения по поводу того, какой признак в праславянском языке (а следовательно, и в исходной древнерусской системе) был основным, а какой сопутствующим. Но однозначно решить этот вопрос трудно, поскольку в тот период практически не было позиций нейтрализации согласных по глухости – звонкости (или напряженности – ненапряженности).

По-другому, чем современная русская, была организована древняя восточнославянская система консонантизма применительно к признаку твердости / мягкости. Дело в том, что часть согласных обладала постоянным фонологическим признаком твердости. Это были фонемы <р, b, в, m, t, d, s, z, n, l, r, k, g, x>. Когда твердые согласные фонемы попадали в позицию перед гласными переднего ряда, происходила артикуляционная аккомодация и согласные приобретали позиционное (нефонологическое) смягчение, которое в истории языка принято называть полумягкостью (в транскрипции она обозначается точкой, стоящей справа от буквы согласного – [p[•]], [b[•]], [t[•]], [d[•]] и т. д.). Исключение составляли заднеязычные <k, g, x>, поскольку в стандартном (наддиалектном) древнерусском языке они не могли стоять в положении перед гласным переднего ряда и поэтому, выступая только перед непередними гласными, оставались всегда фонетически твердыми.

Кроме твердых согласных фонем, в «исходной» системе присутствовали постоянно мягкие согласные: <š', ž', č', c', s', š't's', ž'd'ž', z', n', l', (r'), j>. Все они (кроме <j>) появились еще в праславянском языке в результате трех палатализаций и смягчения в сочетании с йотом (см. выше, §§ 13, 14, 20, 21). Это значит, что исконно твердые звуки претерпели переходное смягчение: под влиянием последующего звука переместились в зону среднего неба, то есть, приобретая мягкость, изменили свое первоначальное место образования и стали палатальными. Для того чтобы понять историю дальнейших изменений в системе консонантизма, необходимо четко представлять себе отличия палатальных согласных от палатализованных, каковыми являются все, кроме йота, мягкие согласные современного русского литературного языка.

Когда согласный звук подвергается палатализации, помимо основного фокуса артикуляции формируется дополнительный – средняя часть спинки языка приподнимается в направлении к твердому небу. При произнесении же палатального согласного единственная артикуляция заключается в том, что спинка языка соприкасается со средним небом либо образует с ним щель, в результате чего возникает очень мягкий звук. Следует заметить, что среднее небо представляет собой достаточно обширную область, и поэтому палатальные согласные бывают разного качества в зависимости от способа их образования и того места в пределах среднего неба, где формируется смычка или щель. Эти согласные бывают, например, переднепалатальными, среднепалатальными, заднепалатальными. Так, ранневосточнославянские шипящие, в частности [š'], [ž'], были, по-видимому, переднепалатальными, а сонант [j] – среднепалатальным (см. таблицу, приведенную выше, § 29).

Палатализованные согласные противопоставляются твердым фонемам того же ряда (например, дентального или лабиального) и образуют с ними тембровую корреляцию по признаку «твердость – мягкость» (одномерную, пропорциональную, привативную, по терминологии Н. С. Трубецкого). Палатальные же согласные не входят в подобного рода тембровую корреляцию, а формируют самостоятельный локальный ряд, который принято называть палатальным. Он существует наряду с лабиальным, дентальным, велярным и другими рядами. При этом члены палатального ряда образуют эквивалентные оппозиции по месту образования. Система первого типа представлена в современном русском языке, где твердые и мягкие

согласные организованы по принципу парного противопоставления. В «исходной» же древнерусской системе парного противопоставления твердых и мягких согласных не было, а параллельно с рядами твердых согласных существовал обширный палатальный ряд, в котором помещались все вышеперечисленные мягкие согласные фонемы.

Доказательством того, что позднеславянская система, а следовательно, и «исходная» древнерусская, была устроена именно таким образом, может послужить обращение к современным системам южнославянских языков – сербохорватского и словенского, сохраняющих достаточно архаичный фонетический строй. В частности, в сербохорватском языке имеются, с одной стороны, твердые согласные, а с другой стороны – палатальный ряд, очень сильно смягченные звуки [č'], [d'ž'], [j], [l'], [n'] (обозначаемые соответственно буквами **ћ, ђ, ј, љ, њ**).

Еще одним свидетельством существования в «исходной» системе палатального ряда служат данные древнейших памятников письменности. В ранних восточнославянских рукописях имелись специальные обозначения для палатальных сонорных [l'] и [n']. Во-первых, употреблялись буквы **л̣, н̣**, представляющие собой сочетание букв **л, н** со значком, который обычно называют крюком. Во-вторых, палатальность сонорных передавалась последующими йотированными буквами **ла, ље, ю** (и в единичных случаях – **ѡа, ѡѣ**). И, наконец, в-третьих, использовались диакритические (надстрочные) знаки, которые имели разнообразный рисунок. Чаще всего это дужка **˘** или запятая **˙**; гораздо реже – значок, напоминающий кавычку **ʹ** или точку **˙**. Эти значки могли стоять над буквой согласного, или справа от нее (то есть между буквой согласного и последующего гласного), или над обеими буквами. Диакритики в виде запятой, кавычки или точки встречаются и над буквой гласного, следующей за буквой сонорного. Иногда наблюдается сочетание диакритического знака с буквой йотированного гласного³⁸. Ср. несколько примеров из рукописей XI–XII веков. *Остромирово евангелие* 1056–1057 гг.: **дѣлаѡхъ сѧ** л. 26, **въ прѣполовлѣнїе** л. 26, **къ нѣмоу** л. 25, **глѣши** л. 291. *Синайский патерик* XI в.: **дѣлатели** л. 23 об., **на поли** л. 145, **съ нѣмь** л. 20, **поустыни** л. 9 об.,

³⁸ См. об этом: Голышенко В. С. Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987. С. 34–51.

Цветная триодъ XI-XII веков: гонителя л. 49, *покланяние* л. 166, *прославление* л. 87 об., *вышние* л. 116 об., *древле* л. 119 об., *испражняша* л. 80, *не отступаша* л. 112 об., *испаша* л. 79 об., *земля* л. 49 об., (*ѡ*) *земля* л. 47 об.

Как видно из приведенных примеров, в древнейших памятниках восточнославянской письменности обозначалась палатальность двух сонорных – [l'] и [n']. Что же касается [r'] палатального, то оно почти никогда не обозначается. Из этого следует, что в фонологической системе периода, от которого дошли до нас старейшие пергаменные памятники письменности (вторая половина XI – начало XII в.), [r'] палатального не существовало. Более того, и в праславянском языке [r'] палатального, возможно, не было, поскольку трудно себе представить среднеязычное произношение вибранта, так что не исключено, что праславянское сочетание *rj превращалось в r' палатализованное. Ввиду нерешенности этой проблемы в приведенной выше таблице звук [r'] взят в скобки.

Строение слога

§ 31. Основной особенностью, характеризовавшей в позднепраславянском языке, а значит, и в «исходной» древнерусской системе, структуру слога, было построение его по определенной модели, которая была обусловлена тенденцией к восходящей (то есть нарастающей) звучности. В пределах одного слога звуки должны были располагаться в следующем порядке:

Начало слога

Конец слога

[s] или [z]	Смычный шум- ный согласный (взрывной или аффриката)	Фрикатив- ные: [x], или [š'], или [ž']	Носовой сонорный или [v]	[r] или [l]	Гласный
-------------------	--	---	--------------------------------	-------------------	---------

Была возможна и такая последовательность: начинающий слог [j] + гласный (после согласного в ту эпоху [j] стоять не мог).

Эта схема требует некоторых комментариев.

◆ Уже в праславянском языке оказалось недопустимым соседство двух шумных согласных, один из которых был бы звонким, а другой глухим, поэтому тот факт, что звонкие шумные более звучны, нежели глухие, при построении шкалы сонорности значения не имеет.

◆ Два согласных, обладающих одинаковой степенью звучности, рядом стоять не могли (например, два взрывных, взрывной и аффриката или [n] и [v]).

◆ Из общей фонетики известно, что фрикативные согласные являются более звучными, чем взрывные, так что, если в языке действует закон построения слога по принципу нарастающей звучности (сонорности), взрывные согласные в пределах слога должны предшествовать фрикативным. В приведенной же схеме фрикативные [s] и [z] находятся перед взрывными. Дело в том, что эти два звука имеют особый статус в структуре слога и располагаются перед взрывными по каким-то другим причинам, не связанным с тенденцией к возрастанию звучности. Именно поэтому в слоговой модели, характерной для позднепраславянского и раннедревнерусского языков, они помещаются в самом начале слога. Помимо [s] и [z] в рассматриваемой системе фрикативными шумными были еще только три согласных – [x], [š'], [ž'], которые, согласно общefonетической закономерности, могли бы находиться в слоге после шумных взрывных согласных и аффрикат. Однако реально в позднепраславянском и раннедревнерусском они в такой позиции не представлены, и это обусловлено их происхождением.

Что касается [x], то он либо начинал слог (ср.: [du-хъ], [gr'e-хъ], [pr'i-xo-d'i-t'i], [xo-d'i-t'i] [po-ro-хъ], [xl'č-bъ])³⁹, либо находился после [s] на стыке приставки, оканчивавшейся этим звуком, и корня (ср.: [go-sxy-t'i-t'i], [wъ-sxwa-l'a-t'i]).

Согласный [š'] происходит из [x], стоявшего перед гласным переднего ряда, и из сочетаний *xj и *sj; следовательно [š'] в позицию после взрывного попасть не мог, так как в этой позиции не бывали ни *x, ни *s.

Звонкий шипящий [ž'] возник на месте *g перед гласным переднего ряда и из сочетаний *gj, *dj, *zj, так что после взрывного он стоять также не мог, поскольку ни *g, ни *d, ни *z после смычного шумного находиться не могли.

Таким образом, в каждом слоге не присутствовали все типы звуков. Слог мог состоять из одного звука, обязательно гласного, либо из двух и более звуков, последним из которых также должен был быть гласный. Ср. примеры: [s'e-stra], [pra-vl'en'ije], [sъ-xnu-t'i], [o-stro-vъ].

Итак, слоги стремились к открытости, отчего применительно к позднепраславянскому и, соответственно, раннедревнерусскому языку говорят о законе открытого слога. Однако корректнее все же не употреблять слово «закон», а ограничиться утверждением о существовании тенденции расположения звуков в слоге по возрастающей

³⁹ О происхождении [x] см. § 10; об изменении *ks > kx > x см. § 16.

звучности. По-видимому, эта тенденция достаточно интенсивно проявлялась в языковой системе, но не была всеохватывающей.

Дело в том, что в восточнославянской языковой области были представлены рефлексы праславянских сочетаний **TьrT*, **TьrT*, **TьlT*, **TьlT*, которые, возможно, не соответствовали данной тенденции. В современном русском литературном языке на месте указанных сочетаний представлены сочетания гласного с плавным между согласными, например *торг*, *верх*, *полк*, *волк*, *желтый*. Нормативное древнерусское написание слов с рефлексами **TьrT*, **TьrT*, **TьlT*, **TьlT*, было таким: тѣргѣ, вѣрхѣ, пѣлкѣ, вѣлкѣ, жѣлтѣ и т. д. Эти факты позволяют предположить, что в раннедревнерусском произношении имелись закрытые слоги: [тѣг-гѣ, вѣг-хѣ, рѣл-кѣ, вѣл-кѣ, жѣл-тѣ].

Впрочем, существует и другая интерпретация слоговой структуры этих сочетаний. Высказывалось предположение, что закрытых слогов здесь все же не было, так как плавный приобретал слоговость, отчего после него мог возникать гласный призвук. Ср., например, [тѣ-^б-гѣ]. Обе точки зрения правомерны, причем возможно, что в разных ранневосточнославянских диалектных зонах рефлекс сочетаний редуцированных с плавными в древнейший период были различными и более разнообразными (см. ниже — § 44).

Ударение

§ 32. Для того чтобы понять, на каких принципах строилась акцентная система (т. е. система ударения) в раннедревнерусском языке, необходимо получить представление об ее истоках, и поэтому знакомство с историей ударения следует начинать издавека — с праславянского уровня.

Благодаря достижениям сравнительно-исторической славянской акцентологии сейчас уже выполнена достаточно полная акцентологическая реконструкция праславянского языка. Базой для этой реконструкции служат данные современных славянских языков в их диалектах. В первую очередь важным оказывается материал сербохорватского и словенского языков, сохранивших политоническое (то есть музыкальное) ударение. Во вторую очередь привлекается материал чешского и словацкого языков, различающих долгие и краткие гласные. И наконец, некоторые данные по

отдельным вопросам реконструкции праславянской системы ударения дают польский, кашубский, верхнелужицкий и восточнославянские языки. В последнее время активно исследуются в этом плане болгарские диалекты.

Еще одним источником акцентологической реконструкции являются средневековые акцентуированные (то есть с проставленными знаками ударения) рукописи – древнерусские, среднеболгарские, древнесербские и несколько более поздние хорватские.

Праславянская акцентная система явилась развитием предшествующей системы, существовавшей в допраславянский период, то есть в период так называемой балто-славянской общности. Для реконструкции балто-славянской акцентной системы сравниваются данные, полученные в результате анализа славянских систем ударения в их истории и современном состоянии, и материал балтийских языков – литовского и латышского, чрезвычайно архаичных в акцентологическом плане и сохраняющих политоническое ударение.

§ 33. В праславянской акцентуационной системе имелись слоговые тоны, обычно называемые в исторической акцентологии **слоговыми интонациями**. Реконструируются они для праславянского языка лишь на ударных слогах, но возможно, в какой-то период истории праславянского языка слоговые интонации (или слоговые тоны) характеризовали и неударные слоги. В дальнейшем интонации безударных слогов, должно быть, нейтрализовались; происходили также передвижки ударения. При этом возникло наложение силовой и музыкальной вершин в ударном слоге, так что силовой и тональный контуры слога образовали сложное единство. Поэтому современная сравнительно-историческая акцентология с большой осторожностью отвечает на вопрос о конкретной фонетической реализации тонально-силовых контуров, характеризовавших ту или иную слоговую интонацию.

Для праславянского языка надежно реконструируются три слоговые интонации. Это, во-первых, **акут**, для которого согласно новейшим исследованиям восстанавливается такой тонально-силовой контур: резкая восходящая часть и более длительный нисходящий склон; иными словами, интонация акута была восходяще-нисходящей⁴⁰. Другая интонация – **новый акут** – имела, должно быть, вос-

⁴⁰ Традиционная, «классическая», акцентология определяла ее как восходящую.

ходящий контур; третья – так называемый славянский «циркумфлекс» – была интонацией нисходящей⁴¹.

Под интонацией акута (его часто называют старым акутом) могли находиться только слоги с индоевропейскими долгими гласными (монофтонгами и дифтонгами), под интонациями нового акута и циркумфлекса – слоги и с долготами, и с краткостями⁴².

В раннедревнерусском языке описанная система предстала в несколько трансформированном виде. Главное новшество здесь состояло в том, что, вероятно, произошло совпадение акута и нового акута, так что осталось противопоставление лишь двух типов ударения, одно из которых принято называть **автономным** (то, которое возникло на месте старого и нового акута), а другое – **автоматическим** (то, которое соответствует праславянскому циркумфлексу).

Для того чтобы понять, в чем суть автономного и автоматического ударения, следует подробнее остановиться на устройстве просодической системы раннедревнерусского языка (являющейся, собственно говоря, вариантом позднепраславянской системы)⁴³.

В потоке речи предложения распадались на **тактовые группы**. Каждая из них представляла собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных одним ударением (это то, что в современной фонетике называется фонетическим словом).

Все словоформы делились на **акцентно самостоятельные** и **клитики**. Акцентно самостоятельные словоформы были способны образовать отдельную тактовую группу, клитики таким свойством не обладали и входили в одну тактовую группу с акцентно самостоятельной формой, причем клитики подразделялись на **проклитики** (предлоги, союзы *и, а, нь*, частицы *не, ни*), которые примыкали к акцентно самостоятельной словоформе слева, и **энклитики** (частицы *же, ли, бо*, местоименные словоформы *я, ты, ся, ми, ти, си* и др.), примыкавшие к акцентно самостоя-

⁴¹ Праславянский акут является непосредственным продолжением балто-славянского акута, новый акут восходит к балто-славянскому циркумфлексу, а праславянский «циркумфлекс» – это специфически славянское явление, суть которого будет объяснена ниже.

⁴² Подробнее о праславянской акцентуационной системе см.: *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981; *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.

⁴³ Дальнейшее изложение акцентологического материала основано на книге *А. А. Зализняка* «От праславянской акцентуации к русской» (М., 1985).

тельной словоформе справа. Ср., например, тактовую группу «и не по закону ди», где жирным шрифтом выделена акцентно самостоятельная словоформа, курсивом – проклитики, двойным подчеркиванием – энклитика.

Акцентно самостоятельные словоформы делились на два класса. К первому из них относились словоформы, один из слогов которых обладал фонологической ударностью. Их называют **ортотоническими**, а ударение, им присущее, – автономным (исторически оно восходит к акуту и новому акуту). Второй класс акцентно самостоятельных словоформ составляли **энклиномены**, у которых все слоги были фонологически безударны.

Начальный слог энклиномена характеризовался некоторым просодическим усилением. Такое усиление называют автоматическим ударением (исторически это праславянский циркумфлекс). При этом, если энклиномену предшествовали фонологически безударные проклитики, которые, как было сказано выше, составляли с акцентно самостоятельной словоформой одну тактовую группу, автоматическое ударение (в праславянском языке – соответственно циркумфлекс) переходило на крайнюю слева проклитику, то есть опять-таки происходило некоторое просодическое усиление первого слога тактовой группы. Ср. примеры: *̀слово*, *̀на слово*, *̀не на слово*, *̀и не на слово* (автоматическое ударение обозначается знаком ` , стоящим перед начальным слогом словоформы или тактовой группы).

В каждой ортотонической словоформе фонологическое ударение было закреплено за одним из ее слогов и никуда не сдвигалось при присоединении фонологически безударной проклитики. Ср.: *бо́лото*, *на бо́лото*, *не на бо́лото*, *и не на бо́лото* (автономное ударение обозначается знаком ' над ударной гласной).

Следует сказать, что автономное ударение, так же, как и автоматическое, реализовалось в каком-то просодическом усилении, но отличном от того просодического усиления, которое выделяло первый слог энклиномена и которое мы называем автоматическим ударением. В чем именно было отличие, в точности неизвестно. Может быть, начальный слог энклиномена сохранял тот интонационный контур, который был у циркумфлекса в праславянском языке, то есть нисходящую интонацию. Какой интонационный контур имел слог с автономным ударением (в котором совпали интонации акута и нового акута), пока неясно.

§ 34. В зависимости от схемы ударения (акцентной кривой) и в праславянском, и в раннедревнерусском слова относились к разным акцентным парадигмам. Основных акцентных парадигм (далее – а.п.) было три, их принято называть а.п. *а*, а.п. *б* и а.п. *с*.

Слова а.п. *а* обладают набором ортотонических словоформ с неподвижным ударением на определенном слоге основы (например, им. ед. *бра́тъ*, род. ед. *бра́та*, дат. ед. *бра́ту* ..., им. мн. *брати* ..., тв. мн. *бра́ты* и т. д.).

У слов а.п. *б* автономное ударение падает на первый слог окончания (например, Р. ед. *коро́ля*, дат. ед. *королю́*, дат.-тв. дв. *коро́лема*; дат. ед. *вьрхо́ви*, мест. ед. *вьрху́*, вин. мн. *вьрхъ́*), но если первый послеосновной слог содержит слабый редуцированный, то ударение сбрасывается на один слог влево, а именно на последний слог основы (например, им. ед. *коро́ль*, род. мн. *коро́ль*; им. ед. *вьрхъ́*, тв. мн. *вьрхъ́ми*). Таким образом, эта парадигма включает ортотонические словоформы со смежно-подвижным ударением, то есть ударением, распределенным между смежными слогами (первым слогом окончания и последним слогом основы)⁴⁴.

Слова а.п. *с* представлены словоформами двух типов – энклитомы и ортотоническими словоформами, с ударением на окончании. Таким образом, ударение здесь маргинально-подвижное, то есть автоматическое начальное ударение энклитомы противопоставлено автономному флексийному ударению (например, дат. ед. *го́ловѣ*, вин. ед. *го́лову* – им. ед. *го́лова*, тв. ед. *го́ловою*).

§ 35. Дальнейшая история ударения в древнерусском языке сводится к утрате физического различия между автономным и автоматическим ударением, что привело к образованию единого качественно-количественного ударения, унаследовавшего от предыдущего состояния признаки подвижности и разноместности. Прежние энклитомы перестали фонетически отличаться от прежних ортотонических словоформ с начальным ударением; иными словами, фонологически безударные словоформы приобрели самостоятельное ударение. К какому времени относится это событие, в точности неизвестно. А. А. Зализняк предполагает, что «во-первых, оно происходило в разных говорах неодновременно, во-

⁴⁴ В пределах а.п. *б*, впрочем, существуют немногочисленные словоформы, являющиеся энклитомы. Это, например, формы звательного падежа существительных с основами на **о* и **а*.

вторых, что оно в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных (а в каких-то говорах, возможно, происходило одновременно с ним)»⁴⁵.

Древнейшие диалектные явления

§ 36. Историко-диалектологические исследования конца XX в. (в особенности работы А. А. Зализняка и С.Л. Николаева) позволили обнаружить значительные фонетические расхождения между раннедревнерусскими диалектами. Многие из диалектных явлений находят отражение в древних письменных источниках – и некнижных (например, в новгородских берестяных грамотах XI–XV вв., договорной грамоте Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом 1229 г. и др.), и книжных (например, в Новгородских Минеях 1095 г., Псковском Прологе 1383 г. и др.). Несомненно, впрочем, что большинство диалектных явлений сформировалось в дописьменный период, то есть в позднепраславянскую эпоху.

Благодаря тому, что до нас дошло довольно большое количество памятников древненовгородской и древнепсковской письменности, а также потому, что в современных псковских и некоторых севернорусских диалектах реликтивно сохраняются отдельные архаические особенности, наиболее изученной оказалась новгородско-псковская диалектная зона.

В пределах древней Новгородской земли в широком смысле слова, включавшей в себя исконную новгородскую территорию, а также Псковскую землю и обширную территорию позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке, А.А. Зализняк выделяет три типа диалектов:

а) древнепсковский диалект как совокупность говоров Псковской земли и, вероятно, смежных с ней западных новгородских территорий;

б) восточноновгородские говоры, то есть говоры коренных новгородских земель к северо-востоку и к востоку от Новгорода и территорий позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке;

в) диалект самого Новгорода, или, другими словами, древненовгородский диалект в узком смысле слова.

⁴⁵ См.: Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 178.

При этом с превращением Новгорода в политический центр древненовгородский диалект в узком смысле слова приобрел функцию койне, которое могло в той или иной мере использоваться на всей территории древненовгородского государства.

Необходимо заметить, что древненовгородский диалект в узком смысле слова был близко сходен с древнепсковским, но имел в то же время отдельные черты, совпадающие с восточноновгородскими говорами. Таким образом, древнепсковский диалект и древненовгородский в узком смысле слова образовывали единство, которое можно обозначить термином «новгородско-псковский диалект»⁴⁶.

Итак, рассмотрим наиболее важные фонетические явления, противопоставлявшие в древнейший период восточнославянские диалекты друг другу.⁴⁷

Отсутствие второго переходного смягчения задненебных

§ 37. В новгородско-псковском диалекте не осуществилось второе переходное смягчение задненебных согласных (вторая палатализация), то есть **k*, **g*, **x* в позиции перед *ě* и *i* дифтонгического происхождения смягчились в *k'*, *g'*, *x'*, но в свистящие не перешли. Следует заметить, что эта особенность отличает новгородско-псковский диалект не только от других восточнославянских говоров, но и от всех остальных диалектов славянского языкового мира.

Впервые предположение о том, что в северо-западных русских говорах не осуществилась вторая палатализация, было высказано

⁴⁶ См. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 5-6.

⁴⁷ Дальнейшее изложение материала, относящегося к древним северо-западным диалектам, основывается на следующих работах: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004; Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984-1989 годов. М., 1993.; Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., 1986; Николаев С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3; Николаев С. Л. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.

С. М. Глускиной⁴⁸, которая собрала обширный диалектный материал, свидетельствующий о том, что в современных псковских и других северо-западных говорах существует ряд корней без эффекта второй палатализации. Например, ***кѣрь**: *кеп* 'ручная молотилка, цеп', *кепец* 'бьющая часть цепа, било', *кепок* (то же); ***кѣвь**: *кевка*, *кевочка* 'шпулька', *кевца* 'деревянная игла для вязания сетей'; ***кѣдити**: *кеж* 'процеженный раствор овса, муки', *кедитъ* 'цедить', *кедилка* 'цедилка'.

Окончательно отсутствие второй палатализации для древне-новгородского диалекта было доказано А. А. Зализняком, расшифровавшим некоторые, дотоле «темные», места в берестяных грамотах. Так, в тексте грамоты № 247 (XI в.) «...а замѣке кѣле а двѣри кѣлѣ, а господарь въ не тажѣ не дѣе, а продаи клеветьника того...» непонятное на первый взгляд написание **кѣле** является формой прилагательного, стоящего в им. пад. ед. ч. муж. р. (с новгородским диалектным окончанием *-e*); а форма **кѣлѣ** — это то же прилагательное, стоящее в им. пад. мн. ч. женск. р. Соответствие данному прилагательному в стандартном (наддиалектном) древнерусском языке — **цѣлѣ**, так что перевод интересующего нас отрывка грамоты № 247 таков: «...а замок цел и двери целы...».

В грамоте № 130 (XIV–XV вв.) читаем: **ѷ Вигарѣ** :**к̃**: локото **хѣри** безо локти, **ѷ Валита** в Кюлолакши :**д̃**: локти **хѣри**, **ѷ Ванваса** **ѷ Вакшина** :**ѡ**: локти водмолу и поло третианацате локти **хѣри**, **ѷ Мѣлита** в Күролѣ :**д̃**: локти **хѣри**. Загадочное «**хѣрь**» здесь обозначает некрашеное сукно и является словом «**сѣрь**» без эффекта второй палатализации (ср. у Даля: *серое сукно* 'некрашеное' *серѡк* (южн.) 'сермяга, серая свита').

Отражение отсутствия эффекта второй палатализации в корнях — редкость для берестяных грамот; в то же время уже в древнейших грамотах зафиксированы многочисленные примеры отсутствия рефлекса второй палатализации на стыке основы и окончания. Ср., например: на **Лоуѣѣ**, на **Нѣжѣкѣ**, на **Животтѣкѣ** (гр. № 526, XI в.), **Ѣ Дрочке** (гр. № 87, XII в.) к **Лоуѣѣ** (гр. 156, XII в.) и т. д. Имеется аналогичная форма и в приписке к Новгородским служебным минеям 1095–1096 гг.: **рабоу своёмоу дѣмѣкѣ**.

В новгородско-псковском диалекте не было также палатализации в сочетаниях **kv*, **gv* (а вероятно, и **xv*) в положении перед гласными *ѣ* и *і* дифтонгического происхождения. Свидетельством

⁴⁸ Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Т. II. Псков, 1968.

этого служит написание **гвѣздѣкъѣ** (мест. пад. ед.ч., в значении 'звездка') в грамоте из Старой Руссы № 8 (перв. пол. XII в.), а также зафиксированные в псковских говорах случаи произношения *гвезда*, *квѣлѣть* ('дразнить, сердить, обижать' — ср. в других говорах *цвелѣть*), *квестъ* ('цвести') и нек. др.

Итак, из всех восточнославянских диалектов лишь новгородско-псковский не знал второй палатализации задненебных согласных. В остальных диалектах она прошла и в корнях, и на стыке основы и окончания.

Есть ценные свидетельства наличия второго переходного смягчения задненебных в древнем смоленском и древнем галицко-волинском говорах. Дело в том, что помимо новгородских берестяных грамот, сохранившихся в достаточно большом количестве, обнаружены единичные грамоты, созданные в других восточнославянских областях, в частности, в Твери, Пскове, Смоленске, Звенигороде Галицком. В смоленской берестяной грамоте № 12 (середина XII в.) обнаружено написание **нѣ мѣзи** ('не могли'), отражающее наличие рефлекса второй палатализации, а в звенигородской (то есть галицко-волинского происхождения) берестяной грамоте № 2 (первая треть XII в.) имеется форма **лоуцѣѣ** ('Луке', *дат. пад. ед. ч.*) также с эффектом второй палатализации. Эти малочисленные показания *неновгородских* берестяных грамот ценны потому, что извлечены из текстов бытового содержания и не могут быть объяснены влиянием церковнославянского языка, в норме которого рефлексy второй палатализации на стыке основы и окончания присутствуют до сих пор.

В дальнейшем, когда происходила нивелировка диалектных различий, в говоры северо-западного ареала проникали словоформы с эффектом второй палатализации в корнях. В свою очередь, в тех диалектах, которые изначально знали вторую палатализацию и на базе которых сформировался современный русский язык, произошло выравнивание основ в парадигме, так что на морфемном шве рефлексy второй палатализации устранились (реликтивно сохраняются они лишь в крайних западнорусских говорах, граничащих с говорами белорусскими). В украинском же и белорусском языках результаты второй палатализации удержались не только в корнях, но и на стыке основы и окончания в парадигмах именного склонения.

Отсутствие третьей палатализации для *х.

§ 38. Материал берестяных грамот и некоторых других письменных источников свидетельствует о том, что в древненовгородском диалекте прогрессивная (так называемая третья) палатализация произошла для *k и, скорее всего, для *g⁴⁹, но для *х она не осуществилась. Это проявляется в том, что слово *вьсь* сохраняет основу *вьх-* во всей парадигме. Ср.: *вьхочу Берест. гр. № 736, XII в., вхого Берест. гр. № 211, XIII в., со вхими Берест. гр. № 359, XIV в., вхочу Вкладная грамота Варлаама Хутынского после 1192 г., вхє Синодальный список новгородской I летописи, под 1217 годом*. По-видимому, отсутствие третьей палатализации можно связывать с западными говорами, но прямых подтверждений этому (написаний типа *вьхд* в псковских памятниках) пока не обнаружено.

Разная судьба второй и третьей палатализаций в северо-западной части восточнославянских говоров позволяет предположить, что поскольку третья палатализация частично осуществилась, а вторая не осуществилась совсем, то возможно, третья палатализация старше второй.

Рефлексы некоторых праславянских сочетаний согласных с йотом

§ 39. Сочетания зубных согласных с йотом в диалектах южной части восточнославянского языкового континуума, составивших, должно быть, основу стандартного древнерусского языка, а также в восточноновгородских говорах, давали рефлексы, обычно называемые общевосточнославянскими: *sj→š', *zj→ž', *tj→č', *dj→ž'. Другие рефлексы возникали в древнепсковском и древнесмоленском диалектах. Первоначально зубные согласные в сочетании с j изменились в мягкие заднеязычные *sj→x', *zj→γ', *tj→k', *dj→g'. Затем в позиции перед гласными непятого ряда заднеязычные отвердели, так что конечным результатом изменения зубных с йотом в этой позиции оказались: x на месте *sj, γ на месте *zj, k на месте *tj и g на месте *dj. Это развитие доказывается следующими примерами из современных псковских и смоленских говоров:

⁴⁹ Ср., напр.: *отъць* (берест. гр. № 9, XII в.), *вѣверицами* (берест. гр. № 335, XII в.), *къ кѣнязю* (берест. гр. № 527, XI в.) и т. д.

- 1) псков. *но́ха* 'ноша' < **nosja*, *ска́хывать* 'скашивать' (косой) < **kasjevati*, *вѣхатъ* 'вешать' < **věsjati*⁵⁰;
- 2) псков. *ва́уывать* 'возить' < **vazjevati*, смол. *зупа́га* 'пазуха' < **za-pazja*;
- 3) псков. *уда́ка* / *вда́ка* 'удача' < **vъdatja*, *завека́тъ* 'давать зарок, завещать' < **za-vetjati*, псков., смол. *сострека́тъ*, *встрекáтъ* 'встречать' < **sz-rétjati*;
- 4) псков. *надѣ́га* 'надежда' < **na-dedja*, *бога́тъ* 'бодать' < **bodjati*, смол. *моло́га* 'молодые растения' < **moldja* (в смоленских говорах *г* повсеместно заменилось *γ* фрикативным) и т. д.⁵¹

Древненовгородский диалект в узком смысле слова в отношении реализации указанных сочетаний совпадает в целом с восточноновгородскими говорами, где **sj*, **zj*, **tj* и **dj* развивались по так называемому «общевосточнославянскому» типу, хотя в новгородских берестяных грамотах есть е д и н и ч н ы е примеры древнепсковских рефлексов: например, в грамоте № 717 (вторая половина XII в.) встречена форма *ноу҃гене* (в стандартной орфографической записи – <ноу҃гѣнѣ>) 'очень, 'сильно' с рефлексом **dj*.

§ 40. Диалектные различия были, по всей видимости, и в реализации сочетаний **zdj*, **zgj* и **zg* + гласный переднего ряда, а также их глухих коррелятов – **stj*, **skj* и **sk* + гласный переднего ряда. В диалектах южной части восточнославянского языкового континуума сочетания первого типа дали *ž'd'ž'*, а сочетания второго типа – *š't'š'*. В других же диалектах, судя по данным памятников древней письменности, могли быть иные рефлексy. Дело в том, что в текстах новгородского и псковского происхождения на месте звукового сочетания, возникшего из **zdj*, **zgj* и **zg* перед гласным переднего ряда, мы находим буквенное сочетание **жг**: *пригважгаѣма Новг. Миня 1096 г., л. 92, дѣжгъ Новг. лет. по Синод. списку, л. 23, г., дожгѧ Сб. Синод. библ. № 154, к. XV в., л. 220₂* (псковский памятник) и т. д. В то же время в рукописях галицко-волынского (т. е. югозападнорусского) происхождения на месте тех же сочетаний пишется **жч**: *дѣжчѣ Галицк. Ев. 1444 г., л. 28, вѣжчелѣша Там же, л. 28 об. и т. д.*

⁵⁰ Переход **sj* в *x* типичен лишь для псковских говоров – в смоленских в качестве рефлекса **sj* зафиксировано только *ѣ*.

⁵¹ Полный список примеров с рассматриваемыми рефлексами и их анализ см. в работе: Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 128–137.

До сих пор в науке не было выработано однозначного объяснения причин появления подобных написаний. Предлагалось довольно много вариантов решения этого вопроса. Основные из них таковы.

А. И. Соболевский, метод работы которого с письменными источниками основывался на полном доверии к фактам орфографии как отражению реального произношения, полагал, что в новгородских и псковских говорах на месте рассматриваемого сочетания произносилось [жг], а в галицко-волынском говоре — [жч]⁵².

А. А. Шахматов считал, что для писцов было вполне естественно обозначать буквой г звук [j] (ведь в церковнославянском произношении [γ] было фрикативным, достаточно близким по месту и способу артикуляции к [j]), и поэтому жг новгородских рукописей передавало сочетание [ǰ'j]⁵³.

Р. О. Якобсон предположил, что жг обозначало аффрикату [d͡ʒ], и ту же аффрикату [d͡ʒ] обозначало в галицко-волинских текстах сочетание жч⁵⁴.

Существуют и другие мнения, в частности такое, что никаких звуковых различий за написаниями жг, жч и традиционным церковнославянским жд не скрывается, что это чисто орфографическая особенность и все три написания передают «один и тот же закономерный заместитель праславянского зг перед передними гласными, т. е. смягченное сочетание ж'д'ж'»⁵⁵.

Теперь же, когда стало известно, что в древнепсковском диалекте не произошла вторая палатализация и, следовательно, были возможны сочетания задненебных согласных с гласными переднего ряда (то есть второй компонент в сочетаниях *zgj и *zg мог просто смягчаться), а также то, что сочетание *dj давало g' (а значит, и в пределах сочетания *zdj вторая его часть (*dj) могла превратиться в g'), появилась возможность уже на новом уровне вернуться к мысли о том, что жг может довольно близко отражать живое произношение. А. А. Зализняк предположил, что за этим написанием стояло звукосочетание [ǰ'g'], глухой параллелью к которому должно было быть [ǰ'k'] (ведь в звуковых комплексах *skj, *sk перед

⁵² См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 35, 37–38.

⁵³ См.: Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 321.

⁵⁴ См.: Якобсон Р. О. Спорный вопрос древнерусского правописания: *дъжгъ, дъжчь* // Selected Writings. Vol. 1; Phonological Studies. The Hague; Paris. 1971. P. 250, 251.

⁵⁵ См.: Геровский Г. И. Древнерусские написания *жч, жг* и *г* перед передними гласными // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 59.

гласным переднего ряда ничто в диалекте, не пережившем вторую палатализацию, не мешало согласному *k* остаться самим собой, а в сочетании **stj* из конечной его части (*tj*) в западных говорах развивался звук *k*). Подтверждением этому служит встречающаяся в новгородских берестяных грамотах мена буквы *ц* и буквосочетания *шк*. Ср., например, *оу Тимошкѣ Гр. № 521, втор. пол. XIV – нач. XV в.* и *оу Тимоцѣ Гр. № 78, втор. пол. XII в.*, *ѡ Тимоцѣ Гр. № 300, перв. пол. XV в.*

Рефлексы праславянских сочетаний **tl* и **dl*

§ 41. Праславянские сочетания **tl*, **dl*, сохраняющиеся в западнославянских языках, почти во всех остальных праславянских диалектах упростились в *l*. Однако в псковских говорах рефлексом **tl*, и **dl* являются сочетания *kl*, *gl*, что находит отражение в памятниках древней письменности, донесших до нас формы причастий на -л типа *чѣкли*, *привѣгли*, *влюгли сѧ*, *соустрѣкли* и т. д. Да и в современных псковских говорах реликтивно отмечаются формы типа *прочкли*, *привегла*, *жагло* ‘жало’, *ѣгла* ‘ель’, *клещ* ‘лещ’ и т. д.

Сочетания **tl*, и **dl* дали такие же рефлексы в северной части лехитских говоров (в словинских и кашубских диалектах польского языка), а также в балтийской языковой области – во всех литовских диалектах. На этом основании А. И. Соболевский заключил, что в глубокой древности, до выпадения *d* и *t* перед *l* в части славянских языков, предки указанных диалектов соседствовали друг с другом (причем славянские говоры – севернолехитские и псковские – должны были быть переходными по отношению друг к другу), так что в них развилась общая черта, оставшаяся чуждой другим диалектам славянской и балтийской ветви⁵⁶.

Шепелявое произношение мягких свистящих

§ 42. Еще одной специфической особенностью, отличавшей древнепсковский диалект от остальных восточнославянских, является приближение произношения смягченных свистящих (<*s*> и <*z*>), находившихся в положении перед гласными переднего ряда, а

⁵⁶ Соболевский А. А. Важная особенность старого псковского говора // Русск. филологич. вестник. 1909. Т. 62. № 3–4. С. 233.

также мягкого <z'>, произошедшего по третьей палатализации из *g) к шипящим <š'> и <ž'>. При этом возникали звуки, которые обычно обозначают знаками [s'^{š'}], [z'^{ž'}] (в кириллице – [с'^{ш'}], [з'^{ж'}]) и называют шепелявыми свистящими. Данное явление находит широкое отражение в памятниках древнепсковской письменности, знающих взаимную мену в парах букв с–ш, з–ж. Например, не мниси (2 л. ед.ч.), порадова ша сатана, (возвр. глагол) наказую Палея 1494 г.; заллуют са, жвегле, Ъсталощь Гр. псковск. кн. Ивана Александровича 1463–1465 гг. и др. Есть рукописи, где указанная мена встречается регулярно. Так, в Псковском Шестодневе 1374 г., памятнике, насчитывающем всего 117 листов, обнаружено 163 (!) случая мены букв с–ш, з–ж⁵⁷. Со временем это явление в рукописях псковского происхождения становится более редким: так, в памятниках конца XV – начала XVI в. случаев мены букв с–ш, з–ж намного меньше, чем в текстах XIV – первой половины XV в., а в рукописях XVII в. их практически нет. Дело, конечно, не в том, что шепелявые свистящие исчезли из языка (они неоднократно отмечались диалектологами в псковских говорах первой трети XX в.). Видимо, это связано с отвердением шипящих, после которого буквы ш и ж, ассоциируясь с твердыми звуками, не могли больше использоваться для передачи сильно смягченных согласных, пусть даже имеющих шипящий призвук.

В древненовгородском диалекте в узком смысле слова шепелявое произношение мягких шипящих встречалось, видимо, редко, во всяком случае, примеров мены букв с–ш и з–ж в новгородских берестяных грамотах очень мало (ср., например, шизъин 'сизый', 'сивый' гр. № 735 (XII в.), во борожь (из въ бъръзѣ) гр. № 682 (вторая половина XII в.).

Цоканье

§ 43. Некоторым современным русским диалектам свойственно цоканье, то есть в них в соответствии с <ц> и <ч> литературного языка произносится одна аффриката. Это может быть мягкий [ц'] (ку́ри[ц']а, [ц']а́й), палатальный или шепелявый [ц'']

⁵⁷ См.: Каринский Н. М. Очерки из истории псковской письменности и языка. Ч. I. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 года. Пг., 1916. С. 41.

(кúри[ц'']а, [ц'']áй), твердый [ц] (кúри[ц]а, [ц]áй) и даже звук [ч'] (кúри[ч']а, [ч']áй).

Цоканье сформировалось, скорее всего, в дописьменную эпоху и в древнейший период было характерно и для древнепсковских, и для восточноновгородских говоров (то есть для всей древненовгородской зоны), а также, по-видимому, для смоленско-полоцких говоров.

Уже в старейших новгородских письменных источниках встречается взаимная мена букв **ц** и **ч**, которую можно считать отражением цоканья. Ср. некоторые примеры из текстов XI–XII вв.:

Некнижные тексты

цѣтъ (в традиционной орфографии – **чѣто**), **сѣлюци** (вместо **сѣлючи** – действ. прич. наст. вр. в форме им. пад., ед. ч., женск. р.), **поцѣньши** (в традиционной орфографии – **почѣнеши**) *Бер. гр. № 750, вт. пол. XI в.*; **цѣто** *Бер. гр. № 422, сер. XII в.*; **полѣ цѣтвѣртѣ грѣнѣ, оу ѿдоминица** *Бер. гр. № 381, XII в.*, **цѣто** *Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю 1192 г.*, **грамотичѣ** *Бер. гр. № 424, перв. четв. XII в.*

Книжные тексты

црево (вместо **чрѣво**), *Новг. служ. минея (сентябрь) 1095–1096 гг., л. 59*, **мѣнище** (Зв. ф.) *Типографский устав конца XI – начала XII в., л. 73*, **срдѣвѣдѣче** *Там же, л. 25 об., 26*, **бѣносьчю** (дат. пад. ед. ч.) *Там же, л. 92*, **видѣчь** (вместо **видѣць**), **пѣвѣчь** (вместо **пѣвѣць**) *Новг. служ. минея (сентябрь) 1095–1096 гг., л. 34*, **роуѣчь** (вместо **роуѣць**, вин. пад. дв. ч.) *Там же, л. 85 об.*, **паничею** (вместо **паницею**) *Там же, л. 11 об.*, **конѣча** (вместо **конѣца** – вин. пад. мн. ч.) *Там же, л. 86 об.*

Должно быть, в древненовгородском диалекте единственная аффриката, произносившаяся в соответствии с двумя аффрикатами других говоров, была свистящей – мягким (или даже шепелявым) [ц']. Таким образом, замены **ч** на **ц**, вероятно, непосредственно отражали произношение, а обратные замены – **ц** на **ч** – были гиперкоррективными.

Первые фиксации цоканья отмечены в текстах новгородского происхождения, но это не значит, что цоканья не было в других территориальных диалектах – просто последние не представлены памятниками письменности, которые бы датировались XI–XII вв.

От несколько же более позднего периода – XIII–XV вв. – до нас дошли не только новгородские памятники, но и рукописи, отражающие псковский и смоленский диалекты. В этих рукописях мы также находим смешение букв **ц** и **ч**. Ср.: *цѣто Пск. берест. гр. № 7, посл. треть XIII в., полѣтрѣадѣчати* (sic) *бѣчѣкъ, полѣтрѣадѣчати бѣчѣкъ, цѣго, надѣ нашими кѣпцинами* *Гр. пск. князя Ивана Александровича 1463–1464 гг.*, *ѿо вси^х сочки^х* *Гр. Пскова Колывани 1418–1419 гг.*, *ѿцна* (= отчина), *ѿцнѣ* (вин. пад. ед. ч.), *сѣци* *Духовная Акилины 1417–1421 гг.*, *ѿирица* (род. пад. ед. ч. от слова *ѿиричь* ‘полицейский чин’), *коѣпчи* (им. пад. мн. ч. от *коѣпѣць*), *кѣпѣчь* (им. пад. ед. ч.) *Смоленская грамота 1229 г., список А* и т. д. Скорее всего, смоленский и псковский диалекты были цоканящими и в дописьменный период.

Замечено, что во многих памятниках новгородско-псковского и смоленского происхождения XI–XV вв. цоканье отражается достаточно свободно. Однако в XVI–XVII вв. памятники делового содержания, созданные на территориях, говоры которых в настоящее время характеризуются цоканьем, практически не знают мены букв **ц** и **ч**. Чем это объясняется, не совсем понятно, – возможно тем, что цоканье уже воспринималось как черта ярко диалектная, так что ее отражение не укладывалось в норму приказного языка и местные писцы, ориентируясь на документы, исходившие из московских канцелярий, научались правильно употреблять буквы **ц** и **ч**, по крайней мере в том круге лексики, который функционировал в текстах делового содержания.

В настоящее время цоканье распространено в говорах, генетически восходящих к древним новгородскому, псковскому и смоленскому диалектам, то есть в восточной части севернорусского наречия и в крайних западных говорах – псковских, гдовских и частично смоленских. Но есть и еще одна компактная языковая область, которую составляют восточные среднерусские говоры и северо-восточная часть Рязанской группы южнорусского наречия, где имеется неразличение аффрикат. Древних памятников письменности, которые происходили бы из этого региона, до наших дней не дошло, поэтому судить о времени возникновения цоканья в данном ареале и о первоначальной его разновидности (сейчас здесь цоканье твердое, то есть аффрикаты совпадают в звуке [ц] – [кúрица], [цай]) затруднительно.

Рефлексы праславянских сочетаний типа **ТЬРТ*

§ 44. Северозападные говоры, судя по показаниям древнейших памятников письменности, знали иные, чем остальные восточнославянские диалекты, рефлексы сочетаний редуцированных с плавными.

Напомним, что стандартными для восточнославянских диалектов считаются сочетания, в которых, возможно, продолжал оставаться закрытый слог: *ТЬрТ*, *ТЬрТ*, *ТЬлТ*, *ТЬлТ* (в последнем случае первым согласным сочетания был шипящий). Этот вывод делается на основании того, что в современном русском языке на месте этих сочетаний представлены сочетания гласного с плавным между согласными (например, *торг*, *верх*, *полк*, *волк*, *желтый*), а нормативное древнерусское правописание предусматривало постановку букв *ъ* и *ь* перед буквами плавных (например, *търъгъ*, *върхъ*, *пѣакъ*, *вѣакъ*, *жълтъ* и т. д.). Допускается, что слог все же был открытым, и в таком случае плавный согласный приобретал слоговость. См. выше, § 31.

В древнейших рукописных текстах северозападного происхождения в больших количествах встречаются написания с буквами редуцированных с обеих сторон от плавного. Так, в новгородских берестяных грамотах XI – первой половины XII в., не отражающих падения редуцированных, находим следующие написания: *смѣръѣда*, *смѣръѣди* *Гр. № 247, XI в.*, *въгтьрьго* (в стандартной орфографии <*въгтьрьгъ*> – действ. прич. прош. вр. от глагола *въгтьргнѣти* *сѧ* ‘вырваться’) *Гр. № 752, рубеж XI–XII вв.*, *отъ Твьрьѣдаты* *Гр. № 84, перв. треть XII в.*, *върьковскъ* (станд. *върковскъ* ‘мера веса’) *Гр. № 630, вт. четв. XII в.* Видимо, данные орфограммы отражают появление эпентетического (вставного) гласного после плавного, то есть за ними стоят сочетания типа *ТЬРЪТ*. Эти сочетания, изначально присущие древнепсковскому диалекту, вошли и в древненовгородский диалект в узком смысле слова.

С течением времени эпентетические гласные отождествились с исконными редуцированными (теми, которые находились вне сочетаний с плавными) и разделили их дальнейшую судьбу. В результате в части древненовгородских говоров на основе сочетаний типа *ТЬРЪТ* развилось в определенных условиях так называемое «второе полногласие» (см. об этом ниже § 51). Формы со вторым полногласием присутствуют также в современных северносмоленских и северо-восточных белорусских говорах, и это позволяет за-

ключить, что первоначально сочетания типа ТЪРЪТ с эпентетическим гласным были свойственны и древнему смоленско-полоцкому диалекту.

Наряду с описанным рефлексом, существовал, по-видимому, еще один, для восточнославянской языковой области совершенно нетривиальный. Не так давно были обнаружены написания корней с этимологическим сочетанием типа *ТЪРТ, где буква гласного — о или е (либо реже ъ или ь, что показательно только для текстов бытового содержания, не испытавших влияния церковнославянской орфографии) — стоит после буквы плавного. Например, *мловила Бер. гр. № 731, вт. пол. XII в., во врозѣ Там же, во хлостѣхо Бер. гр. № 722, перв. четв. XIII в., къ Вльчькови 'к Волчку' Бер. гр. № 336, перв. пол. XII в., на трогѹ Житие Андрея Юродивого, кон. XIV в., млонню Там же, помрекнѣ⁵⁸ Там же* и т. д. Возможны два объяснения подобных орфограмм. Первое заключается в том, что за этими написаниями стоят сочетания [po], [lo], [p'e], развившиеся нормальным фонетическим путем из сочетаний, где редуцированный стоял после плавного, а не перед ним, то есть из сочетаний типа ТРЪТ⁵⁸. Второе объяснение предполагает наличие на древненовгородской территории диалектов, знавших **слоговые плавные**, при которых могли возникать гласные призвуки, в том числе после плавного, а также перед ним и с обеих сторон от него⁵⁹.

Качество звонкого задненебного согласного

§ 45. Еще к дописьменной эпохе относится появление в ряде славянских диалектов звонкого фрикативного γ (велярного или фарингального) на месте исконного g взрывного. Эта инновация представлена в словацком, чешском, верхнелужицком языках, в западнословенских говорах и в южной части восточнославянской зоны. Что касается псковских, новгородских, ростово-суздальских, смоленско-полоцких говоров, то они сохраняли g взрывное. Правда, уже в исторический период, вероятно в XIII–XIV вв., в северно-

⁵⁸ См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 51.

⁵⁹ См.: Шевелева М. Н. «Житие Андрея Юродивого» как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка: (Новые данные о рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными) // Актуальные проблемы современной русистики. Вопросы русского языкознания. Вып. 6. М., 1996. С. 20–65.

белорусских и смоленских говорах под влиянием говоров юга развилось γ фрикативное⁶⁰.

Такая особенность, как фрикативное или взрывное образование звонкой задненебной фонемы, крайне редко находит отражение в памятниках письменности, поскольку кириллическая буква с равным успехом передавала и g взрывное, и γ фрикативное. Однако некоторые свидетельства произношения того или иного из этих звуков в памятниках письменности все же можно найти. Так, на чаре Черниговского князя Владимира Давидовича, представлена надпись **всподара** (датируется периодом до 1151 г.) – Род. пад. ед. ч. от существительного **господарь**. Пропуск $г$ объясняется фрикативным произношением задненебного, который, в отличие от взрывного звука, мог ослабляться и даже исчезать в начале слова⁶¹. Судить о том, что на юго-западе восточнославянской территории произносился фрикативный звонкий задненебный можно и по тому, что в древних западнорусских и южнорусских памятниках употребляется особое написание **кг** в заимствованных словах, например, **скрикгайло** *Гр. 1387 г.* – имя литовского князя Скригайло, **такганломъ** *Лит. лет. XV–XVI вв.* – имя литовского князя Ягайло. Это значит, что писавшие стремились как можно точнее передать чужое слово, в котором слышали звук g , а буквы $г$ для этого было недостаточно, так как с ней ассоциировался звук γ .

§ 46. Итак, большая часть данных о древнейших диалектах относится к северо-западной зоне. Что же касается ростово-суздальского диалекта, на базе которого сформировался позднее русский литературный язык (эту диалектную зону в исторической русистике называют говорами центра), то судить о его состоянии в древнейший период можно лишь на основании реконструкции, произведенной по позднейшим памятникам письменности (поскольку от раннего периода таковых не осталось) и с учетом данных современной диалектологии. Ростово-суздальский диалект, скорее всего,

⁶⁰ См.: Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 46.

⁶¹ Впрочем, написание корня *господ-* без начального $г$ встречается в памятниках, созданных на самых различных территориях, и может отражать лишь норму общерусского **книжного** произношения фрикативного γ (см.: Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот. С. 234).

не имел специфических черт, присущих диалектам других территорий, то есть в нем прошла вторая палатализация и третья палатализация для *х, имелись рефлексы сочетаний согласных с йотом, обычно называемые общевосточнославянскими (*sj→š', *zj→ž', *tj→č', *dj→ž'), сочетания *tl, *dl упростились в l, не было шепелявого произношения мягких свистящих, отсутствовало цоканье, рефлексy праславянских сочетаний типа *ТЬРТ представляли собой сочетания типа ТЪРТ, звонкий задненебный был взрывным.

К сожалению, мы не имеем полноценных данных о древнекиевском говоре, на который был, скорее всего, ориентирован стандартный древнерусский язык, поскольку пока не выработаны достоверные лингвистические интерпретации древнекиевских текстов – нескольких сот надписей, обнаруженных на стенах Софии Киевской.

Все сказанное выше о древнейших диалектных особенностях можно в обобщенном виде представить в таблице:

Диалекты Фонетич. особенности	Смоленско-полоцкий	Древне-псковский	Восточно-новгородский	Галицко-волынский	Ростово-суздальский
II палатализация	Осуществилась	Не осуществилась	Осуществилась		
III палатализация для *х	Осуществилась	Не осуществилась	Осуществилась		
Рефлексы праслав. сочетаний *sj, *zj, *tj, *dj	*sj > x' *zj > γ' *tj > k' *dj > g'		*sj > š' *zj > ž' *tj > č' *dj > ž'		
Рефлексы праслав. сочетаний *tl, *dl	l	kl, gl	l		
Шепелявые свистящие	Не представлены	Представлены	Не представлены		
Цоканье	Имеется			Не имеется	
Рефлексы сочетаний *ТЬРТ	ТЬРТ		ТЬРТ		
Звонкий задненебный	g			γ	g

Если обратиться к северо-западной диалектной зоне, то можно заметить, что целый ряд специфических особенностей выделяет новгородско-псковскую языковую область. Становится ясно, что нельзя говорить о генетически едином правосточнославянском языке — слишком разнородными оказываются диалекты, которые располагались в древности на нынешней восточнославянской территории. Таким образом, подтверждается концепция, предложенная в свое время Г. А. Хабургаевым и заключающаяся в том, что в поздний праславянский период (до расселения славян с прародины) выделялись две диалектные зоны — северная и южная. Исследования Г. А. Хабургаева показали, что традиции позднепраславянской южной зоны отражены в сербско-хорватских, словенских, болгарских и македонских диалектах, а традиции северной зоны — в польских, кашубско-словинских, сербо-лужицких и полабских говорах. Чешские и словацкие диалекты переходные, и это обусловлено их географическим положением — в самом центре древней славянской территории, на стыке позднепраславянского Севера и Юга. Что касается восточнославянских языков, то они отчетливо обнаруживают связи с обеими позднепраславянскими диалектными зонами, отчего приходится отказаться от концепции генетического единства всех восточнославянских говоров как произошедших из одного праславянского диалекта — «восточнославянского языка-основы»⁶².

По-видимому, в праславянский период к северной группе диалектов относился древнепсковский, так как по ряду особенностей он сближается с польскими, кашубско-словинскими и лужицкими диалектами. Другие же диалекты восточнославянской зоны (восточноновгородский и южные) вышли вместе с болгарским, сербохорватским и словенским из позднепраславянской южной группы. К переходной зоне, помимо словацкого и чешского, относились, вероятно, также смоленско-полоцкий диалект и ростово-суздальские говоры. Системой переходного типа оказался и древненовгородский диалект в узком смысле слова (см. выше, § 36), который соединил в себе древнепсковские и некоторые восточноновгородские черты.

В дальнейшем в восточнославянской области шли процессы конвергенции, в результате которых, в частности, нивелировались многие диалектные различия. Следовательно, нынешнее восточнославянское языковое единство являет-

⁶² См.: Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980. С. 71–74, 84.

ся результатом языковой интеграции генетически неоднородных славянских диалектов. Подтверждением этого служат и археологические данные, согласно которым восточнославянская общность периода существования Древнерусского государства не восходит ни к одной из племенных группировок праславянского этапа. Известный археолог В. В. Седов пишет о том, что процесс расселения славян в лесной зоне Восточной Европы был весьма сложным и «многоактным», поскольку освоение новых земель осуществлялось несколькими миграционными потоками, которые одновременно протекали из разных этнографических областей праславянского ареала⁶³. В итоге В. В. Седов заключает, что в основе восточнославянской этноязыковой общности лежало несколько различных диалектно-племенных образований, так что формирование восточнославянского этноса было возможно только в результате интеграционных процессов, которые начались не ранее IX–X вв. и были обусловлены целым комплексом исторических обстоятельств⁶⁴.

Что касается древнепсковского диалекта, который не только по фонетическим, но и по морфологическим особенностям существенно отличался от других восточнославянских диалектов, то, возможно, если бы у Псковской земли была другая историческая судьба, он сформировал бы особый восточнославянский язык. Вот что писал еще в конце XIX в. об особом статусе древнепсковского диалекта и последующей судьбе псковских говоров А. И. Соболевский: «Из массы современных русских говоров мы не знаем ни одного, который в большей или меньшей степени был бы похожим на древний псковский говор и мог бы быть признаваем за его потомка. В настоящее время около Пскова говорят почти совсем так, как говорят около Новгорода; это обстоятельство заставляет нас предположить, что псковская область после XIV в. по тем или другим причинам утратила значительную часть своего древнего наследия и что место этого последнего было занято переселенцами из ближайшей новгородской области, ассимилировавшими собою остатки туземцев. С окончанием ассимиляции (время его нам неизвестно) произошло окончательное исчезновение древнего псковского говора»⁶⁵.

⁶³ См.: Седов В. В. Восточнославянская языковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 4.

⁶⁴ См.: Там же. С. 12.

⁶⁵ Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1884. С. 155–156.

История преобразования фонетической системы

Проблема вторичного смягчения согласных

§ 47. Как было показано выше (§ 30), в «исходной» фонетической системе существовали, с одной стороны, твердые согласные – губные, зубные, переднеязычные и заднеязычные, а с другой стороны, мягкие согласные, образовывавшиеся в зоне среднего неба и формировавшие палатальный ряд. Твердые согласные, находясь в положении перед гласными переднего ряда, были веляризованными – при произнесении таких согласных происходит подъем задней части спинки языка к мягкому небу (лат. *velum*). Возможно даже, что твердые согласные были не просто веляризованными, а лабиовеляризованными, то есть произносились с огублением. Попадая в позицию перед гласными переднего ряда, они приспосабливались к артикуляции последних и получали позиционное, нефонологическое, смягчение, которое принято называть полумягкостью.

В учебники по истории русского языка обычно включается вопрос о «вторичном смягчении полумягких». Под этим понятием подразумевается процесс превращения полумягких согласных в мягкие, то есть в палатализованные согласные. Следует, однако, осознавать, что, строго говоря, изначальное качество твердых согласных перед гласными переднего ряда нам неизвестно, поэтому возможны два допущения. 1) В позднеславянском эти согласные на самом деле были «полумягкими» (а «полумягкость», возможно, заключалась в невеляризованности), и в процессе вторичного смягчения согласных – уже на этапе существования древнерусского языка – они действительно стали палатализованными. 2) Еще в праславянском языке позднего периода согласные перед гласными переднего ряда были палатализованными (то есть вторичное смягчение согласных осуществилось в праславянскую эпоху), но эта палатализованность не была фонологической.

Процесс вторичного смягчения согласных – характеризовал ли он древнерусский язык в начале письменного периода или осуществлялся в праславянском языке – прошел, по-видимому, в восточнославянской области повсюду и перед всеми гласными переднего ряда. Есть, однако, факты, которые требуют объяснения. Дело в том, что в настоящее время существуют некоторые русские диалекты,

где согласные перед гласными переднего ряда не все да являются палатализованными; известно также, что в украинском языке перед исконными *е, и* звучат твердые согласные. Следует, однако, думать, что в обеих этих языковых областях осуществилось позднейшее отверждение изначальное палатализованных согласных. Свидетельством тому служат следующие данные украинского языка: в формах 2 лица множественного числа повелительного наклонения типа *робіть, беріть* конечный согласный – палатализованный. Исторически же в повелительном наклонении была флексия *-те*, то есть до того как утратился звук *е*, согласный перед ним был мягким, иначе бы мягкость в абсолютном конце слова не сохранилась. Е.Ф. Карский на этом основании заключил, что отверждение согласных в украинском языке произошло уже в исторический период⁶⁶.

Еще одним доказательством того, что в восточнославянских диалектах наблюдалось именно отверждение согласных, а не сохранение исконной полумягкости, служит тот факт, что в тех говорах, где смягчение непоследовательно, тверды не только согласные, восходящие к вторично смягченным, но и исконно мягкие (палатальные). Например, в одном из современных русских говоров (Вологодская обл, Харовский р-н) произносится, с одной стороны, [*lòшат, гр'ас, от'ец', затоп'іла, возил'и*], а с другой стороны – [*баней, кон'ей, кн'ига*] где согласный [н] исторически палатальный. Аналогично в украинском языке в таких формах, как *книга* [kníha], *від них* [v'id-níx] 'от них', *поле* [póle], *з князем* [z-kn'ázem] и мн. др., тверды исконно палатальные согласные.

И, наконец, следует подчеркнуть, что так называемое вторичное смягчение твердых согласных перед гласными переднего ряда не приводило к появлению корреляции согласных по твердости-мягкости, так как палатализованность была позиционной – согласный и гласный в слове были неразрывно связаны между собой: перед гласным переднего ряда находился твердый согласный, а перед гласным переднего ряда – палатализованный. Такие сочетания согласных с гласными Р. И. Аванесов называл силлабемами. Что же касается корреляции по твердости-мягкости, то она сложилась в древнерусском языке только после того, как мягкость пре-

⁶⁶ Карский Е. Ф. Русская диалектология: Наречия южновеликорусское, северновеликорусское, белорусское и малорусское. Варшава, 1912. С. 211.

вратилась в самостоятельное фонологическое различие, то есть мягкие согласные стали возможны в конце слова и перед другими согласными, а это произошло лишь после падения редуцированных. С появлением корреляции по твердости-мягкости исчезли и палатальные согласные, изменившись в палатализованные (см. ниже, § 69).

Падение редуцированных

§ 48. Падение редуцированных, заключающееся в устраниении из вокалической системы фонем <ъ> и <ь>, явилось переломным процессом, который коренным образом изменил фонетический строй древнерусского языка, что, в свою очередь, повлекло за собой и некоторые морфологические преобразования. Падение редуцированных служит той вехой, которая отделяет раннедревнерусский период развития языка от позднедревнерусского. После падения редуцированных, осуществившегося во всех славянских диалектах, но имевшего в них разные результаты и последствия, произошло очевидное размежевание славянских языков, которые обладали дотоле значительной схожестью. Н. С. Трубецкой полагал даже, что позднепраславянский язык существовал вплоть до падения редуцированных, настолько невелики были расхождения между славянскими диалектами до этого события, кардинально изменившего картину славянского языкового мира.

В процессе падения редуцированных <ь> и <ъ> в слабых позициях утратились, а в сильных позициях прояснились в гласные полного образования (о позициях редуцированных см. выше, § 27).

Фонемы <ъ> и <ь> в древнерусском языке могли реализоваться в разных вариантах: во-первых, в основных, то есть в звуках [ъ] и [ь], а во-вторых, находясь в определенных фонетических условиях (см. выше, § 28), – в звуках [ǫ] ([u] редуцированное) и [ĭ] ([i] редуцированное). Особыми позициями для [ъ] и [ь] были позиции в сочетании с плавными – перед плавными и после них. В процессе падения редуцированных изменение сверхкратких гласных в каждом из перечисленных положений имело свои особенности.

Судьба звуков [ъ] и [ь] вне сочетаний с плавными

§ 49. Согласно основному правилу утраты редуцированных, в слабых позициях [ъ] и [ь] исчезали, а в сильных позициях изменялись в гласные полного образования – [ъ] превращался в [о], а [ь] – в [е]. Ср., например, др.-р. **сѣнѣ** и совр. русск. *сон*, др.-русск. **тѣмѣно** и совр. русск. *темно*. Результаты процесса падения редуцированных отражаются в древних памятниках письменности, как некнижных, так и книжных. Утрата [ъ] и [ь], находившихся в слабых позициях, могла отражаться на письме двояко. Во-первых, непосредственно, то есть в виде пропусков букв **ѣ** и **ь**, а во-вторых, гиперкорректно, то есть путем вставки **ѣ** и **ь** в таких положениях, где редуцированных звуков никогда не было. Прояснение же «сильных» редуцированных проявлялось в заменах букв **ѣ** и **ь** буквами **о** и **е**. Вот некоторые примеры из представляющих разные жанры письменности текстов XII–XIII вв.

Пропуск букв **ѣ** и **ѡ**: пославѣ, авѣтника, вратни Новг. берест. гр. № 235, втор. пол. XII в., пришлѣн, послати, песца Новг. берест. гр. № 724, втор. пол. XII в., татѣѡ, Мѣстаткѡ (собственное имя), сѣднѣнѣ Новг. берест. гр. № 213, втор. пол. XIII в., божница, злыми, пожни Вкладн. гр. Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г., прислалѣ, немчиноу Смоленская гр. 1229 г., съ ... новгородци, с посадникомъ, докончахомъ, нѣмци Договорн. гр. Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 гг., мнѣ, далнюю Выголексинский сб. кон. XII в., что, началникы, злата, подобно, пси, вечернюю, створити Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сб. XII–XIII вв.

Написание **ѣ** и **ь** там, где редуцированных звуков этимологически не было: **перѣмславлѣ** Новг. берест. гр. № 105, 60–90-е гг. XII в., **мѣдвѣдьно** (стандартная орфография – **мѣдвѣдьно**) Новг. берест. гр. № 722, перв. пол. XII в., **масѣлѣмь** Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сб. XII–XIII вв., **храбѣрьъ** Жит. Феодосия Печерского по Успенскому сб. XII–XIII вв., **вѣзѣ** **възборонѣннѣа**, **възѣвращающоу сѣа** Выголексинский сб. кон. XII в., **изѣобрътътъ** Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сб. XII–XIII вв. (приставки и предлоги на -з исконно редуцированных после себя не имели).

Написание о и ѣ вместо ѣ и ѣ: со мною Духовн. завещание новгородца Климента до 1270 г., коупецъ, гривень Русск. Правда

по Новг. Кормчей 1280 г., тѣмьѣтинъ, кѣ съшѣдѣшимъ Выголексинский сб. кон. XII в., пришѣлъ, пришѣдѣ, ошѣдѣшю Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сб. XII–XIII вв., ѿ сотѣнника Добрилово ев. 1164 г.

История звуков [ǫ] и [ї]

§ 50. Звуки [ǫ] и [ї] (называемые напряженными редуцированными) в пору своего существования последовательно обозначались на письме буквами ѣ и ѣ, например, добръѣнъ (в произношении – [dobrǫjɛ] из *dobъ + *jъ), синни ([s'ın'jɛ] из *sinъ + *jъ), вѣнѣтъ ([b'jɛt'ɛ]). Напряженные редуцированные, находившиеся в слабых позициях, разделили судьбу «слабых» [ǫ] и [ѣ], то есть в процессе падения редуцированных утратились⁶⁷. Ср. др.-русск. жизнью, пианица и совр. русск. жизнью, пьяница. В памятниках письменности XII–XIII вв. утрата [ї] отражается следующим образом: вместо буквы ѣ изредка пишется буква ѣ, например, съворѣтъю, оружѣе Духовн. завещание новгородца Климента до 1270 г., соудѣе Договорн. гр. Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем 1264 г., ноцѣю Выголексинский сб. кон. XII в., поудѣе Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сб. XII–XIII вв. К XIV веку такие написания становятся обычными. Так, в Лаврентьевской летописи, созданной в XIV в., они являются абсолютно нормативными (ср.: с вратѣю л. 123об., оудѣнъ л. 124, оудзорочѣа^{мн} л. 124, кровѣю л. 124, дѣнѣе л. 124 об., звѣрьѣ л. 124 об. и т. д.).

Находясь в сильном положении, редуцированные [ǫ] и [ї] изменялись в гласные полного образования, причем в разных частях восточнославянской языковой территории результаты этого изменения были различными. В северо-восточных областях, то есть в тех говорах, которые стали впоследствии базой для формирования русского языка, рефлексы напряженных редуцированных совпали с рефлексами [ѣ] и [ѣ], иначе говоря, [ǫ] превратился в [о], а ([ї] – в [е]. Ср. др.-русск. слѣпѣтинъ, мѣю, людинъ и совр. русск., слепой, мою, людей. Изредка, начиная с XIII в., это изменение отражается

⁶⁷ Впрочем, [ǫ] и [ї], которые являлись вариантами фонем <у> и <і>, вели себя вне зависимости от позиции в слове как сильные редуцированные, а [ǫ], представлявший собой вариант фонемы <ъ>, реально в слабой позиции в древнерусском языке не представлен (см. выше, § 28).

в орфографии. Например: **кнѧзь великои Моск. Ев. 1339 г., запись, свинен Духовн. завещание новгородца Климента до 1270 г., винопейца Переяславск. Ев. 1354 г.** Но таких случаев мало, в норме стабильно удерживались традиционные написания с буквами **ѣ**, и типа **живѣи**, **свинни** и т. д.

В юго-западной части восточнославянского языкового континуума рефлексы напряженных редуцированных, находившихся в сильной позиции, были иными. В тех диалектах, которые легли в основу украинского и белорусского языков, а также в русских говорах, пограничных с украинскими и белорусскими (современные смоленские, южнопсковские, частично брянские говоры) [ǫ] и [ĭ] сохранили свое качество и совпали с соответствующими гласными полного образования, [ǫ] – с [у] (ы), а [ĭ] – с [і], причем в дальнейшем полностью разделили их судьбу. Так, в украинском языке в одном гласном совпали *i* и *u* исконные, а также *i* и *u*, произошедшие из напряженных редуцированных.

Ср. примеры рефлексации напряженных редуцированных в украинском и белорусском языках, а также западнорусских диалектах (для сопоставления в последнем столбце таблицы приводятся формы современного русского литературного языка):

Др.-русск.	Украинск.	Белорусск.	Западно-русск. диалектн.	Совр. русск. литерат.
мѣю	мію	мыю	мыю	мою
слѣпѣи	сліпій	сляпы	слепый	слепой
шиѧ	шія	шыя	шія	шея
пиѧ	пий	пий	пий	пей

Найти отражение этого типа реализации бывших напряженных редуцированных в древних текстах затруднительно, поскольку, как указано выше, написания типа **добрѣи**, **мѣю**, **сини**, **пиѧ** являлись нормативными, так что за ними мог стоять любой тип произношения – и [dobroj], [mojy], [s'in'ej], [p'ej], и [dobryj], [muju], [s'in'ij], [p'ij]. Доверять написаниям с **ѣ**, и допустимо только в тех случаях, когда они найдены в не ориентированных на книжную норму берестяных грамотах бытового содержания. Ср.: **голѣѣи Новг. берест. гр. № 142, перв. пол. XIV в., дроѣѣи**

саниях типа загорѣса Неревьскен коньць *Синод. сп. I Новг. летописи под 1194 г., и весь гднь Великѣи Новегородь* (им. пад. ед. ч.), *тѣи* товарѣ (им. пад. ед. ч.) *Нибуров мир 1392 г., список Б*⁶⁸.

Специфической чертой говоров, которые восходят к древнепсковскому диалекту и знают сейчас изменение [ǔ] в [e] или [y] ([ы]), а [ĩ] – в [i], является своеобразное развитие редуцированных ь и ъ, стоявших в положении перед исконно смягченными (палатальными) сонантами или перед сонантами, которые смягчились после падения редуцированных в положении перед *j*. Такие ь и ъ вели себя, как напряженные редуцированные, то есть ь перешел в *e* либо в *ы*, а ъ – в *и*. Ср., например, пск. диал. *адѣнье*, *ад'ѣн'jo*, *адынья* из **odъnje* 'одонье, стог (сена)'; *вдыль* из **vъdъljъ* 'вдоль'; *вапирь* из **veprjъ > *verъrjъ* со вставным ь 'кабан' (*ва-* в первом слове современной диалектной псковской формы возникло из *в'а* с последующим отверждением *в'-*)⁶⁹.

Судьба сочетаний типа *ТЬРТ*

§ 51. В сочетаниях редуцированных с плавными в положении между согласными (*ТЬрТ*, *ТЬrТ*, *ТЬlТ*) ь и ъ находились всегда в сильной позиции и в процессе падения редуцированных в любом случае прояснялись в гласные полного образования: [ъ] – в [о], а [ь] – в [е]. Например, др.-русс. *търгъ*, *пъртити*, *вѣрхъ*, *мѣлчати*, *пѣакъ*, *вѣакъ > русск. торг, портить, верх, молчать, полк, волк*.

Прояснение редуцированных в сочетаниях типа *ТЬРТ* отражается в памятниках письменности начиная с XII в., то есть примерно с того времени, когда в древних текстах появляется отражение прояснения сильных редуцированных в других позициях.

⁶⁸ См.: Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 141–142; Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 годов. М., 1993. С. 205–206. Впрочем, возможно, что формы на *-ei* (*-ѣи*) отражают не фонетическую, а морфологическую особенность древненовгородского диалекта – адъективное окончание им. ед. муж. р. *-ei* (см.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 119).

⁶⁹ См. подробнее: Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балтославянские исследования. 1986. М., 1988. С. 118–128.

Ср. примеры из рукописных источников XII–XIII вв.: *дѣръзнѣвъ* Добрилово ев. 1164 г., за *волховомъ*, на *волхевьци* Вкладн. гр. Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г., *вдѣрънь* ‘совершенно, в полную меру, сполна’, *съ борътъю* ‘пчельник, дикий улей’, *пострижеть сѧ въ чернице* Духовн. завещание новгородца Климента до 1270 г., *не держати, смерда* Договорн. гр. Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем 1264 г., *жердью, надолзѣ* Русск. Правда по Новг. Кормчей 1280 г., *молвити* Гр. новг. кн. Андрея Александровича 1294 г., *первое* Рядная Тешаты с Якимом до 1299 г.

Однако помимо описанного рефлекса, основного для восточнославянских языков, в северо-западных русских говорах (псковских, новгородских, ладого-тихвинских и онежских), а также в северносмоленских говорах представлен еще один рефлекс сочетаний типа *ТЬRT*. Его называют вторым полногласием, поскольку гласные одинакового качества стоят с обеих сторон от плавного: *вѣрех* (или *верѣх*), *сѣрен* (или *серѣн*), *кѣром* (или *корѣм*), *стѣлоб* (или *столѣб*), *гѣроб* (или *горѣб*) и т. д.

Вопрос о происхождении второго полногласия вызывал в разное время споры, предлагались различные концепции относительно генезиса этого явления. Думается, что реальнее всего связывать появление второго полногласия с теми рефлексами праславянских сочетаний **ТЬrT*, **ТЬlT*, **ТЬrT* и **ТЬlT*, которые были представлены на территории распространения древнепсковского и смоленско-полоцкого диалектов и в которых после плавных появлялся эпентетический (вставной) гласный (см. выше, § 44), как правило, того же качества, что и гласный, стоявший перед плавным. Например, праслав. **tǔrgŭs* > *търгъ* > *търъгъ*; праслав. **vīrsŭs* > *вīrxŭs* > *въrxъ* > *въръхъ*. В дальнейшем, в процессе падения редуцированных, первый гласный в получившихся сочетаниях всегда вел себя, как сильный редуцированный, то есть прояснялся в гласный полного образования. Второй же, эпентетический, гласный подчинялся тем законам, по которым изменялись обычные редуцированные: если он находился в сильной позиции (перед слогом с редуцированным в слабом положении), то прояснялся, а если стоял в слабой позиции (перед гласным полного образования или редуцированным в сильном положении), то исчезал. Именно поэтому в современных северо-западных говорах представлены парадигмы типа *верѣх* –

верха – *верху* и т. д. Здесь в именительном падеже вставной редуцированный был в сильной позиции (перед окончанием -ь) и проявился, а в косвенных падежах он оказывался в слабой позиции (перед гласными полного образования) – и исчезал. Последние исследования С. Л. Николаева показали, что в северозападных говорах второе полногласие развивалось в непроеизводных словах, принадлежащих к акцентной парадигме *b*, а также в определенном круге производных основ, мотивированных основами разных акцентных типов, хотя преимущественно также принадлежащих к акцентной парадигме *b*⁷⁰.

В современный русский литературный язык из диалектной речи проникло лишь несколько словоформ с эффектом второго полногласия, например *веревка* (ср. др.-русс. *вьрвь*), *остолоп* (ср. др.-русс. *стълпъ*), *бестолочь* (ср. др.-русс. *тълакъ*). В северо-западных же говорах форм со вторым полногласием перед исчезнувшим слогом с редуцированным в слабой позиции довольно много. Например, *волок*, *гóрось* ‘горсть’, *горóска*, *дёрен*, *дэрен*, *жерёдка*, *скáтереть*, *терётка*, *хóлом*, *холомкí*, *чéreвь*, *четвёрег*, *чёлон*, *челóн*, *шерёстка*, *тёрен*, *тóрог* и т. д. Впрочем, встречаются и случаи, когда эпентетический редуцированный развился в [о] или [е] «незаконно» – перед слогом с гласным полного образования или этимологическим редуцированным в сильной позиции, например, *жерёдочка*, *смерётушка* (*смерёдушка*), *тверёже*, *холомóк*, *челонóк*, *дбложен*, *доложён*. По-видимому, здесь сыграла свою роль аналогия, то есть под влиянием форм того же слова или родственных слов, в которых второе полногласие развивалось закономерно, гласный полного образования из вставного редуцированного появился и в данных формах, где фонетических условий для его возникновения не было. Так, *жерёдочка* возникает под влиянием *жередь*, *холомок* – под влиянием *холом*, *доложен* – под влиянием *доложна* и т. д.

История сочетаний типа *TRBT*

§ 52. Особую судьбу имели в восточнославянских языках сочетания, в которых редуцированный стоял после плавного, то есть

⁷⁰ Николаев С. Л. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86–103.

сочетания *TrbT*, *TrbT*, *TlbT*, *TlbT*. Имеются в виду формы типа *грѣмѣ*, *крѣстѣ*, *блѣха*, *слѣза*.

Каким бы ни был редуцированный – сильным или слабым, – в русском языке он всегда проявлялся в этой позиции в гласный полного образования. Ср. др.-русс. *грѣмѣ*, *дрѣжати*, *крѣстити*, *блѣха*, *слѣза* и русск. *гром*, *дрожать*, *крестить*, *блоха*, *слеза*. Есть два возможных объяснения регулярного присутствия гласного полного образования на месте слабого редуцированного.

Первое заключается в том, что редуцированный, находившийся в слабой позиции, не выпадал, поскольку иначе образовалось бы сложнопроизносимое сочетание согласных, а так же, как редуцированный в сильной позиции, проявлялся в гласный полного образования (возможно, под влиянием парадигмы: [bʲɤ́xа] > [bloxa] по аналогии с тем, что [bʲɤ́xъ] > [blox]).

Второе объяснение допускает исчезновение редуцированного и, следовательно, неизбежное образование слогового плавного ([bʲɤ́xа] > [bʲɤ́xa]). Поскольку слоговые плавные нехарактерны для русского языка, слоговость преодолевалась вставкой гласного после плавного и, таким образом, [bʲɤ́xa] > [bloxa].

Судя по всему, именно через ступень слогового плавного осуществили свое развитие сочетания типа *TRbT* в тех говорах запада и юго-запада, которые легли в основу **украинского и белорусского языков**. Дело в том, что в этих языках в слабом положении после плавных на месте редуцированных представлены звуки *у* (*ы*), *i*. Ср.:

Праславянский	Украинский	Белорусский	Русский
*kǣv-	<i>кривáвий</i>	<i>кывáвы</i>	<i>кровавый</i>
*kǣx-	<i>крíха</i> , <i>крихá</i> , <i>крíхитний</i>	<i>крыхá</i>	<i>кроха</i> , <i>крохотный</i>
*glǣt-	<i>глитáти</i>	<i>глытáць</i>	<i>глотать</i>
*gǣm-	<i>гримíти</i>	<i>грымéць</i>	<i>греметь</i>
*dǣg-	<i>дрижáти</i>	<i>дрыжáць</i>	<i>дрожать</i>
*blǣx-	диал. <i>блихá</i>	<i>блыхá</i>	<i>блоха</i>
*dǣv-	диал. <i>дрівó</i> 'колода'	<i>дрывá</i>	<i>дрова</i>

Примечание. Впрочем, в украинском языке в рассматриваемых сочетаниях в некоторых случаях встречается и рефлекс [o], например, *блоха*, *дрова*, диал. *дрогати*.

Звуки у (ы), і в украинском и белорусском языках могли появиться только одним путем, а именно в результате преодоления слоговости плавного, возникшей после утраты слабого редуцированного. Преодолевалась слоговость вставкой гласного призвукa, который затем превращался в звук полного образования. При этом призвук мог появляться не только после плавного, но, что особенно показательно, — и перед ним. Ср. укр. диал. *керв́а* 'кровь' и производные *керв́янка*, *керв́авий*, *накерв́авитися*, *покерв́авити*; *керт́ина* 'крот' (псл. *krъtъ), *керт́иця* 'то же', *керт́як* 'то же', *керт́ити* 'рыть землю'; *дирв́а* 'дрова'⁷¹.

Что касается русского языка, то точно неизвестно, какой из двух вышеописанных путей развития сочетаний типа TRЪT, реализовался в нем. С одной стороны, в пользу того, что плавный не был слоговым, а происходило прояснение гласного, не выпавшего вместе с другими редуцированными, говорит тот факт, что в русском языке на месте слабого [ъ] всегда представлен звук [о], а на месте слабого [ь] — звук [е]. С другой же стороны, имеются некоторые основания предполагать, что редуцированный все-таки выпадал, оставляя после себя слоговой плавный. Дело в том, что в русском языке есть слово *Псков* и разговорно-диалектная форма *окстись*, а на северо-западе встречаются также населенные пункты с названием *Ксты*. Происхождение этих огласовок прозрачно: они возникли из др.-русск. *пльсковъ*, *окръстити сѧ*, *кръсти*. Дальнейшее развитие было таково: слабый редуцированный выпадал, образовывался слоговой плавный, который не удерживался и также выпадал. Вполне возможно, впрочем, что по второму пути (со стадией слогового плавного, тем или иным способом преодолеваемой) пошли не все русские диалекты, а только северо-западные, и тогда эта особенность окажется еще одной в ряду тех, которые связывают русский северо-запад с южно- и западнославянскими языками.

⁷¹ Ср. аналогичное развитие «вторичного» слогового плавного, возникшего после падения редуцированных из сочетаний типа *TrъT, в кайкавском диалекте сербохорватского языка (на северо-западе Хорватии), например, *kervavi* в соответствии с сербохорв. литературн. *krvavi* 'кровавый'. Так же, кстати, здесь развивался слоговой плавный, появившийся на месте праславянского сочетания типа *TъrT: ср. кайковск. *cirkva* и сербохорв. литературн. *crkva* 'церковь'.

Отступления от основного правила утраты и прояснения редуцированных

§ 53. В современном русском языке мы не всегда наблюдаем те рефлексы <ъ> и <ь>, которые ожидалось бы по правилу паде-ния редуцированных, предусматривающему прояснение сильных редуцированных и исчезновение слабых. Регулярное отступление от общего правила применительно к целому классу слов описано выше (рефлексы сочетаний типа *TRBT), однако бывают отступ-ления и других типов.

1. Особым образом вел себя *ь*, находившийся в сочетании *йь*. В середине слова, будучи в **сильной позиции**, он мог изменяться не в [е], а в [и]. Например, в русском языке существуют формы *яичко*, *яичница*, *яиц* (соответственно из [jaj_ɥč'ɤko], [jaj_ɥč'ɤn'ic'a], [jaj_ɥč'ɤ]). Ср. *ййцо* из [jaj_ɥs'e], где *ь* в слабом положении утратил-ся. Впрочем, для *ь* в этой позиции известен и закономерный реф-лекс [е]: *боец*, *военный* (ср. *бойца*, *война*, где *ь* в слабой позиции выпал), диал. *яец*, *яешня*.

Находившееся в начале слова сочетание *йь*, в котором *ь* был в **слабой позиции**, также вело себя нетривиально. Если в диалектах, легших в основу украинского и белорусского языков, слабый *ь* в основном закономерно исчезал, ср. укр. *грати*, белор. *граць* (из [j_ɥgrat'i]), укр. *голка*, белор. диал. *голка* (из [j_ɥgɤɫ'ka]), укр. *ймети*, белор. *мець* (из [j_ɥm'et'i]), укр. *скра* (из [j_ɥskra]), то в говорах буду-щей великорусской территории (вернее, большей ее части) слабый *ь* превратился в [i]: рус. *играть*, *иголка*, *иметь*, *искра* и т. д.

2. В некоторых случаях в современном русском языке мы на-ходим гласные [е] и [о] на месте древнерусских редуцированных в слабой позиции. Появление таких [е] и [о] объясняется разными причинами.

♦ Исчезновение слабого редуцированного могло приводить к появлению труднопроизносимого сочетания со скоплением со-гласных, в результате чего впоследствии на месте редуцированны-го восстанавливался гласный, например, *доска* из *дъска*, *дожда* из *дъджа*, *стекло* из *стъкло*, *пестро* из *пъстро*, *тощий* из *тъщии*, *тестя* (род. пад. ед. ч.) из *тъста*. О том, что *ъ* и *ь* действительно в данной позиции первоначально исчезали, свидетельствуют памят-ники письменности XIII–XVII вв., в которых засвидетельствованы формы *дска* (цка), *джа*, *скло*, *пстро*, *тща*, *тста* (цта, ста) и др.

В украинском языке и сейчас присутствует слово *скло* 'стекло', в белорусском — *шкло*, а в русском — *склянка*. Впрочем, возможно было и непосредственное прояснение слабого редуцированного, как, например, в словах *бодрый* (из *бѣдрѣи*), *дохлый* (из *дѣхлыи*), *тёща* (из *тъща*), которые нигде не засвидетельствованы в варианте без гласной.

♦ В целом ряде случаев мы сталкиваемся с выравниванием основ в парадигме. Так, вместо ожидаемого *месть* (им. пад.) — *мсти* (род., дат., мест. пад.), что должно было закономерно получиться из *лѣсть* — *лѣсти*, в русском языке представлены формы *месть* — *мести*, то есть огласовка косвенных падежей выравнивалась по форме именительного падежа. Аналогичным образом возникли такие формы, как *лесть* — *лести*, *честь* — *чести*. Иногда выравнивание по форме именительного падежа приводило к тому, что в формах косвенных падежей закономерность утраты и прояснения редуцированных оказалась нарушенной дважды. Например, из др.-русс. *лѣстьѣць* — *лѣстьѣца* должно было получиться *лѣстец* — **лѣстца*, а аналогическое выравнивание в парадигме привело к появлению соотношения *лѣстец* — *лѣстеца* с устранением всех чередований.

Известно и выравнивание формы именительного падежа по образцу форм косвенных падежей. В частности, современная огласовка топонимов Курск, Брянск, Смоленск, Мценск, Минск, Пинск и под. не является этимологически обоснованной. Из древнерусской формы *коурѣскѣ* образовывалась форма именительного падежа *Куреск*, из *бранѣскѣ* — *Брянск*, из *смолянѣскѣ* — *Смольнеск* и т. д. Эти формы довольно долго существовали в языке — их фиксацию можно найти в памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв., а также на географических картах этого периода. Однако в конце концов возобладала огласовка косвенных падежей (напр., род. пад. *Курска* из *коурѣска*, *Брянска* из *бранѣска*, *Смоленска* из *смолянѣска*), которая аналогически воздействовала на форму именительного падежа, отчего возникли современные формы *Курск*, *Смоленск*, *Брянск* и т. д.

♦ В некоторых словах современного русского языка наличие звуков [о] и [е] на месте прежних слабых редуцированных объясняется церковнославянской огласовкой этих слов, что, в свою очередь, связано с особенностями книжного чтения на Руси. Дело в том, что в древности при озвучивании церковнославянских текстов буквы ѣ и ѣ читались так же, как буквы о и е, то есть на их

месте произносились гласные [о] и [е]. В результате для слов, бытовавших в книжном языке, могла закрепиться огласовка со звуками [о] и [е] на месте исконных редуцированных. Особенно ярко это проявляется в ситуации с приставками **сѣ-**, **вѣ-**, **вѣз-**, а также с предлогами **сѣ** и **вѣ**. Ср., например, современные слова *сбор* и *собор*. Исторически в обоих выделяются приставка **сѣ-** и корень *бор-* (**сѣборѣ**), причем редуцированный приставки находился в слабой позиции, но первое слово генетически древнерусское, существовавшее в разговорном языке (ср.: *сбор денег*, *сбор урожая*), а второе – церковнославянизм, в силу своего происхождения сохранивший [о] на месте слабого редуцированного. В русском языке можно найти и другие пары слов, подобные вышеприведенной. Например, *всход* – *восход*, *сзывать* – *созывать*, *скрыть* – *сокрыть*, *грецкий* – *греческий* и т. д. Есть предположно-падежные сочетания сугубо книжного происхождения, где предлог представлен в вокализованном варианте – *во главе*, *во имя*. Существуют также слова, усвоенные русским литературным языком в церковнославянской огласовке и не имеющие восточнославянского соответствия, например, глагол *уповать* (из *оупѣвати*).

3. Особо следует сказать о рефлексах [і] редуцированного книжного происхождения. Как известно, в кириллице [і] редуцированный обозначался традиционно буквой **и** (например, **синни** – им. пад. ед. ч. муж. р., **синни** – дат.-местн. пад. ед. ч., род. пад. мн. ч.). Книжное произношение предусматривало произнесение на месте буквы **и** звука [і] в любом случае – вне зависимости от того, сильным или слабым был обозначаемый этой буквой [і] редуцированный. Такой способ книжного чтения отразился на огласовке вошедших в русский язык из церковнославянского слов, оканчивающихся на **-иѣ** (исторически – [іѣ]) и **-иа** (исторически – [іа]). Ср. совр. русск. *терпение*, *благословение*, *Мария* и мн. др. слова, где на месте слабого [і] звучит гласный. Им противопоставлены русские по происхождению слова, выступающие в закономерной для живого языка огласовке, такие, например, как *ружье*, *копье*, *Марья* (на месте слабого редуцированного звук отсутствует). Специфика книжного произношения привела и к последствиям другого рода: усвоенные в церковнославянской огласовке формы имеют в современном русском языке на месте **сильного [і]** не [е], а [и], например, *кровопийца* (из [krъpor'ljъc'a]), *убийца* (из [ub'ljъc'a]).

Хронология процесса падения редуцированных

§ 54. В курсе исторической грамматики русского языка обычно излагается теория, развитая в свое время И. А. Фалевым⁷² и состоящая в том, что процесс падения редуцированных начался с утраты [ъ] и [ь] в так называемых абсолютно слабых позициях, то есть в тех морфемах, где редуцированный при формоизменении никогда не попадал в сильное положение. В подобной позиции находились редуцированные в таких словах, как **къдѣ, къто, чѣто, кѣназь, кѣнигы, мѣногѣ** и их производных. Дело в том, что в древнейших восточнославянских памятниках более или менее регулярный пропуск букв редуцированных наблюдается именно в этих случаях, а также в местоимении **всь** и его производных (где позиция для [ь] не только не является абсолютно слабой, но бывает даже сильной!). Ср. написания **кдѣ, ктѣ, чтѣ, кназь, кнази, книжъникѣ, книжъници, множьство, многѣѣньнѣ, вси, всакѣ** и др. из Архангельского Евангелия 1092 года.

Однако можно думать, что мы имеем дело все же не с отражением живого произношения, а с чисто орфографическим явлением: пропуск еров в этой же группе слов наблюдается и в старославянских памятниках (то есть в памятниках церковнославянского языка южнославянских изводов X–XI вв.), и, видимо, он воспринимался восточнославянскими книжниками как элемент орфографической нормы (допустимо предположить, что это был способ сокращения часто употребляемых слов). О том, что редуцированные гласные на самом деле в перечисленных корнях произносились, свидетельствуют данные древних певческих текстов – кондакарей. При их создании использовалась особая, так называемая кондакарная, музыкальная нотация, которая предполагает запись текста специальным способом – с повтором гласных букв для обозначения длительности звучания тянущихся при пении гласных звуков. Такое письмо называют растяжным. Ср. несколько примеров: оуѣченикътъъъ (т. е. оученикъ), тогоооооооооо (т. е. того), събѣпостааааатты (т. е. събѣстатты). В древнейшем дошедшем до нас кондакаре – Типографском уставе XI–XII вв. – певческие тексты записаны дважды: первый раз в обычной орфографической записи, а второй раз – в растяжном виде с нотными знаками. И

⁷² Фалёв И. А. О редуцированных гласных в русском языке // Язык и литература. Т. II. Вып. 1. Л., 1927.

Можно предположить, что исчезновение слабых редуцированных предшествовало проявлению сильных, поскольку превращение [ъ] и [ь] в [о] и [е] возникало компенсаторно в связи с возмездительным продлением слога перед слогом с утратившимся редуцированным.

⁷⁴ О графических эффектах, связанных с меной букв **ѡ** – **ѣ** и **ѣ** – **ѡ** в новгородских берестяных грамотах, см.: Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 93–105; Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением **ѡ** – **ѣ** и **ѣ** – **ѡ** // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

ванный в слове Βεροῦτξη передан буквой ε, а конечный слабый редуцированный в слове Νεαοῦτ опущен. Таким образом, падение конечных редуцированных (или, по крайней мере, начало этого процесса) предшествовало утрате редуцированных в срединном и начальном слоге. Судя по показаниям берестяных грамот, утрата неконечных слабых редуцированных продолжалась в новгородском диалекте около ста лет: примерно со второй четверти XII в. по 10-е годы XIII в.⁷⁵

Последствия падения редуцированных

§ 55. После падения редуцированных система древнерусского языка кардинальным образом преобразовалась. Появились новые фонетические закономерности и разнообразные позиционные изменения звуков, сформировались новые дифференциальные признаки фонем, изменилось само количество фонем, иной стала структура слога, модифицировались некоторые элементы морфологической системы.

Фонетические изменения позиционного характера

§ 56. В связи с утратой слабых редуцированных оказалось возможным нахождение рядом звуков, прежде в непосредственном соседстве не встречавшихся, что привело к появлению ряда позиционных изменений. Достаточно разнообразные процессы стали проходить в конце слова, когда после утраты финальных редуцированных образовались закрытые слоги. Все эти позиционные фонетические изменения будут подробно описаны в нижеследующих разделах.

Процессы, связанные с позицией конца слова

§ 57. После того как пали конечные редуцированные, звонкие шумные согласные, оказавшись в исходе слова, подверглись оглушению. В памятниках письменности отражение такого оглушения появляется уже в XIII веке, причем раньше всего – в словах, не имевших традиционного орфографического облика, то есть в за-

⁷⁵ См.: Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 годов. М., 1993. С. 241–270.

имствованиях. Ср., например, германские имена *Конратъ* и *Бернартъ* из Смоленской грамоты 1229 г. В Лаврентьевской летописи XIV в. находим форму *порупъ* 'темница', л. 51 об. (ср. в Радзивиловском списке летописи XV в. — *порубъ*). Вообще, следует сказать, что оглушение конечных звонких согласных — черта, которая в весьма ограниченном объеме находит отражение в памятниках письменности. Даже в датируемых XVI–XVII вв. рукописных источниках делового содержания, где зачастую сплошь и рядом отражаются фонетические диалектные особенности писавших, оглушение конечных согласных дает о себе знать лишь в редких случаях. Ср. несколько примеров из «Памятников обороны Смоленска» 1609–1611 гг.: *вдругерят, назат, прохот, вперот, на стороже ш*. Позже и реже, чем оглушение всех других согласных, отражается оглушение конечного [v]. Самая ранняя фиксация замены конечного [v] на [f] относится к первой четверти XVII в. — в Псковской отказной книге 1618–1623 гг. имеются написания *Кондратье* снъ, Не*не*ѡъ, Самонло*ѡъ снъ, Трифано**. Впрочем, далеко не во всех русских говорах развился губно-зубной [v], который мог оглушаться в [f] (см. об этом ниже, § 70).

Оглушение конечных согласных, видимо, проходило не на всей восточнославянской территории, поскольку, как показывают данные современной лингвистической географии, в большинстве украинских говоров (а также в украинском литературном языке) и в некоторых русских говорах (во владимирском и нижегородском Поочье и нижегородском Поветлужье, а кроме того, под влиянием соседних украинских говоров — и в диалектах южной и юго-западной части южнорусского наречия) различение глухих и звонких согласных в конце слова сохраняется.

§ 58. К тому моменту, когда в истории русского языка стали утрачиваться редуцированные гласные, исконно твердые согласные фонемы перед гласными переднего ряда уже смягчились, то есть стали палатализованными. Исчезновение редуцированных (в частности, в абсолютном конце слова) привело к тому, что мягкость, бывшая прежде позиционной, превратилась в самостоятельную. Однако не все согласные смогли эту мягкость в конце слова удержать. Так, губные согласные продемонстрировали тенденцию к отвердению, что с артикуляционной точки зрения вполне объяснимо. Дело в том, что артикуляция палатализации у губных согласных является непростой, поскольку основной и дополнительный ее фо-

кусы формируются разными артикуляционными органами. Во всех русских диалектах произошло отвердение конечного [m] в формах творительного падежа единственного числа в тех типах склонения существительных, к которым относились слова мужского и среднего рода. Например: [stoŭm'ъ] → [stoŭm'ъ] → [stoŭom'] → [stoŭom] (скл. с основой на *ō), [syn'ъm'ъ] → [syn'ъm'ъ] → [synom'] → [synom] (скл. с основой на *ŭ) [put'ъm'ъ] → [put'ъm'ъ] → [put'em'] → [put'em] (скл. с основой на *ī), [d'ъn'ъm'ъ] → [d'ъn'ъm'ъ] → [d'n'em'] (скл. с основой на согласный), а также в формах творительного и местного падежей единственного числа адъективного и местоименного склонений, например, [t'ēm'ъ] → [t'ēm'ъ] → [t'ēm'] → [t'ēm] (тв. пад.); [s'in'em'ъ] → [s'in'em'ъ] → [s'in'em'] (мест. пад.). Отвердевал конечный [m] и в формах первого лица единственного числа нетематических глаголов *ѣмь* и *дамь* (ср. совр. *ем*, *дам*). Столь последовательное отвердение объясняется тем, что мягкость конечного [m] во всех приведенных формах ничем не поддерживалась, то есть была «изолированной». В тех же случаях, когда мягкость конечного губного подкреплялась мягкостью в парадигме (к примеру, им. пад. *семь* – род. пад. *семи*, им. пад. *голубь* – род. пад. *голуби*, в дальнейшем *голубя*), она устранялась не во всех диалектах, а лишь в части из них – там, где не развивалась в достаточной степени корреляция согласных по твердости – мягкости. В настоящее время твердые конечные губные (в таких формах, как *голуб* ‘голубь’, *сем* ‘семь’, *сып* ‘сыпь’, *цеп* ‘цепь’) представлены на обширной территории периферийных русских говоров – северно-восточных и всех западных.

Самый ранний из известных примеров отражения конечного отвердевшего [m] обнаружен в новгородской берестяной грамоте № 752, датируемой 1080–1100 гг. Здесь встречена форма *своимъ*. Следующие по времени примеры – упоминавшиеся уже *есе́мо* (2 р.) и *чнмо* из грамоты № 644, имеющей датировку сер. 10-х – 20-е гг. XII в. (см. выше § 54). Постепенно процесс отвердения конечного [m] в формах, где мягкость не поддерживается парадигмой, становится повсеместным, и в XIV в. результаты этого процесса находят довольно широкое отражение в памятниках письменности. Так, в Лаврентьевской летописи написание -мъ на месте этимологического -мь становится уже допустимым вариантом нормы. Ср.: с *црѣмъ* *мужемъ* л. 12, *врѣжѣмъ* л. 14 об., со *кнзѣмъ* *своимъ* *маломъ* л. 14 об., *именемъ* *монимъ* л. 57, со *всѣмъ*.

свои.мъ житѣѣ^м л. 172, имѹще нѣго ѡцѹмъ совѣ и гнѹмъ л. 156, с мѣтрополитомъ 157 об., в крѣтнѹмъ целованнѣ л. 157 об., мороморомъ (т. е. мрамором) 159 об.

§ 59. В определенных случаях в результате утраты слабого конечного редуцированного образовывались финальные группы согласных, которые делали слог труднопроизносимым. В итоге такие группы стали подвергаться упрощению. Есть целый класс форм, где упрощение охватило все без исключения диалекты. Речь идет о несклоняемых действительных причастиях прошедшего времени мужского рода единственного числа (так называемые формы на -л) типа *неслѣ*, *везлѣ*, *моглѣ*. После исчезновения конечных редуцированных сочетание «согласный + [ɫ]» упростилось, ср. современные формы *нѣс*, *вѣз*, *мог*. В позиции перед гласным полного образования сочетания согласного с [ɫ], естественно, сохранились, то есть *несла* → *несла*, *везла* → *везла*, *могла* → *могла*.

В ряде диалектов утратился ставший конечным, а следовательно, слоговым l-epentheticum в таких словах, как *корабль*, *журавль*, в результате чего появились формы [корап'], [жураф'] (или [корап], [жураф]), если происходило отвердение губных).

Возможен и другой способ устранения сложнопроизносимого сочетания шумного согласного с плавным в конце слова: а именно вставка между шумным согласным и [ɫ'] гласного звука, что приводит к появлению таких диалектных форм, как *корабель* и *журавель*. Как раз этот способ преодоления нежелательной слоговости привел к возникновению в русском языке таких огласовок, как *огонь* (из [ogn'ɫ] → [ogn'ɫ] → [ogn']), *уголь* (из [ugl'ɫ] → [ugl'ɫ] → [ugl']), род. множ. *земель* (из [z'eml'ɫ] → [z'eml'ɫ] → [z'eml']) и др.

Некоторые сочетания согласных, появившиеся в конце слова после утраты слабых редуцированных, подверглись упрощению только в отдельных диалектах. Это относится к конечному сочетанию [st] (или [s't]). Во многих русских говорах, преимущественно северных и частично среднерусских и южнорусских, такие сочетания упрощаются до [s] и, соответственно, [s']: [most] → [mos], [xvost] → [xvos], [gos't'] → [gos'] и т. д.

Ассимилятивные изменения

§ 60. После падения редуцированных в непосредственном соседстве могли оказываться твердый и мягкий согласные, в резуль-

тате чего произошла ассимиляция по твердости – мягкости, причем обычно она бывала регрессивной. Ассимилятивным было как отверждение, так и смягчение. К примеру, из древнерусского **вѣрънѣи** возникает современное **верный** следующим образом: суффикс **-ѣи-** теряет слабый [ѣ], перед которым согласный был уже палатализованным, и появляется сочетание [r'n], где под воздействием регрессивной ассимиляции отвердевает звук [r]. Следует заметить, что отверждение не охватывало всех согласных. Так, практически повсеместно сохраняется мягкость [l'], ср. *польза, вольный, больше* и т. д.⁷⁶ Кроме того, ассимилятивное отверждение проходило не во всех говорах и не во всех позициях одновременно – оно могло существенно задерживаться, например, перед суффиксом ***-ъsk-**, так что до сих пор по диалектам, а именно в вологодских и частично псковских, новгородских и смоленских говорах распространены формы типа *жé[n's]кая, деревé[n's]кие*.

Примером ассимилятивного смягчения может послужить приобретение мягкости приставкой **с-** (из **съ-**) перед корнем, начинающимся с мягкого [t'], скажем, в глаголах **сѣтъмынѣти, сѣтихати, сѣтисноути** – ср. совр. [с't'ѣмнеть, [с't'ѣхать, [с't'ѣиснуть.

Регрессивное ассимилятивное смягчение согласных иногда находит отражение в древнерусских текстах – в тех системах письма, где графически хорошо различаются буквы **ѣ** и **ѥ**. Так, есть берестяные грамоты, которые наглядно демонстрируют, что этот процесс шел уже в XII в. Ср.: **ѣри** 'три' *Бер. гр. из Старой Руссы № 22, перв. пол XII в., безъ деѣати* *Новг. бер. гр. № 710 XII в., мѣдѣвѣдно* *Новг. бер. гр. № 722 XII–XIII вв.* Что же касается процесса ассимилятивного отверждения согласных, то проследить его по памятникам письменности намного сложнее, поскольку внутри слова **ѣ** для обозначения твердости писался крайне редко.

В русских диалектах ассимилятивное смягчение согласных бывает не только регрессивным, но и прогрессивным. На территории и южнорусского, и севернорусского наречия распространено прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, которое заключается в том, что звуки [k], [g] (или [ɣ]) и [x], попав после падения редуцированных в позицию после мягких согласных, также стали мягкими: ср. диалектные формы *Ва[n'k']я,*

⁷⁶ Есть, впрочем, северо-восточные русские диалекты, где в словах типа *больно, больше* [л'] отвердело: *бб[лн]о, бб[лш]е*.

Пе[т'к'']я, О[л'г'']я или О[л'γ'']я, О[л'х'']я и т. д. Подробнее условия и широта распространения прогрессивного ассимилятивного смягчения согласных в русских говорах рассматриваются в курсе диалектологии.

Прогрессивная ассимиляция в русских диалектах может затрагивать не только задненебные согласные. Так, в севернорусском наречии отмечаются формы типа бо[л'н'']о, бо[л'н'']ой, где суффиксальное [н] смягчается под воздействием предшествующего мягкого [л'].

Прогрессивная ассимиляция по твердости зафиксирована в новгородских берестяных грамотах: хорошо известные новгородские имена *Съдила* и *Несъдила* отмечены в варианте с **ЗДЫ-** на месте **сЪди-**: на *Здѣлоу Гр. № 510 (кон. XII – перв. пол. XIII в.)*, *Нездѣле, Ѹ Нездѣле Гр. № 220 (третья четверть XIII в.)*⁷⁷.

§ 61. После утраты слабых редуцированных в ряде случаев оказались соседствующими друг с другом глухие и звонкие согласные, что привело к **ассимиляции по глухости – звонкости**. Обычно это была регрессивная ассимиляция – перед звонким шумным глухой озвончался, а перед глухим звонкий шумный оглушался. Ср. совр. русск. *свадьба* из *сватѣба*, *изба* из *истѣба* (с упрощением группы согласных после падения слабого редуцированного), где из *къдѣ* (или *къдѣѣ*), *пчела* из *бѣчѣла*.

Регрессивное ассимилятивное озвончение внутри фонетического слова происходило последовательно на всей территории распространения древнерусского языка. Самые ранние письменные свидетельства осуществления этого процесса относятся к концу XII–XIII вв. Так, в новгородской берестяной грамоте № 510 (кон. XII – перв. пол. XIII в.) имеется форма на *Здѣлоу* (новгородское имя *Съдила*), а в грамоте № 220 (третья четверть XIII в.) – две формы: *Нездѣле, Ѹ Нездѣле* (новгородское имя *Несъдила*). Эти формы упоминались выше в связи с вопросом об отражении прогрессивной ассимиляции по твердости. Ср. также: *гдѣ, нѣгдѣ Ростовское житие Нифонта 1219 г., здѣ Смол. грам. 1229 г., зѣблюеть, свадьба Устюжская кормчая XIII в., здравѣ Новгородский пролог 1262 г.* И в более поздний период примеры ассимилятивного озвончения встречаются в текстах, созданных на разных территориях распространения русского языка. Например: *тадѣу,*

⁷⁷ См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 83.

тадеи Новг. бер. гр. № 256, втор. пол XIV в., здорово Новг. бер. грам. № 122 XV в., о^т ко^збы Расходн. кн. Тихвинского Успенского монаст. 1624 г., г дес^ато^му Кн. тамож. избы Тихвинского посада 1623–1624 гг., з горо^к, з дүбровокъ, ше^здеса^т (с одновременным отражением упрощения группы согласных) Отказн. кн. Великолуцкого уезда 1616–1637 гг.

Оглушение звонких шумных согласных перед последующими глухими было известно восточнославянским диалектам и до падения редуцированных, но позиции для проявления этой языковой особенности были ограничены стыком приставки на -з и корня, начинавшегося с глухого согласного. Ср., например, написание **исправльше** из приписки дьякона Григория к Остромирову Евангелию 1056–1057 гг. После того как осуществилась утрата слабых редуцированных, позиций внутри слова, где оказались рядом звонкий и глухой согласный, стало существенно больше. Возможно, однако, что регрессивное оглушение в новых сочетаниях звонких и глухих согласных стало происходить несколько позднее, чем регрессивное озвончение, во всяком случае на письме оно отражается позже. Так, самый ранний из известных примеров встречен в новгородской берестяной грамоте № 482, датируемой последней четвертью XIII в.: **п^атънаца**... (хотя грамота оборвана, из контекста следует, что здесь записано число пятнадцать – на месте [d's'] произносилась уже, видимо мягкая глухая долгая аффриката). Большинство же древнейших примеров оглушения относятся ко второй половине XIV в.: **коропка** Духовн. гр. вел. кн. Ивана Ивановича ок. 1358 г., **Торъшкоу** Новг. гр. 1382 г., **лоткү** Новг. берест. гр. № 249 80–90 гг. XIV в., **в потклѣтѣ** Новг. берест. гр. № 363 1380–1400-х гг. В более поздний период, в частности в конце XVI – первой половине XVII в., регрессивное оглушение, так же как и озвончение, находит отражение в памятниках делового письма, созданных на различных территориях распространения русского языка Ср., напр.: **во сто во** ^ф**торо** году Новг. челобитная 1596 г.; **во сто два** ^ц**а** ^ф**торо** го^лу Новг. челобитная 1630 г. **два стошки** Переписная кн. монаст. имуществва Александрова Свирского монастыря 1623 г., **сапош**кн, **жере**чн^к Кн. тамож. избы Тихвинского посада 1624 г., **сковороткү** Расходн. кн. Тихвинского Успенского монастыря 1631 г., **влинско**, **по скаскѣ** Отказн. кн. Великолуцкого уезда 1616–1637 гг., **Воло**т^тка Отдельн. кн. Псковского уезда 1618–1623

гг., на хрепте, обрески Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.

Следует заметить, что оглушение звонких согласных произошло не во всех древнерусских диалектах: сейчас звонкие согласные произносятся перед глухими в значительной части украинских говоров, а также в некоторых русских – во владимирском и нижегородском Поочье и нижегородском Поветлужье.

Ассимиляция по глухости-звонкости, так же как и ассимиляция по твердости-мягкости, носила преимущественно регрессивный характер. Однако, в древнерусском языке прослеживаются и тенденции к формированию прогрессивной ассимиляции, которые в дальнейшем полностью не реализовались. Так, совр. украинск. *бджола* ‘пчела’ восходит к древнерусской форме *бѣчѣла*, где после утраты слабого редуцированного рядом оказались звонкий согласный [b] и глухой [č’]. В тех диалектах, которые легли в основу русского языка, осуществилась закономерная регрессивная ассимиляция, в результате которой получилась форма [рč’eĭa]. В говорах же, ставших впоследствии основой для формирования украинского языка, произошла прогрессивная ассимиляция, вызвавшая появление формы [bdžoĭa].

Есть основания предполагать, что тенденция к прогрессивной ассимиляции существовала после падения редуцированных и в некоторых северо-западных диалектах. Так, в Синодальном списке Новгородской I летописи неоднократно употребляется слово *сторовѣ* (*придоша сторови, ѿидоша сторови, сторови вси коротишасѧ*). Основа *сторов-* фиксируется и в новгородских берестяных грамотах, например, в следующих контекстах: *а стѣе Варѣварѣ тѣлицѣ сторова ли* *Гр. № 657*⁷⁸, *сторови ли естѣ* *Гр. № 424*. В новоторжской берестяной грамоте № 19 (XII в.) представлена глагольная форма 3-го л. ед. ч. презенса *оусторовѣе*. А. А. Зализняк заключил, что слово *сторовѣ* семантически тождественно обычному древнерусскому *сѣдоровѣ* ‘жив-здоров’, ‘цел’, ‘благополучен (как в физическом, так и в социальном отношении)’, и на основании вышеприведенных написаний, а также формы *кте* ‘где’ (из *къде* или *къдѣ*), отмеченной А. И. Соболевским в русской части Саввиной книги, в отрывке, относящемся к XIII–XIV в.,

⁷⁸ В стандартной записи этот отрывок выглядел бы так: *а стѣѣ Варѣварѣ тѣлицѣ сторова ли*.

и формы **стоумаша**, найденной в Синодальном списке Новгородской I летописи, сделал вывод о том, что все эти орфограммы отражают прогрессивную ассимиляцию по глухости – звонкости⁷⁹. Вообще же, написаний подобного рода в памятниках древнерусской письменности известно крайне мало: например, та же форма **кте** зафиксирована А. И. Соболевским в Лукином Евангелии 1409 г.⁸⁰, а также в галицко-волынском Евангелии Верковича XIV в.⁸¹ и О. А. Князевской в псковской рукописи полноапракосного Евангелия середины XIV в.⁸², так что, судя по этому, а также по отсутствию прогрессивной ассимиляции по глухости – звонкости в современном русском языке, можно заключить, что тенденция к прогрессивной ассимиляции была в древнерусском слишком слабой и рано заглохла.

§ 62. Падение редуцированных создавало условия для возникновения **регрессивной ассимиляции согласных по месту образования**. Так, общедревнерусской можно считать ассимиляцию переднебных фрикативных зубным фрикативным типа [š'š'it'i] из **съшити**. Такая ассимиляция была, по-видимому, возможна и до падения редуцированных на тех стыках согласных, между которыми исконно не было гласных. Ср. написание из новг. берест. гр. № 710 XII в. **вє шести** (т. е. [beš'š'es^(s)t'i] или даже [beš'es^(s)t'i], происходящее из [bes-š'es^(s)t'i], где конечный [z] предлога оглушался еще в праславянском языке, поскольку приставки и предлоги на -z редуцированных после себя не имели.

Диссимилятивные изменения

§ 63. В некоторых случаях после утраты слабых редуцированных осуществлялась диссимиляция согласных, если рядом оказывались два взрывных. Так, др.-русс. **къто** могло произноситься как [xto], что отражается в письменных источниках, начиная с XIV в.: ср.: χ[τ]ο *Новг. бер. гр. № 46 перв. пол. XIV в.*, χ[то] *Новг. бер. гр. № 373 перв. пол. XV в.*, χто *Дух гр. вел. князя Василия Дмитриевича*

⁷⁹ См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 85.

⁸⁰ См.: Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1884. С. 153.

⁸¹ См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 105.

⁸² См.: Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII веков. Часть первая. Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование / Издание подготовили О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999.

1406 г., **хто**, **ни^хто** Псковск. отказн. кн. 1618–1623 г. Диссимилиация сочетания [kt] в [xt] отмечается и в других словах: **Гала^хтно^хко**, **Вене^хд^хт^ху** (Дат. ед.) Псковск. отказн. кн. 1618–1623 г., **Полу^хтко** Новг. челобитн. 1596 г.

Памятники письменности позволяют констатировать и диссимилиативное изменение [k], выступающего в роли предлога, перед последующим взрывным согласным знаменательного слова. Так, в текстах смоленского происхождения («Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг.) отражается реализация предлога *к* в звуке [x] перед взрывными [k], [p] и [t]. Ср.: *к реке х Каспли, х клетки, х Коломне, х крестному целованью, х Петровскому игумену, х Третьяку*. Соответствующее произношение и сейчас представлено в смоленском диалекте, так же, впрочем, как и в других южнорусских говорах. Другой способ диссимилиации в сочетании [kk] – не по способу, а по месту образования – отражен памятниках деловой письменности Тихвинского Успенского монастыря первой половины XVII в.: *т колокольни, т коню^хни, т кожаном^х, т казе^хному дѣлу, т казе^хны^х сѣня^х*. Это локально ограниченная диалектная черта, которая известна и в настоящее время в центральной части Ладого-Тихвинской группы говоров.

Упрощение групп согласных

§ 64. После падения редуцированных образовались прежде невозможные консонантные сочетания, некоторые из которых оказались труднопроизносимыми. В результате в древнерусских диалектах стали происходить многочисленные процессы упрощения групп согласных. Приведем примеры отражения некоторых из них в памятниках письменности.

[ž'stv] → [stv]: **роство** (из **рожьство**) Новг. бер. гр. № 144 XIV в;

[ž'sk] → [ssk] → [ssk] (→ [sk]): *из велисскова повета* (от топонима Велиж) *запороские казаки, шестьдесят рубашек... муских* «Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг.;

[stsk] → [sk]: **погоскаа** (из **погостьскаа**) Новг. бер. гр. № 248 XIV в.;

[š'č'sk] → [sk]: **пожарискаа** (из **пожарицьскаа**) Новг. бер. гр. № 519, 2-ая пол. XV в., *Покрутискои* [монастырь] (из *Покрутицьскои*) Псковск. отдельн. кн. 1618–1623 гг.;

[stn] → [sn]: → *крепаснои* (из *крѣпостьнои*) «Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг., *помѣсныи* (из *помѣстьные*) Псковск. отдельн. кн. 1618–1623 гг.;

[zdn] → [zn]: *позно* (из *поздыно*) «Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг.;

[s't'j] → [s'j]: *помесье* (из *помѣстье*) Новг. челобитн. 1629 г.

[č't] → [š't] ([t's't] → [š't]): *што* (из *что*) Договор Тверск. кн. Михаила Ярославича с новгородцами ок. 1294–1301 г., *што* Новг. бер гр. № 311 XV в., *потому што* Новг. челобитн. конца XVI в., *шобы* «Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг.;

[č'n] → [š'n] ([t's'n] → [š'n]): *горшошник* (из *горшьчъникъ*) «Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг., *прожитошное* Псковск. челобитн. 1627 г., *выморошное* [помесье] Новг. челобитн. 1622 г., *порушныя* [записи], *встрешно* Новг. челобитн. 1630 г.

Устранение некоторых начальных сочетаний согласных

§ 65. В начале слова после утраты слабых редуцированных могло образоваться сочетание сонорного согласного со следующим сонорным или шумным, недопустимое с точки зрения строения слога например, *льняной*, *ржаной* (из *льнянъин*, *ръжанъин*). Во многих русских диалектах такие сочетания устранялись путем приобретения начальным согласным слоговости и дальнейшего вычленения гласного, так что гласный и сонорный образовывали закрытый слог, а следующий согласный отходил ко второму слогу *льняной* → *ольняной*, *альняной*, *ильняной*; *ржаной* → *оржаной*, *аржаной*, *иржаной*. Отражение этого процесса можно найти в некоторых памятниках письменности: *алненных*, *олненных*, *ялненных*, *иржи* (Род. ед.), *аржы*, *Иржевской*, *Иртищев* («Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг.), *четверть солоду орженова* (Книга сбора кабацкой прибыли Ржевского кабака 1629–1630 гг.).

Изменение структуры слога

§ 66. Важнейшим следствием падения редуцированных для слоговой структуры древнерусского языка является регулярное образование закрытых слогов и прекращение, таким образом, действия так называемого «закона открытого слога». Исчезновение конечных редуцированных привело к появлению большого числа закрытых слогов (*бѣгъ* → *бѣг*, *домъ* → *дом*, *сынъ* → *сын*, *гостии* → *гостей* (Род. пад. мн. ч.) и т. д.). В результате нарушилась и тенденция к слоговому сингармонизму, предполагавшая, что в соста-

ве слога звуки должны быть одинакового тембра. Теперь в таком слове, как, например, *бѣгъ*, в одном слоге сосуществуют мягкий согласный, гласный переднего ряда и твердый согласный.

Поскольку в древнерусском языке образовались конечные закрытые слоги, стал возможным процесс, заключающийся в отпадении конечных безударных гласных фонетического слова, которым предшествовал одиночный согласный или группа [ст], причем такие гласные не составляли отдельного морфа. Таким образом, отпадение гласного не должно было приводить к исчезновению морфемы, в частности флексивной (впрочем, бывали и отдельные исключения). Итак, конечный гласный мог утрачиваться в составе флексии и в исходе некоторых неизменяемых слов⁸³. Следует отметить, что исчезновение конечных гласных в отдельных случаях носило факультативный характер и не осуществлялось одинаково во всех русских диалектах.

Конечные гласные утрачивались в следующих флексиях именного склонения:

1. В форме им. пад. ед. ч. существительных *мати* и *дочи* (из *дѣчи*) исчезал конечный [i], отчего возникли формы *мать* и *дочь*, присущие ныне современному русскому литературному языку и большей части русских говоров.

2. В форме тв. пад. ед. ч. **а*-склонения утрачивался конечный гласный [u]: *водою* → *водой* (фонетически – [-oju] → [-oj]). Впрочем, эта утрата факультативна – формы с окончанием *-ою* в языке употребительны до сих пор.

В местоименном и адъективном склонении процесс отпадения финальных гласных происходил в следующих случаях:

1. В форме дат. и мест. пад. ед. ч. женск. р. местоимений и прилагательных флексии теряли конечный [i]: *тои, доброи* → *той, доброй* (фонетически – [-oji] → [-oj]).

2. В форме род. пад. ед. ч. женск. р. адъективная флексия утрачивала конечный [ѣ]: *тоѣ, доброѣ* → *той, доброй* (фонетически – [-oje] → [-oj]). В некоторых говорах, однако, двусложное окончание в этой категории случаев сохраняется.

3. В форме тв. пад. ед. ч. женск. р. утрачивался гласный [u] (факультативно): *тою, доброю* → *той, доброй* (фонетически – [-oju] → [-oj]).

⁸³ Подробно о механизме отпадения конечных гласных см.: Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.

В глагольной системе произошли следующие процессы:

1. В окончании 2-го л. ед. ч. презенса отпадал конечный [i]: *пише-ши* → *пишешь*.

2. Несколько позже утратился безударный [i] в формообразующих суффиксах: а) инфинитива (*игра́ти* → *игра́ть*) и б) повелительного наклонения (*бу́ди* → *будь*). Этот процесс по-разному осуществлялся в разных диалектах (его результаты подробно описываются в курсе русского диалектологии).

3. Постфикс *-ся* в ряде диалектов, в том числе в тех, которые легли в основу русского литературного языка, в положении после гласного утерял конечный [а]: *купа́лася* → *купа́лась*, *учи́лися* → *учи́лись*.

Конечные гласные регулярно или факультативно отпадали и в неизменяемых словах и застывших словоформах. Далее приводятся некоторые примеры из литературного языка (в диалектах может быть по-другому):

Окончательное отпадение гласного	Факультативное отпадение гласного
<i>вото</i> → <i>вот</i>	<i>сильнѣе</i> → <i>сильнѣй</i> → <i>сильней</i>
<i>тамо</i> → <i>там</i>	(т. е. в суффиксе застывшей формы
<i>тако</i> → <i>так</i>	сравнительной степени: <i>-ѣе</i> → <i>-ѣ</i>)
<i>како</i> → <i>как</i>	<i>доколѣ</i> → <i>доколь</i>
<i>вѣдѣ</i> → <i>вѣдь</i> → <i>ведь</i>	<i>нѣту</i> → <i>нѣт</i> → <i>нет</i>
<i>сквозѣ</i> → <i>сквозь</i>	<i>бы</i> → <i>б</i> (частица)
<i>лише</i> → <i>лишь</i>	<i>ли</i> → <i>ль</i> (частица)
<i>аже</i> → <i>аж</i>	
<i>домови</i> → <i>домов'</i> → <i>домой</i>	
<i>долови</i> → <i>долов'</i> → <i>долой</i> ⁸⁴	

⁸⁴ В двух последних формах произошли следующие фонетические изменения: после утраты финальных гласных согласный [в'], который в одних говорах в конце слова стал билабиальным, а в других оглушился в [ф'] не сразу, сохраняя некоторое время следы своего сонорного происхождения, был заменен на [j] в результате тенденции к взаимной мене сонорных согласных, хорошо известной русским диалектам на разных этапах их существования. Например, в древности появилась огласовка *слободá* из *свободá*; в современных говорах можно услышать *жерба* (< верба), *рукоятка* (< рукоятка), *небель* (< мебель) и т. д.

Изменения в системе гласных фонем

§ 67. После падения редуцированных сократилось число гласных фонем, поскольку утратились фонемы <ѣ> и <ь>, ввиду того что бывшие слабые [ѣ] и [ь] перестали произноситься, а бывшие сильные [ѣ] и [ь] совпали с гласными [о] и [е]. В частной подсистеме гласных среднего подъема устранился признак количества – так как исчезло противопоставление по редуцированности – нередуцированности.

В некоторых древнерусских диалектах произошло одно изменение, связанное с функциональной нагруженностью фонем. Речь идет о появлении так называемого «нового **ѣ**», который впервые был обнаружен А. И. Соболевским⁸⁵. «Новый **ѣ**» возникал в галицко-волынском говоре на месте исконного [е] в новозакрытых слогах (то есть в тех слогах, за которыми до падения редуцированных следовал слабый [ѣ] или [ь]). Это явление отражается в югозападнорусских (галицко-волинских) памятниках письменности, начиная со второй половины XII в.: вместо буквы **ѣ** в новозакрытых слогах появляется **ѣ**. Ср.: *камѣнь, оучитѣль, идѣть, придѣть* (Добрилово ев. 1164 г.).

Возникновение фонемы <ѡ>

§ 68. После падения редуцированных почти во всех восточнославянских диалектах возникла новая гласная фонема – <ѡ> (о закрытое), дифференциальными признаками которой были непередний ряд и средне-верхний подъем.

Происхождение **ѡ** закрытого в говорах, которые в дальнейшем легли в основу русского языка, таково. Этот звук появлялся на месте исконного [о], стоявшего под автономным ударением (об автономном и автоматическом ударении см. выше, § 33). Во всех остальных позициях – то есть на месте прояснившегося редуцированного и на месте исконного [о], находившегося под автоматическим ударением, а также в безударных слогах, – произносилось [о] открытое. Например, такие слова, как *горѡхъ, колода, бѡбрь, столѡ* и другие, которые имели автономное ударение на гласном [о], после падения редуцированных и образования **ѡ** закрытого, стали

⁸⁵ См.: Соболевский А. И. Исследование о новом **ѣ** в великорусских говорах // ИОРАН. Т. XXVIII. 1923.

произноситься как [gorôx], [kolôda], [bôbr], [stôl]. В словах же типа *воронъ*, *громъ*, *поле*, где ударение на первом слоге было автоматическим, звучало [o] открытое: [voron], [grom], [pol'e].

Закрытое [ô] было впервые услышано в одном из северо-восточных русских говоров (в юго-западной части Тотемского уезда) О. Брокком, который попытался объяснить его появление закрытостью слога⁸⁶. Позднее А. А. Шахматов, сравнивший показания русских говоров с фактами словенского языка и чакавскими говорами сербохорватского языка, доказал, что [ô] возникало из исконного *o под акутовой интонацией⁸⁷ (то есть согласно использованной выше терминологии – под автономным ударением). К такому же выводу одновременно с А. А. Шахматовым пришел Л. Л. Васильев, который, впрочем, не только сравнивал русские говоры с другими славянскими языками, но и привлек для анализа показания двух рукописей XVI в., в которых обнаружил определенный способ обозначения [o] (см. ниже)⁸⁸.

Описанный принцип распределения открытого и закрытого звуков не был единственным на восточнославянской территории. В частности, в большей части говоров, ставших впоследствии базой для формирования украинского языка, ô закрытое появлялось совсем в других условиях – в слоге, который превратился в закрытый в результате утраты слабого редуцированного следующего слога⁸⁹. Здесь такие слова, как *конь*, *котъ*, *воль*, *кость*, *родня* и др., стали после падения слабых еров произноситься с [ô]: [kôn'] [kôt], [vôl], [kôst'], [rôdn'â]. В дальнейшем в большей части украинских говоров и в том числе в тех, которые легли в основу украинского литературного языка, это [ô] изменилось в [i]. Ср. совр. укр. *кінь*, *кіт*, *віл*, *кістка*, *рідня*.

Наличие ô закрытого разных типов изредка находило отражение в памятниках книжной письменности конца XIII–XVII веков, причем существовало несколько систем графического различения фонем <ô> и <o>. Например, <ô> передавалось через w, а <o> – че-

⁸⁶ См.: Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник ОРЯС. 1907. Т. 83.

⁸⁷ См.: Шахматов А. А. Дифтонги [yo] и [ie] в великорусских говорах // Вопросы языкознания. 1964. №№ 5–6.

⁸⁸ Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков // Сборник по русскому языку и словесности. Т. 1. Вып. 2. Л., 1929.

⁸⁹ Об этом и некоторых других принципах распределения [ô] и [o] см. подробнее в кн.: Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С.173–174.

рез о. Возможен был иной вариант: в соответствии с <о> писалась буква о со специальным значком сверху, называемым каморой (^): ô, а в соответствии с <о> – буква о, но без каморы. Именно этот способ обозначения [ô] был открыт Л. Л. Васильевым. Существовало и такое распределение: <ô> передавалось через о широкое, а <о> – через о узкое. Были и некоторые другие способы обозначения ô закрытого в противовес о открытому.

Изменения в системе консонантизма

Оформление категории твердости – мягкости

§ 69. Падение редуцированных гласных стало существенной вехой в истории консонантного строя русского языка, поскольку открыло возможность развития такого важного для системы дифференциального признака, как твердость – мягкость согласных.

До падения редуцированных палатальные (всегда мягкие) согласные могли выступать как в позиции перед гласными переднего ряда, так и в позиции перед гласными непереднего ряда. Ср. **поле** ([pol'e]), где палатальный [l'] находится перед гласным переднего ряда [e], и **воля** ([vol'a]), где он стоит перед гласным непереднего ряда [a]. Непалатальные же согласные фонемы, то есть губные, зубные и передненебные, также были возможны в позиции перед гласными и переднего, и непереднего ряда (задненебные в диалектах, переживших II палатализацию, выступали только перед гласными непереднего ряда). При этом, поскольку до падения редуцированных уже осуществился процесс так называемого вторичного смягчения согласных (см. выше, § 47), перед гласными переднего ряда губные, зубные и передненебные согласные **фонемы** реализовались палатализованными согласными звуками. В позиции же перед гласными непереднего ряда они выступали в виде твердых согласных. Следует подчеркнуть, что палатализованные и твердые согласные звуки были всего лишь позиционными разновидностями непалатальных фонем, так как между собой находились в отношении дополнительной дистрибуции.

После того как утратились слабые редуцированные, признак палатализованности – непалатализованности оказался освобожденным от позиционной обусловленности и, следовательно, стал самостоятельным, фонологически значимым, ведь теперь образова-

лись сильные позиции – позиция конца слова и позиция перед другим согласным, – где твердые согласные могли противопоставляться мягким, например: [goł] (кр. прил.) – [goł'] (сущ.) или [iskál] – [vás'ka] и т. д.

Одновременно с возникновением в древнерусском языке фонологического противопоставления палатализованных и непалатализованных фонем, из системы исчезли палатальные сонорные, заменившись соответствующими палатализованными звуками. Так, вместо палатального [n'] в форме оу **него** (ср. древние написания оу **ннего** и оу **н'его**, передающие палатальность сонорного) стал произноситься палатализованный звук. Это отражается в письменных памятниках: в рукописях второй половины XIII – XIV в. палатальные сонорные перестают обозначаться вообще либо обозначаются в единичных случаях. Таким образом, исчезновение палатальных сонорных как отдельных фонем относится, скорее всего, к концу XII – началу XIII в.

После падения редуцированных, когда согласный и гласный в слоге фонологически освободились друг от друга, а также после того, как исчезли палатальные сонорные, совпав с палатализованными, полноценно сильными по твердости – мягкости стали позиции перед гласными переднего ряда [a] и [u]. Скажем, в паре [dat'i] и [d'at'eł] <d> и <d'> противопоставляются перед [a], а в паре [łuk] и [kl'uc'] <ł> и <l'> противопоставляются перед [u]. Наличие этой сильной позиции позволило появиться формам типа **татѣ**, **голѹба** ([tat'a], [gołub'a]) в род. ед. и **татю**, **голѹбю** ([tat'u], [gołub'u]) в дат. ед. Иными словами, унификация типов склонения, когда существительные с исторической основой на *-ї получили окончания существительных с основами на *-ѡ, стала возможна после вторичного смягчения согласных, утраты редуцированных, фонологизации отношений между твердыми и мягкими согласными и после того как позиции перед [a] и [u] стали абсолютно сильными. Появление же новых морфологических форм, в свою очередь, укрепило корреляцию согласных по твердости – мягкости, так как увеличило количество мягких согласных, которые смогли выступать в позиции перед <u>⁹⁰.

⁹⁰ К позиции перед <a> это не относится, поскольку перед <a>, происходившей из <ä> (в свою очередь, <ä> восходит к носовому переднего ряда), и раньше могли стоять разнообразные согласные.

В итоге всех описанных изменений преобразовался тип организации системы консонантизма. До падения редуцированных согласные были сгруппированы в локальные ряды: палатальный ряд согласных противопоставлялся непалатальным рядам – губных, зубных, передненебных и задненебных согласных. Теперь же согласные выстроились в пары по твердости и мягкости, иначе говоря, по веляризованности (поскольку русские твердые согласные веляризованны) и палатализованности, – то есть возникли (по крайней мере в ростово-суздальских говорах) следующие пары: [p]–[p'], [b]–[b'], [v]–[v'], [m]–[m'], [t]–[t'], [d]–[d'], [s]–[s'], [z]–[z'], [n]–[n'], [ʎ]–[ʎ'], [r]–[r'].

Сразу следует оговориться, что по диалектам изначально были различия, касавшиеся степени развитости корреляции согласных по твердости – мягкости. Так, в псковских говорах, где в соответствии с мягкими [s'] и [z'] произносились шепелявые свистящие (см. об этом выше, § 42), не сформировались пары [s] – [s'] и [z] – [z'], поскольку шепелявые свистящие являются палатальными звуками и не могут образовывать пару по палатализованности – непалатализованности с твердыми согласными.

Как было сказано выше (см. § 58), в ряде древнерусских диалектов не удержалась мягкость конечных губных согласных (например, [sup'ь] → [sup'ь] → [sup'] → [sup]). Ср. написания из Ипатьевского списка летописи, созданного около 1425 г. в Пскове, *кровъ, любовъ, молъвъ та, сѣмъ, ѿтровъ*, где конечный ѣ бесспорно указывает на твердость губного согласного. Это фонетическое изменение привело к тому, что противопоставление твердых и мягких губных в позиции конца слова утрачивалось.

Во многих периферийных говорах, в частности псковских и смоленских, отвердевал звук [r'] (ср. совр. диалектные формы *двѣры, рабѣнок, крык, рыга, товѣрыш* и др.). Некоторые слова с отвердевшим [r] стали принадлежностью русского языка в целом, например, *крыло, крыльцо, крынка*. Отверждением конечного [r'], кстати, объясняется форма *Владимир* в качестве названия города. Этот топоним изначально представлял собою притяжательное прилагательное, при образовании которого суффикс -j- смягчил конечный согласный основы, то есть исконной была форма *Володимиръ* или в церковнославянской огласовке *Владимиръ* (ср. аналогичные образования – *Ярославль, Мстиславль*, где мягкость конечного l-epentheticum осталась неизменной).

Отверждение [r'] довольно свободно находит отражение в памятниках письменности. Так, в Синодальном списке I Новгородской летописи встречено написание **крьло**, в Летописи Авраамки XV в. — **разаньскою, браньскы, ноябра, тръзынѹ**, в западнорусской грамоте 1480 г. — *непрыятеля, пры боку*, в Палее 1494 г. (псковский памятник) — **драхла** (вин. пад. ед. ч. муж. р.), **ракоша** (аорист, 3-е л., мн. ч.), в Богдановском Златоусте XVI в. — **крьчаще, на скрът-жалѣ**^х, в Памятниках обороны Смоленска 1609–1611 гг. — *пришол, з Дарыєю, на Стрыжовой горе*. Естественно, что отверждение [r'] ослабляло корреляцию согласных по твердости — мягкости.

Среди периферийных русских говоров, тех, что сейчас распространены в зоне южнорусского и севернорусского наречий, по-видимому, были и такие, в которых произошел процесс отверждения мягких согласных перед гласными переднего ряда (по крайней мере, некоторыми) или в конце слова (см. об этом выше — в разделе о вторичном смягчении согласных, § 47). Очевидно, что в таких диалектах корреляция согласных по твердости — мягкости, по сути дела, как следует не формировалась.

Дальнейшая история корреляции по твердости — мягкости в тех древнерусских диалектах, где тенденции ее развития были сильны и ничем не ослаблялись, связана с увеличением числа позиций, в которых противопоставлялись твердые и мягкие согласные фонемы. Увеличение же числа сильных позиций произошло за счет изменений в системе вокализма — совпадения <i> и <y> в одной фонеме и процесса изменения [e] в [o] (см. об этом ниже, §§ 74, 76–78).

История губных спирантов

§ 70. В «исходной» древнерусской системе согласных присутствовал только один губной спирант — фонема <v>. В современных говорах, которые занимают центральную часть зоны исконного распространения русского языка и восходят к ростово-суздальскому диалекту, имеются четыре губных спиранта <v>, <v'>, <f> и <f'>.

В ростово-суздальских говорах была сильна тенденция к консонантизации языкового строя, поэтому после падения редуцированных губно-зубной [v], оказавшись перед глухим согласным или в абсолютном конце слова, стал позиционно реализоваться в другом шумном согласном — глухом губно-зубном спиранте [f] (возможно, в конце слова это произошло позже, чем в середине). Соот-

ветственно мягкое [v'] оглушалось в [f'], ведь ростово-суздальские говоры относились к числу тех диалектов, в которых тенденция к образованию корреляции согласных по твердости – мягкости развивалась последовательно и конечные губные согласные сохраняли свою мягкость.

На этом этапе вновь возникшие звуки [f] и [f'] еще не становятся отдельными фонемами, а являются лишь позиционными разновидностями фонем <v> и <v'>. Однако, поскольку появился навык артикуляции глухих губно-зубных фрикативных согласных, которого прежде не было, заимствования со звуком [f] оказываются нормальными для системы языка и в них уже не происходит замены [f] на [p], [xv] или [x], так что носители диалекта, усвоившего губно-зубную артикуляцию глухих фрикативных согласных, легко произносят такие, например, слова, как *кафтан*, *сарафан* или *фонарь*. В итоге в языковую систему входят фонемы <f>, <f'> и вступают с фонемами <v>, <v'> в корреляцию по глухости – звонкости, а между собой – в корреляцию по твердости – мягкости.

Корреляция согласных по твердости – мягкости последовательно развивалась лишь в говорах центра, так что подсистема, состоящая из четырех губных спирантов, характеризовала именно говоры центра. В периферийных же говорах (и на юго-западе, и на северо-востоке территории исконного распространения русского языка) звонкий губной спирант вел себя частично как сонорный согласный, то есть звучал как [v] губно-зубной только перед гласными (да и то не во всех диалектах, так как до сих пор существуют севернорусские говоры, где в этой позиции фиксируется произношение [w], например, [wodá]). В образовавшихся же после падения редуцированных позициях конца слова и перед согласным фонема <v> стала реализоваться в звуке [w] или [ɹ]. Ср. современное диалектное произношение [práwda] или [práɹda], [tráwka] или [tráɹka], [drow] или [drou] (род. пад. от сущ. *дрова* и т. д.). В юго-западных русских говорах в позиции абсолютного начала слова [ɹ] может доходить до гласного полного образования [u], например, [udová], [unúk]. Более подробно сведения о теперешнем состоянии губных спирантов в современных русских говорах излагаются в курсе русской диалектологии.

Реализация фонемы <v> в звуках [w], [ɹ] или даже [u] находит отражение в памятниках письменности начиная со второй половины XII в. Таким отражением является замена буквы в на оу (ѵ, Ѹ). Са-

мый ранний пример обнаружен в новгородской берестяной грамоте № 717 (вторая половина XII в.): оу *манаѣтыри* (мест. пад. ед. ч.); в Смоленской грамоте 1229 г. (список А) встречаются написания Ѹздоумалъ (из более раннего [vъzdumalъ]), оузати (из [vъz'ät'i]), оустоко (из [vъstokъ]), оу дълго (из [vъ-dыlgъ]), и т. д. (в двух последних написаниях представлен графический эффект замены ѣ на о). В текстах смоленского происхождения более позднего периода встречается не только замена в на Ѹ, например, *наустречи*, *узъл*, *уместе*, *удава*, *унук*, *Уласка* («Памятники обороны Смоленска» 1609–1611 гг.), но и обратная, видимо, гиперкорректная замена Ѹ на в: *а невѣнет он...жить*, *суд и вправу*, *у Невпакайка Ражнова* (Там же).

Появление в позиции начала слова гласного [u] на месте [v] приводило к тому, что предлог *в* перестал отличаться в произношении от предлога *у*, что влекло за собой мену предлогов *в* и *у*, и это также могло находить отражение в письменных источниках. Так, в упомянутых выше «Памятниках обороны Смоленска» встречено написание *у тех во всех 9 человекъ*, где вместо предлога *у* употреблен предлог *в* огласовке *во* перед сочетанием согласных.

Хорошо известна мена букв оу (Ѹ, Ѹ) и в также псковским рукописям разных веков. Например, в Духовной Акилины 1417–1421 гг. имеются написания *оу Городечкомъ кончи*, *оу полътора рубля*, *оу сести дворъ и в мелници*. В Псковской отдельной и отказной книге 1613–1658 гг. зафиксированы такие формы, как *увѣхъ*, *у промѣ*, *в Ёсачка*, *вгод(ь)е*. Мена букв оу (Ѹ, Ѹ) и в в начале фонетического слова приводит к появлению сочетаний оуѸ, оуѸво вместо оу или в. К примеру, в Палее 1494 г. находим: *оуѸво Ѡца*, *оуѸв осла*, *оуѸв Ѹсточнике*, *Ѹво всю землю*. Возможно, что здесь отражается предлог *ув*, известный и современным русским говорам западной диалектной зоны.

История шипящих согласных и [ц]

§ 71. В «исходной» системе древнерусского языка имелось пять шипящих согласных (š', [ž'], [š't'š'], [ž'd'ž'] и [č']), которые изначально были мягкими (палатальными), и свистящая аффриката [с'], также являвшаяся палатальным звуком. В данном случае речь не идет о говорах, в которых еще в древнейшую эпоху разви-

лось цоканье и которые, таким образом, знали не две аффрикаты [с'] и [č'], а только одну (см. об этом выше, § 43).

Дальнейшая история звуков [š'], [ž'], [č'] и [с'] состоит в их отвердении, которое, впрочем, не шло одновременно для всех этих согласных, да и не все они по диалектам русского языка отвердевали.

Время отверждения данных согласных определяется на основании показаний памятников письменности, так как это особенность, которая довольно легко находит отражение на письме. Показателем того, что непарный по твердости – мягкости согласный отвердел, служат буквы **ѣ** или **ѡ** в тех рукописях, которые хорошо графически различают **ѣ** и **ѡ**. Написания же **шоу**, **жоу**, **ша**, **жа**, **ца** не показательны и должны рассматриваться как факты истории орфографии. Встречаются такие написания уже в древнейшую эпоху и связаны с тем, что мягкость у шипящих и [с'] являлась качеством постоянным и необходимости еще раз обозначать ее на письме с помощью йотированной буквы не было.

Самые древние примеры отверждения [š'] и [ž'] обнаруживаются в текстах XIV в., например: **слышѣшь** (Гр. рижан в Витебск 1300 г.), **межѣ**, **кнѣжѣ** (Дог. гр. Дм. Донского с Олгердом 1372 г.), **Шѣшкина** (род. ед.), **слоужѣти** (Дух. гр. Дм. Донского 1389 г.), **жѣлами** (Лаврент. лет. 1377 г.). Поэтому принято считать, что [š'] и [ž'] отвердевали к XIV в. Однако несомненно, что отверждение не прошло одновременно во всех русских диалектах. Об этом можно судить по тому, что в современных русских говорах, правда, редких, сохраняются мягкие [š'] и [ž']. Есть даже небольшой, компактно расположенный ареал таких говоров – в Ивановской и Кировской областях, то есть в восточной диалектной зоне. С другой стороны, существуют данные письменных источников, которые позволяют с большой степенью надежности заключить, что в западной диалектной зоне, а именно в смоленских говорах, мягкие шипящие сохранялись вплоть до начала XVII в. Так, в текстах «Памятников обороны Смоленска» 1609–1611 гг. регулярно употребляются не являвшиеся нормативными для XVII в. сочетания **шѣ**, **шю**, **жѣ**, **жю**, например: **ушѣ**, **шѣпок** (род. мн.), **Жѣров**, **жѣлованѣ**, **дѣ шѣбы**, **шѣрина**, **Жѣкову**, **на...сторожѣ** и т. д. При этом в тот же период в соседних псковских говорах шипящие уже были твердыми. Ср. написания из Псковской отдельной книги 1618–1623 гг.: **допрашѣ**, **жѣ**, **жѣве**, **прожѣ**, **Дружѣ**.

§ 72. Иную историю имела аффриката <с>. В тех говорах, где к XIV в. шипящие <š> и <ž> отвердели, <с> сохраняет мягкость дольше – вплоть до второй половины XV в. Лишь в этот период в памятниках письменности начинает отражаться ее твердость. Ср. в грамоте Ивана Юрьевича Патрикеева (до 1499 г.) написание *большие улицы*. В текстах делового содержания XVI–XVII вв. буквенное сочетание *цы* становится уже орфографической нормой, что несомненно отражает языковую реальность. О том, что относительная хронология отвердения, с одной стороны, <š> и <ž>, а с другой стороны – <с> действительно была такова, свидетельствует тот факт, что перед <š> и <ž> как твердыми согласными происходило изменение [е] в [о], а перед <с> – нет (см. об этом ниже, § 78).

Есть, впрочем, русские диалекты, где аффриката <с> сохраняет мягкость до сих пор, но это диалекты цокающие (расположены они в восточной части современного северного наречия). Здесь [с'] произносится не только на месте этимологического *с, но и на месте этимологического *č. В украинском же языке, который аффрикаты различает, и поныне сохраняется мягкое [с'], ср. укр. *читець*, род. пад. *читця́* ('читатель'), *чебрець*, род. пад. *чебрецю́* ('трава чабрец'), *чотирна́дцять* ('четыренадцать'), где произносится твердое [č] и мягкое [с'].

Что касается аффрикаты <č>, то она отвердевала не только в украинском языке, но и в белорусском. В большинстве же диалектов русского языка эта аффриката сохранила свою мягкость. Однако на достаточно обширной западной территории распространения русского языка развилась инновация – шипящая аффриката стала твердой. Отражение ее отвердения можно найти в письменных памятниках белорусского и западнорусского происхождения, например: *чыинити* (Западнорусск. летоп. познанского сб. XVI в.), *бечты* 'бежать' (Гродненская актовая кн. XVI в.), *нищчтые*, *звѣзтваючыхъ*^б (Еванг. Тяпинского 1580 г.), *по ўрочыцца*^а, *порѣчъ*^г (Смоленск. отказн. кн. 1676–1685 гг.).

§ 73. И, наконец, остается рассмотреть историю сочетаний [š't's'] и [ž'd'ž']. Они подвергались преобразованиям, связанным с утратой того или иного элемента и с отвердением. Впрочем, есть русские говоры, где эти сочетания сохранились в неизменном виде. Имеются и такие диалекты, где они просто отвердели ([š't's'] → [štš], [ž'd'ž'] → [ždž]).

В большей части русских говоров утрачивался срединный взрывной элемент: $[\acute{s}'\acute{t}'\acute{s}'] \rightarrow [\acute{s}'\acute{s}']$, $[\acute{z}'\acute{d}'\acute{z}'] \rightarrow [\acute{z}'\acute{z}']$, после чего могло происходить отверждение ($[\acute{s}'\acute{s}'] \rightarrow [\acute{s}\acute{s}]$, $[\acute{z}'\acute{z}'] \rightarrow [\acute{z}\acute{z}]$). Так появлялись мягкие (или в дальнейшем твердые) долгие шипящие.

В других диалектах утрате подвергался конечный фрикативный элемент, после чего также могло происходить отверждение: $[\acute{s}'\acute{t}'\acute{s}'] \rightarrow [\acute{s}'\acute{t}'] \rightarrow [\acute{s}\acute{t}']$; $[\acute{z}'\acute{d}'\acute{z}'] \rightarrow [\acute{z}'\acute{d}'] \rightarrow [\acute{z}\acute{d}]$.

Следует заметить, что в современном русском диалектном языке имеются все возможные варианты произношения, в том числе и самые архаичные. Обычно глухой и звонкий сложные шипящие, подвергаясь преобразованиям, идут в этих преобразованиях параллельно – в одном направлении, и при этом звонкий согласный часто опережает в своем развитии глухой⁹¹. Ср. ситуацию в современном русском литературном языке, где нормативно произносится $[\acute{s}'\acute{s}']$, но ни в коем случае не $[\acute{s}\acute{s}]$, и при этом в норме возможно $[\acute{z}\acute{z}]$, хотя не менее нормативным остается произношение $[\acute{z}'\acute{z}']$.

Практически все варианты сложных (или долгих) шипящих изредка находят отражение в памятниках письменности. Ср. написания из юго-западнорусских памятников **ловишча** (Правая гр. Витовта по спору между бискупом виленским и Викгайлом о ловищах 1398 г.), **въѣжджалъ** (Статут 1529 г.). Здесь отражается исходный вариант долгого звука (о твердости или мягкости орфография судить не позволяет).

Написания *вмешати*, *волощяне* (производное от сущ. «волость»), *волосцан* (род. пад. мн. ч.), встреченные в «Памятниках обороны Смоленска» 1609–1611 гг., то есть в текстах, отражающих мягкость нормально кратких шипящих (см. об этом выше), свидетельствуют о мягком произношении $[\acute{s}'\acute{s}']$. Зафиксированные там же орфограммы *приѣжяют*, *не заяжся*, *зажжет* говорят о мягком произножении $[\acute{z}'\acute{z}']$.

Твердое произношение $[\acute{s}\acute{s}]$ и $[\acute{z}\acute{z}]$ может отражаться такими написаниями, как *Возищына* (фамилия Возищин в род. пад.), *на Плещищева*, *в порожы^x земля^x*, *ис порозжы^x земеⁿ*, отмеченными в новгородских челобитных грамотах 1596 г.

Спорадически на письме отражается произношение $[\acute{s}'\acute{t}']$. Ср. во *щи пустоша^x*, то есть 'во шти' – нормальная форма местного

⁹¹ См.: Аванесов Р. И. О долгих шипящих в русском языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. Вып. 6. С. 26.

падежа от числительного *шесть* (Тверск. отказн. кн. 1627–1643 гг.), ко *щидеся^m четвертяⁿ* (Новоторжск. отказн. кн. 1611–1628 гг.). Эти орфограммы на фоне стандартных написаний типа *во штидеса^m в пяти четвертиа^x* (Тверск. отказн. кн. 1627–1643 гг.) свидетельствуют о том, что с буквой *щ* ассоциировалось произношение [šʲtʲ]. В той же Тверской отказной книге отражается произношение звонкого коррелята этого сочетания – мягкого [žʲdʲ] (на *порождюю* землю, *пустошь порождиа*) или, быть может, [žd] твердого (*пусто^m поржда*).

История гласных [i] и [y]

§ 74. Гласные звуки [i] и [y] с фонетической точки зрения на всем протяжении истории русского языка изменений не претерпели, и такие формы, как, например, *были* и *били* уже в течение многих столетий произносятся одинаково – [bylʲi] и [bʲiʲlʲi]. Иными словами, если иметь в виду «историю звуков», то окажется, что истории как таковой здесь нет. Однако произошли существенные для фонологической системы внутренние сдвиги – **осуществилось функциональное объединение двух первоначально противопоставленных друг другу фонем**. Результаты этого изменения оказались чрезвычайно важными для системы консонантизма, так как в итоге появилась еще одна сильная позиция по твердости – мягкости для согласных и тем самым укрепились корреляция по палатализованности – непалатализованности, что приводило к дальнейшей консонантизации языкового строя русского языка.

Вопрос о совпадении [i] и [y] в одной фонеме был детально разработан Р. И. Аванесовым в статье, специально посвященной данной проблеме⁹². Дальнейшее изложение этой темы базируется на работе Р. И. Аванесова.

Процесс, который привел к фонологическому слиянию двух фонем, прежде противопоставленных, проходил в несколько этапов.

I этап. В праславянском языке <i> и <y> были самостоятельными фонемами, но уже в ту эпоху возникли предпосылки, которым лишь в будущем суждено сыграть роль в функциональном объединении этих двух единиц. Дело в том, что в праславянском

⁹² Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки [i] и [y] // Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

языке в какой-то момент его истории многие гласные оказались невозможными в позиции начала слова, так что перед ними развились протетические звуки, сонанты.

Перед **ǫ*, из которого происходит славянское [y], развился сонант [ǫ], позднее изменившийся в [w] и далее – в большей части восточнославянских диалектов в [v]. Отсюда, например, слово *выдра*, восходящее к праславянской огласовке **ǫdrā*. Таким образом, уже с древнейшей поры в славянских диалектах гласный [y] в начале слова не употреблялся, и это до сих пор остается в силе применительно к русскому языку.

Перед гласными **i* и **ī*, к которым восходят соответственно [ь] и [i], развился сонант [i], в дальнейшем превратившийся в [j]. Однако случилось так, что начальное сочетание [jь] впоследствии видоизменилось в [i] (**ǰgrā* → *ǰgra* → *jьgra* → *igra* – совр. русск. *игра*), а сочетание [ji] начальный [j] утратило (**ǰvā* → *ǰiva* → *jiva* → *iva* – совр. *ива*). Поэтому звук [i], в отличие от звука [y], в конечном итоге оказался в начале слова возможным, и такая ситуация сохраняется вплоть до наших дней.

Итак, в позднепраславянском языке <i> и <y> противопоставлялись во всех позициях, кроме позиции начала слова. Противопоставление это шло по признаку ряда – переднего и непереднего, ведь минимальные пары **pilь* и **pylь*, **biti* и **byti* различались именно гласными фонемами переднего (<i>) и непереднего (<y>) ряда, тогда как согласные перед ними были фонематически идентичными – твердыми. Иными словами, на фонологическом уровне противопоставление было таким: <pilь> – <pylь>, <biti> – <byti>. И это положение вещей сохранялось до вторичного смягчения согласных.

II этап. После вторичного смягчения согласных, но до падения редуцированных наступил промежуточный период в развитии фонологической системы, когда твердость или мягкость согласного и ряд (передний или непередний) находящегося после него в слоге гласного оказались взаимообусловленными. Этот период Р. И. Аванесов назвал «эпохой силлабем». Он писал: «...в слогах типа [ty] – [t'i], [ry] – [r'i] и т. д. нельзя признать [y] и [i] разными фонемами, так как нельзя изолировать их от твердости или мягкости предшествующей согласной, когда к тому же в начале слова произносится только [i]. Но и наоборот: нельзя еще признать разными фонемами твердые или мягкие согласные, так как их нельзя

изолировать от качества последующей гласной»⁹³. Таким образом, уже для этой эпохи встает вопрос о функциональном объединении <у> и <і>, да и не только <у> и <і>, но в еще большей степени <о> – <е> и <ѣ> – <ѡ>, которые были тождественны в морфологическом отношении. Что касается последних двух пар, то есть <о> – <е> и <ѣ> – <ѡ>, то их морфологическое тождество заключалось в функциональной эквивалентности в формальных элементах слова. Ведь издавна существовали морфологические соответствия между твердым и мягким вариантами склонений: ѡ – ѡ (столаѡ – конѡ, столаѡмъ – конѡмъ), о – е (село – поле, столомъ – конѡмъ, водою – землею, водо – земле). В ряде форм была представлена и корреспонденция у – і: в тв. пад. мн. ч. (столѣы – конѣы) и в склонении прилагательных (добрыѣхъ – синнихъ, добрымъ – синимъ, добрыми – синими, добрыма – синима). Однако корреспондентом [у] мог быть в положении после мягкого согласного не только [і], но и [ѣ] (ср. соотношение у – ѣ в формах столѣы – конѣы, воды – землѣы). Корреспондентом же для [і] мягких основ служил в твердых основах [ѣ] (ср. соотношение ѣ – і: столѣы – конѣы). Поэтому соотношение у – і (в отличие от соотношений о – е и ѡ – ѡ) должно трактоваться как не обязательное в грамматической системе, в связи с чем в морфологическом плане [у] и [і] не являлись вполне эквивалентными единицами.

«Из всего вышесказанного, – пишет Р. И. Аванесов, – вытекает, что для признания твердости и мягкости согласных фонемообразующей категорией и вместе с тем (это другая сторона того же вопроса) для признания [і] и [у] разновидностями одной фонемы необходимы следующие условия: а) возможность взаимного изолирования твердости – мягкости и [у] – [і]; б) наличие полной морфологической эквивалентности [у] и [і] во флексиях; в) наличие и других фонетических чередований между [і] и [у] в одной и той же морфеме»⁹⁴.

III этап в истории функционального объединения [у] и [і] связан с реализацией трех перечисленных условий.

Первое условие было осуществлено в результате падения редуцированных, когда твердость и мягкость согласных превратились в самостоятельные, позиционно не обусловленные качества.

⁹³ См.: Там же. С. 248.

⁹⁴ См.: Там же. С. 248.

Сравним две формы: [l'ika] и [ɣuka]. При наличии противопоставления согласных [ɫ] и [ɣ] в конце слова (ср. [stoɫ] и [stoɫ']), можно считать, что в форме [l'ika] первые два звука реализуют самостоятельные фонемы – <ɫ'> и <ɪ>, ведь [ɪ] встречается в независимой позиции начала слова. Звук же [y] оказался позиционно обусловленным – он может стоять только после твердой согласной фонемы.

Однако для полноценного слияния [ɪ] и [y] в одной фонеме должно было быть соблюдено второе условие – полное отождествление [ɪ] и [y] во флексиях. И это произошло в результате морфологического выравнивания парадигм твердого и мягкого вариантов склонения. Процессы выравнивания проходили по диалектам по-разному, но с точки зрения вопроса о совпадении [ɪ] и [y] в одну фонему приводили к одинаковому результату – к превращению факультативной морфологической корреспонденции [y] – [ɪ] в единственно для данных звуков возможную. Это осуществилось за счет устранения двух других корреспонденций, в которые прежде входили [ɪ] и [y], то есть корреспонденций y – ě и ě – i.

В итоге применительно к говорам центра, на основе которых складывался литературный язык, соотношение между твердым и мягким вариантами склонения изменилось следующим образом:

Падежи	Звуковые соответствия до морфологической перестройки	Звуковые соответствия после морфологической перестройки
Род. ед., им.-вин. мн. *ā-скл.	y – ě: [ženy] – [zeml'ě]	y – i: [ženy] – [zeml'i]
Вин. мн. *ǫ-скл.	y – ě: [stoly] – [kon'ě]	y – i: [stoly] – [kon'i]
Мест. ед. *ǫ-скл.	ě – i: [stoɫ'ě] – [kon'i]	ě всюду: [stoɫ'ě] – [kon'ě]
Дат.-мест. ед. *ā-скл.	ě – i: [žen'ě] – [zeml'i]	ě всюду: [žen'ě] – [zeml'ě]

И, наконец, слияние [ɪ] и [y] в одной фонеме было завершено, когда реализовалось третье условие их полного функционального объединения – появление фонетических чередований [ɪ] и [y] в одних и тех же морфемах, помимо флексивных. Это произошло, когда сложилась ситуация, при которой в соответствии с <ɪ> в начале корня (в том числе, когда он начинается словом) после твердых согласных (предлогов, приставок, самостоятельных слов) в русском

языке утвердился звук [y]: [iskat'i] – [rozyskat'i], [izba] – [ot-yzby], [id'et'] – [brat-ydet'].

Таким образом, [i] и [y] окончательно становятся фонетическими разновидностями одной фонемы, ведь их позиционное распределение строго обусловлено положением после твердых или мягких согласных. При этом основным видом фонемы следует считать звук [i], поскольку именно он выступает в независимой позиции начала слова.

Изменение сочетаний [ky], [gy], [xy]

§ 75. До падения редуцированных в древнерусском языке существовали сочетания [ky], [gy], [xy], но не было сочетаний [k'i], [g'i], [x'i], поскольку еще в праславянский период задненебные согласные, попадая в позицию перед гласными переднего ряда, подвергались переходному смягчению – первой и второй палатализации. Речь идет, конечно, о тех диалектах, которые пережили второе переходное смягчение задненебных и легли в основу стандартного древнерусского языка. В новгородско-псковских же говорах, где, как было показано выше, оно не осуществилось (см. § 37), сочетания [k'i], [g'i], [x'i] присутствовали издревле.

После падения редуцированных, когда оформилось противопоставление согласных по признаку палатализованности – непалатализованности, стал проходить процесс изменения сочетаний [ky], [gy], [xy] в [k'i], [g'i], [x'i]. Этот переход касается одновременно системы консонантизма и системы вокализма, так как связан с процессом совпадения [i] и [y] в одной фонеме.

Данные современного русского языка и его говоров позволяют определить относительную хронологию изменения [ky], [gy], [xy] в [k'i], [g'i], [x'i]. Оно произошло после того, как [ŷ] ([y] редуцированное) в положении перед [j] изменилось в большей части великорусских говоров в [o], ведь в этих говорах (и в том числе в литературном языке) имеются формы им. пад. ед.ч. муж. р. слов адъективного склонения типа *сухой, такой, другой*, а если бы фонетические изменения протекали не в указанной последовательности, были бы формы *сухѣй, такѣй, другѣй*.

В исторической русистике существуют различные точки зрения на причины перехода [ky], [gy], [xy] в [k'i], [g'i], [x'i]. Одно из объяснений этого перехода таково: в «исходной» консонантной

системе задненебные согласные произносились с огублением, то есть были лабиовелярными, и фонетический процесс изменения [ky], [gy], [xu] в [k'i], [g'i], [x'i] связан с утратой ими огубления. В результате переместилось и место образования последующего гласного в более переднюю зону образования, что, однако, никак не сказывалось на фонемном составе словоформ, поскольку звуки [y] и [i] уже являлись представителями одной фонемы <i>, и осуществилась лишь замена одного варианта фонемы на другой в связи с видоизменением позиции.

Однако, если допустить, что задненебные согласные были изначально огубленными, можно предполагать, что и другие твердые согласные также обладали в «исходной» фонетической системе этим признаком и в дальнейшем утрачивали его одновременно с задненебными. Почему же в таком случае не произошло изменения сочетаний [ty], [dy], [py] и подобных в сочетания [t'i], [d'i], [p'i] и подобные? Объяснение здесь состоит в том, что в подсистемах губных и передненебных согласных уже сложилось фонетическое противопоставление твердых и мягких фонем перед <i> ([bʏl] – [b'iɫ] и т. д.). Если бы при потере лабиального характера произношения осуществилось продвижение гласного вперед – в зону [i], это неминуемо привело бы к замене твердой фонемы на мягкую, следствием чего явилась бы утрата смыслоразличения, ведь слоги типа [t'i], [d'i], [p'i] уже существовали и раньше. В подсистеме же задненебных согласных ситуация была иной. Они первоначально могли сочетаться только со звуком [y], но не [i], так как мягких задненебных фонем не было. Поэтому для изменения [ky], [gy], [xu] в [k'i], [g'i], [x'i] никаких препятствий в системе языка не имелось, поскольку фонематический статус данных сочетаний не нарушался⁹⁵.

Известно, что в древненовгородском диалекте переход [ky], [gy], [xu] в [k'i], [g'i], [x'i] по сравнению с говорами южных и западных областей задерживался. На юге процесс этого перехода стал актуальным не позднее начала XII в. Ср. написания: **велики**, **книхъ** из Юрьевского Ев. ок. 1120 г., **небесъкимъ**, **члѣскии** из Галицкого Ев. 1144 г., **въскисе**, **никии**, **секира** из Добрилова Ев. 1164 г. Что же касается древненовгородского диалекта, отраженного в берестяных грамотах, то надежные примеры, свидетельст-

⁹⁵ См.: Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма: Звуки [i] и [y] // Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 256–257.

вующие о переходе [ky], [gy], [ху] в [k'i], [g'i], [x'i], относятся к XIV в., например: *лоньски* Гр. № 196, *погигло* Гр. № 416, 445, *погигли* Гр. № 360, *кисело* Гр. № 403, *киселеве* Гр. № 570 и др.

Несомненно, что столь значительная задержка осуществления этого процесса связана с тем, что в древненовгородском диалекте не прошло второе переходное смягчение заднеязычных согласных. Поэтому сочетания [k'i], [g'i], [x'i] были обычными для древненовгородского диалекта, и пустой клетки в системе, которую могли бы занять сочетания [ky], [gy], [ху] при своем преобразовании (как это произошло в других диалектах), попросту не было. Осуществившийся тем не менее позднее переход [ky], [gy], [ху] в [k'i], [g'i], [x'i] в новгородском диалекте следует объяснять, скорее всего, влиянием соседних говоров.

История гласных [e] и [o]

§ 76. Гласные [e] [o] (так же, как и гласные [i] и [y]) на протяжении многих столетий не изменили своего звучания, однако в разные эпохи их фонематический статус был различным. Подробно историю взаимоотношений гласных [e] и [o] в фонетическом и фонологическом аспектах описала К. В. Горшкова⁹⁶. Далее материал излагается в основном в соответствии с тем, как он представлен в ее работах.

В истории фонем <e> и <o> можно выделить три этапа.

I этап. В период до вторичного смягчения согласных и падения редуцированных в вокалической системе существовали две фонемы <e> и <o>, противопоставленные по зоне образования, то есть они входили в общий класс гласных фонем, дифференциальным признаком которых был передний–непередний ряд. При этом реализовывались фонемы <e> и <o> следующим образом: фонема <e> была представлена звуками нелабиализованными, а фонема <o> – лабиализованными. То есть лабиализованность – нелабиализованность была лишь интегральным признаком, сопутствующим дифференциальному признаку ряда (см. об этом выше, § 25).

⁹⁶ См., например: *Горшкова К. В.* Из истории русского вокализма: Звуки [e] и [o] // *Русское и славянское языкознание: К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова*. М., 1972. С. 75–82; *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997. С. 91–96.

II этап связан с процессом вторичного смягчения согласных и падения редуцированных. Теперь после мягких согласных, которые стали фонологически самостоятельными, произносится лишь звук [e], а после твердых – [o]. При этом в наиболее независимой позиции начала слова был возможен только гласный [o], так как еще в праславянскую эпоху начальный *e прикрывался йотом. Это значит, что звуки [e] и [o] оказались в одной парадигме и их распределение стало позиционным. Ср. позиции *начала слова* (условное обозначение – #), *после твердого согласного* (условное обозначение любого твердого согласного – t) и *после мягкого согласного* (условное обозначение – t’):

#o ([ostrov], [os’en’] и т. д.)

to ([dom], [d’ělo] и т. д.)

t’e ([d’er’evo], [p’es], [pol’e] и т. д.).

Таким образом, очевидно, что [e] и [o] оказались реализацией одной фонемы, а именно <o>, поскольку звук [o] выступает в начале слова, где [e] невозможен.

III этап связан с процессом фонетического изменения [e] в [o] в позиции после мягкого согласного перед твердым (то есть с появлением в диалектах древнерусского языка слогов типа t’ot (например, [ber’oza]) и с последовавшим за этим аналогическим распространением слогов типа t’o (например, [ž’il’jo]) и t’ot’ (например, [na-b’er’oz’e]) по морфологическим причинам. В результате вновь появляются две самостоятельные фонемы <e> и <o>, но теперь они противопоставляются уже по признаку лабиализованности – нелабиализованности, тогда как зона образования, то есть передний или передний ряд, превращается в интегральный признак.

Далее рассмотрим все процессы, протекавшие на третьем этапе истории взаимоотношения фонем <e> и <o>, подробно.

Фонетический процесс перехода [e] в [o] был обусловлен формированием корреляции согласных по твердости – мягкости. Необходимо, впрочем, напомнить, что эта корреляция не во всех говорах древнерусского языка развивалась одинаково хорошо. Наиболее последовательным ее развитие было в говорах центра – генетически ростово-суздальских, ставших впоследствии базой для формирования литературного языка. Тут корреляция по палатализованности – непалатализованности была настолько продуктивна, что свою мягкость сохраняли даже конечные губные согласные. Важно заметить, что гласный [e] после мягких согласных произно-

сился тембрально неоднородно, с [i]-образным призвуком. Во всяком случае, сейчас в говорах, восходящих к ростово-суздальскому диалекту (в том числе и в литературном произношении), [e] звучит как дифтонгоид: [at'ⁱéc], [t'ⁱes't'].

В некоторых же периферийных говорах корреляция согласных по твердости – мягкости столь последовательно не развивалась, отвердевали конечные губные, да и вторично смягченные согласные вместе с бывшими палатальными перед гласным [e] могли отвердевать (так получилось, в частности, в говорах, легших в основу украинского языка, см. выше, § 47). Возможно, что в этих диалектах [e] произносился тембрально однородно.

Условия для фонетического изменения [e] в [o] имелись только в говорах первого типа, с развитой корреляцией согласных по твердости – мягкости. Причины изменения [e] в [o] доподлинно историкам языка неизвестны, но существует предположение (которое восходит к некоторым высказываниям А. А. Шахматова), что первоначальным толчком к этому изменению могла послужить утрата твердыми согласными огубленности. После падения редуцированных образовались закрытые слоги, которые, в частности, могли иметь структуру типа *t'et* (например, [p'ьсъ] → [p'es], совр. *нѣс*). В этих новозакрытых слогах твердые согласные передавали лабиальность предшествующему гласному: [p'es^o] → [p'e^os] → [p'os]; [pl'e^o] → [pl'e^oɪ] → [pl'oɪ]. Впрочем, этот процесс шел не только в новозакрытых слогах, но и в открытых: [b'e-r'ó-za]. Такая лабиализация гласного происходила легко, если он следовал за сильно смягченным согласным и был тембрально неоднородным ([t'ⁱet] → [t'ⁱot]).

В периферийных же говорах, тех, где перед [e] (возможно, тембрально однородным) могли стоять согласные неполного смягчения, столь благоприятных условий для фонетического изменения [e] в [o] не было и оно последовательно не осуществлялось (см. ниже § 78).

Вернемся, однако, к тем говорам, где фонетический переход [e] в [o] проходил регулярно. Результатом его стало появление новой сильной позиции по твердости – мягкости, а именно перед фонемой <o>. Ведь теперь в минимальных парах, таких, как [nos] – [n'os], фонемы <n> и <n'> противопоставлены перед одной и той же гласной.

Следует подчеркнуть, что фонетический переход [e] в [o] не изменил фонологического статуса звуков [e] и [o], которые по-прежнему продолжали оставаться позиционными разновидностями фонемы <o>, к ним лишь прибавился еще один аллофон – звук [o]. В самом деле, на этом этапе нет ни одной позиции, где звуки [e] и [o] противопоставлялись бы, то есть они представлены во взаимоисключающих положениях:

В начале слова и после твердых согласных			После мягких согласных		
Позиция	[o]	[e]	Позиция	[o]	[e]
#...t(t')	+	–	t'...t	+	–
	([o _{strov}], [o _s 'en'])			([n'o _s])	
t...t(t')	+	–	t'...t'	–	+
	([d _{om}], [d _{om} 'ik])				([pl'et'])
t...	+	–	t'...	–	+
	([d'ělo])				([kop'je])

Гласные [e] и [o] станут представителями разных фонем только тогда, когда будут возможны хотя бы в некоторых идентичных позициях, а полноценное фонологическое противопоставление сложится, когда во **всех** указанных в вышеприведенной таблице позициях будут возможны оба звука.

Первый шаг к фонологизации отношений между [e] и [o] связан с тем, что в результате выравнивания парадигм возникли слогги типа *t'ot'* и *t'o*.

Слоги типа *t'ot'* появились потому, что стали унифицироваться основы в пределах парадигмы склонения одного и того же слова, или потому, что существенным оказалось воздействие огласовки однокоренных лексем. Например, в парадигме существительного *береза* закономерно возникли формы с [o] перед твердым согласным: [b'er'oza], [b'er'ozy], [b'er'ozu], [b'er'ozoju], [b'er'oz], [b'er'ozam], [b'er'ozami], [b'er'ozax], и под влиянием этих форм аналогическим путем появлялась «незаконная» с точки зрения фонетического процесса форма [b'er'oz'e], где [o] попал в позицию перед мягким согласным. Другой пример: под воздействием слова

тѣтка [t'otka], в котором наличие [o] обусловлено последующим твердым согласным, возникла аналогичная огласовка в однокоренном слове *тѣтя* [t'ot'a], где второй согласный мягкий.

Слоги типа *t'o* появлялись в таких формах, как [ruz'jo], [ž'il'jo], [pol'o], [gor'o], под влиянием флексии [o], которая была в том же именительном (винительном) падеже у существительных твердого варианта склонения, например, [d'ělo].

В итоге образовались две позиции, где могли встречаться оба звука – [o] и [e] (эти позиции подчеркнуты в нижеследующей таблице двойной чертой):

В начале слова и после твердых согласных			После мягких согласных		
Позиция	[o]	[e]	Позиция	[o]	[e]
#...t(t')	+	–	t'...t	+	–
	([ostrov], [os'en'])			([n'os])	
t...t(t')	+	–	<u>t'...t'</u>	+	+
	([dom], [dom'ik])			([n'es'ot'e])	([pl'et'])
t...	+	–	<u>t'...</u>	+	+
	([d'ělo])			([kop'jo])	([s'eb'e] – P.-B.)

Значит, мы можем считать, что отношения между [o] и [e] фологизировались и в системе появилась оппозиция фонем <o> и <e>, противопоставленных теперь уже по признаку лабиализованности – нелабиализованности. Ряд же стал позиционно обусловленным признаком.

§ 77. Фонетический процесс изменения [e] в [o] находит отражение в письменных памятниках, начиная со второй половины XII в. Отражение этого процесса встречается преимущественно в положении после букв шипящих и *ц*. Ср., в частности: *скажомъ*, *моужомъ*, *блажомъ*, *хъгырьцомъ*, *държацомъ* (Слово Ипполита Римского об антихристе кон. XII в.), *нмоуцмоу* (Христинопольский Апостол сер. XII в.), *свърьшонъ*, *движомъ*, *шьдъшомъ*, *врачомъ* (Житие Елифания Кипрского XII в.), *оумършомоу* (Жи-

тие Нифонта 1219 г.), **ацѡ, триженцѡмъ** (Рязанск. Кормчая 1284 г.), **цѡго** (Новг. бер. гр. № 68, 60-е – 70-е гг. XIII в.), **чѡловитѣѣ, чѡловекъ** (Новг. бер. гр. № 167, 80-е – 90-е гг. XIV в.), **жѡлтого, шѡлкоу** (Новг. бер. гр. № 288, 10-е – 30-е гг. XIV в.), **жѡнкѹ** (Новг. бер. гр. № 402, XV в.).

Гораздо реже изменение [е] в [о] находит отражение после букв, обозначающих парные по твердости-мягкости согласные, например: **ѹрокъ** ‘заявил’ (Новг. бер. гр. № 724, 1161–67 гг.), **серѡбро** (Новг. бер. гр. № 420, 30-е – 60-е гг. XIII в.), **ѡ Пѡтра** (Новг. бер. гр. № 53, 10-е – 30-е гг. XIV в.), **зелѡного** (Новг. бер. гр. № 288, 10-е – 30-е гг. XIV в.), **ѡ ного** (Новг. бер. гр. № 370, 70-е – 80-е гг. XIV в.), **рѹбѡво** (Новг. бер. гр. № 256, 70-е – 80-е гг. XIV в.), **цѣтѡртѣѣ** (Новг. бер. гр. № 169, кон. XIV в. – 1400-е гг.), **парѡмъ** (Новг. Пролог 1356 г.), **на сѡмъ помѡрьѣ** (Новг. грам. 1392 г.) и др.

Примеров отражения перехода [е] в [о] после букв шипящих и **ѣ** встречается значительно больше, нежели после букв согласных, парных по твердости – мягкости, так как буквы шипящих и **ѣ** содержали в себе всю информацию о согласном звуке, а буквы парных по твердости – мягкости согласных не несли никакой информации о твердости или мягкости согласного, и эту информацию брала на себя последующая буква гласного. Поэтому в написаниях типа **ѡ ного** переход [е] в [о] отражался в ущерб передаче фонологической мягкости согласного. В XVIII веке звук [’о] изображали разными сочетаниями букв, например **ѡѡ, ѡѡ**. Решил же эту графическую проблему Н. М. Карамзин, который ввел в русский алфавит букву **ѣ**.

§ 78. Изменение [е] в [о] осуществлялось независимо от ударения – как в ударных, так и в безударных слогах. В тех русских говорах, которые сохранили оканье, то есть различие гласных верхнего подъема в безударной позиции, результаты перехода [е] в [о] до сих пор представлены и без ударения (ср. севернорусск. диалектн. [n’osu], [pól’o]). В акающих же говорах результаты изменения [е] в [о] остались только в ударных слогах.

Интенсивность изменения [е] в [о], как отмечалось выше, не была одинаковой по всем восточнославянским диалектам. Наиболее последовательно этот процесс прошел в говорах великорусского центра, где в настоящее время представлены результаты изменения [е] в [о] после всех согласных – и исконно смягченных, и вторично смягченных. В периферийных же говорах наблюдается

во многих случаях отсутствие результатов перехода [е] в [о], что могло быть связано с недостаточной степенью развитости корреляции согласных по твердости — мягкости. Среди современных русских диалектов имеются такие, в которых процесс фонетического перехода [е] в [о] практически не осуществился. Р. И. Аванесов описал, в частности, говоры рязанской Мещеры, где ударный гласный [е] сохранился без изменения в позиции после мягкого согласного перед твердым в корнях слов (например, *св'экла, кл'эн, б'ер'эза, ав'эс, пр'ин'эс*) и в формальных элементах — суффиксах и окончаниях (например, *ут'энак, з'ел'энај, атвар'эна, сал'энај, нес'эм*). Однако в тех формальных элементах, которые употребляются не только после мягких согласных, но и после твердых, в этих говорах произносится [о], возникшее, судя по всему, нефонетически, по образцу соответствующих твердых основ (ср. *аун'ом*, как *с'елом*, *кул'ок*, как *дубок* и т. д.)⁹⁷.

А. А. Шахматов предполагал, что процесс изменения [е] в [о] протекал в два этапа: 1) в «общеславянскую» эпоху после исконно смягченных согласных, в том числе йота; 2) в «общерусский» период после вторично смягченных согласных. К такому выводу А. А. Шахматов пришел, опираясь на факты украинского языка. Результаты изменения на втором этапе сохранились, по мнению А. А. Шахматова, только в диалектах русского и белорусского языков и утратились в украинском, где произошла делабиализация [о] в [е], при этом [о], возникшее из [е] после исконносмягченных, в украинском удержалось. Этой точки зрения придерживались также И. В. Ягич и Н. Н. Дурново.

По-иному смотрели на данный вопрос А. И. Соболевский и А. М. Селищев. Они полагали, что процесс перехода [е] в [о] в два этапа не шел, а проходил после исконно смягченных и вторично смягченных согласных одновременно. По-видимому, эта точка зрения более убедительна. Дело в том, что процесс перехода [е] в [о] осуществлялся после падения и прояснения редуцированных (ведь в [о] переходил как исконный [е], так и [е] из сильного [ь]), а в этот период исконная и вторичная мягкость согласных уже не противопоставлялись. Значит, условий для поэтапного изменения [е] в [о] не было.

⁹⁷ См.: Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 31–32.

Что же касается украинского языка, то в тех восточнославянских диалектах, которые легли в его основу, переход [е] в [о], видимо, развивался независимо от аналогичного процесса, протекавшего в диалектах, легших в основу русского языка. Здесь уместно вспомнить, что по-другому проходило изменение [е] в [о] и в польском языке — там оно осуществлялось только в позиции перед твердыми зубными согласными.

Относительную хронологию процесса перехода [е] в [о] можно определить не только исходя из того, что он произошел после падения редуцированных, но и в связи с процессом отвердения шипящих и [с] ([ц]).

В современных русских говорах мы находим результаты изменения [е] в [о] в положении **после** шипящих согласных, например, [ʂol], [ʒóny], а это значит, что данный процесс начался, когда шипящие были еще мягкими. С другой стороны, результаты изменения [е] в [о] представлены и **перед** шипящими, например [id'óʂ], [l'óʒa], что свидетельствует о том, что в эпоху отвердения шипящих рассматриваемый фонетический процесс был еще актуален. Перед аффрикатой [с] ([ц]) изменения [е] в [о] не происходило. Ср. [ʒn'ec], [p'is'éc] и т. д., а следовательно, к тому моменту, когда отвердела эта аффриката, процесс фонетического перехода [е] в [о] уже не осуществлялся. Иными словами, переход [е] в [о] начался до отвердения шипящих (напомним, что первые случаи отражения этого изменения в памятниках письменности относятся ко второй половине XII в.), а закончился после их отвердения, но до отвердения аффрикаты [с'] ([ц']). Значит, приблизительно во второй половине XV в. данный процесс актуальным уже не был.

Прекращение действия закона перехода [е] в [о] свидетельствует о том, что отношения между фонемами <е> и <о> окончательно выстроились по признаку лабиализованности — нелабиализованности, так что изменение нелабиализованного гласного в лабиализованный стало уже невозможно.

После того как фонетический процесс изменения [е] в [о] перестал действовать, появились новые сочетания типа *t'et*. Они возникали из прежних сочетаний типа *t'et'* в результате позднего отвердения второго согласного. Так, поздно отвердевал звук [r'] в сочетаниях, восходящих к этимологическим сочетаниям типа **ТьгТ*, если второй шумный согласный был губным, заднеязычным или мягким зубным. Ср. совр. *первый, верх, зеркало, четверг, черти*.

К тому моменту, когда начиналось отвердение [r'] в этих позициях, закон фонетического перехода [e] в [o] уже не действовал, так что сочетания типа *t'ot* не образовались. Поздно отвердевал и согласный [n'] перед суффиксом, восходящим к **ьsk*, отчего мы не наблюдаем результатов изменения [e] в [o] в таких словах, как *деревенский*, *женский* и под. Кстати, в некоторых русских диалектах мягкость [r'] и [n'] в указанных выше позициях сохраняется до сих пор.

К расширению разряда слов, где в позиции после мягкого согласного перед твердым произносился гласный [e], привело отвердение в большинстве русских говоров аффрикаты [с'] ([ц']): *отец, жилище, молодец* и т. д.

В новых заимствованиях из западноевропейских языков или в произношении слов, пришедших из церковнославянского языка, также оказались возможными сочетания типа *t'et*, ср.: *аптека, лента, монета; крест, небо, перст, пещера*.

В центральных говорах, которые легли в основу русского литературного языка, значительное пополнение модели *t'et* осуществилось благодаря замещению фонемы <ѣ> фонемой <е>. Ср.: *лес, лето, сено, вера* и т. д.

Таким образом, появилась еще одна позиция противопоставления фонем <е> и <о> (она подчеркнута в таблице двойной чертой):

В начале слова и после твердых согласных			После мягких согласных		
Позиция	[o]	[e]	Позиция	[o]	[e]
#... <i>t</i> (<i>t'</i>)	+ ([ostrov], [os'en'])	—	<u><i>t'...</i></u> <i>t</i>	+ ([n'os])	+ ([ot'ec])
<i>t</i> ... <i>t</i> (<i>t'</i>)	+ ([dom], [dom'ik])	—	<i>t'</i> ... <i>t'</i>	+ ([n'es'ot'e])	+ ([pl'et'])
<i>t</i> ...	+ ([d'elo])	—	<i>t'</i> ...	+ ([kop'jo])	+ ([s'eb'e])

В современном русском языке противопоставление <е> и <о> можно считать абсолютным, так как постепенно заполнились и остальные пустые клетки — то есть произношение [e] оказалось возможным в начале слова и после твердого согласного. Это связано,

во-первых, с появлением местоимения *этот*, образовавшегося относительно поздно (известно, что в XVII веке оно уже было) на базе местоимения *тот*, а во-вторых, с многочисленными заимствованиями типа *эпос, этика, этнос, сэр, пэр, кашне, кабаре* и мн. др. В итоге таблица, демонстрирующая противопоставление фонем <е> и <о>, принимает следующий вид:

В начале слова и после твердых согласных			После мягких согласных		
Позиция	[о]	[е]	Позиция	[о]	[е]
#...t(t')	+ (<u>о</u> стров, <u>о</u> сень)	+ (э <u>ра</u> , э <u>ти</u> ка)	t'...t	+ (в <u>е</u> сла)	+ (л <u>е</u> нта)
t...t(t')	+ (до <u>м</u> , до <u>м</u> ик)	+ (с <u>э</u> р, м <u>э</u> рия)	t'...t'	+ (ид <u>е</u> те)	+ (ка <u>ч</u> ели)
t...	+ (се <u>л</u> о)	+ (каш <u>н</u> е)	t'...	+ (ко <u>п</u> ь <u>е</u>)	+ (се <u>б</u> е)

Таким образом, в результате перехода [е] в [о] и последовавших за ним аналогических процессов произошли следующие изменения в фонологической системе русского языка: укрепились лабиализованность – нелабиализованность как дифференциальный признак, и увеличилось число позиций, в которых происходит противопоставление согласных по палатализованности – непалатализованности.

История фонем <ѣ> и <ѡ>

§ 79. После падения редуцированных, совпадения звуков [i] и [y] в одной фонеме <i> и организации противопоставления <е> и <о> по признаку лабиализованности – нелабиализованности в системе вокализма древнерусского языка осталось 7 фонем: <i>, <ѣ>, <е>, <у>, <ѡ>, <о>, <а>. Они обладали следующими конститутивными признаками:

- <i> – верхний подъем, нелабиализованная;
- <у> – верхний подъем, лабиализованная;
- <ѣ> – средне-верхний подъем, нелабиализованная;
- <ѡ> – средне-верхний подъем, лабиализованная;
- <е> – средний подъем, нелабиализованная;

<о> – средний подъем, лабиализованная;

<а> – нижний подъем.

До сих пор в некоторых русских диалектах удерживается семифонемный состав вокализма, то есть помимо представленных во всех без исключения русских говорах фонем <i>, <u>, <e>, <o>, <a> имеются фонемы <ê> («е закрытое», являющее собой исторический *ě*) и <ô> («о закрытое»). Иными словами, здесь сохраняется без изменения фонологическая подсистема гласных, которая была свойственна древнерусскому языку. Существуют также говоры, где представлено шесть фонем: <i>, <u>, <e>, <o>, <a>, <ê> (тут по сравнению с диалектами, имеющими семифонемный состав вокализма, отсутствует <ô>).

Фонема <ê> реализовалась в древнерусском языке либо в напряженном монофтонге [ê:], либо в дифтонге [iê] ([iê]). Реализацией фонемы <ô> был напряженный звук [ô] или дифтонг [uô]. Те современные русские диалекты, которые сохраняют <ê> и <ô> как особые фонемы, знают их воплощение именно в таких звуках.

В настоящее время в русских говорах преобладающим является вокализм, включающий в свой состав пять гласных (<i>, <u>, <e>, <o>, <a>). Этот тип вокализма сформировался в результате исчезновения фонем средне-верхнего подъема <ê> и <ô>. При этом, если фонема <ô>, утрачиваясь, всегда совпадала с <o>, то судьба фонемы <ê> была по русским диалектам неоднородна: в одних диалектах (и их большинство) она совпала с <e>, в других – с <i> (следует заметить, что фонема <ê> совпала с <i> и в украинском языке).

Судьба фонемы <ê> в говорах центра (ростово-суздальских)

§ 80. В говорах центра фонема <ê> последовательно совпадала с фонемой <e>. Благоприятным обстоятельством для изменения <ê> в <e> оказалось позиционное изменение фонемы <e> между мягкими согласными. Дело в том, что под воздействием предшествующего и последующего мягких согласных реализацией фонемы <e> стал напряженный звук [ê], образующийся в зоне средне-верхнего подъема ([d'en'] > [d'ên']). А ведь именно звук типа [ê] был воплощением фонемы <ê>. Значит, возникала позиция нейтрализации двух фонем – <ê> и <e> – перед мягкими согласными. Однако

для полного совпадения <ѣ> и <е> нужны были дополнительные условия, и именно такие условия имелись в говорах центра.

Вопрос о причинах и механизме процесса изменения <ѣ> в <е> был детально разработан К. В. Горшковой, которая ставит судьбу фонемы <ѣ> в зависимость от развития корреляции согласных по твердости – мягкости и от перестройки взаимоотношений между гласными [е] и [о] в русских диалектах⁹⁸.

В ростово-суздальских говорах, на основе которых сложилась диалектная зона центра, корреляция согласных по твердости-мягкости была очень продуктивна, именно она предопределила последовательность фонетического изменения [е] в [’о] в позиции перед твердым согласным. Таким образом, оказалось, что в этих говорах не только перед мягкими согласными перестали противопоставляться фонемы <ѣ> и <е> (там они, как было уже сказано, совпадали в звуке [ê] напряженном), но и перед твердыми согласными они также перестали противопоставляться, поскольку после перехода [е] в [о] реально в позиции перед твердыми согласными фонема <е> уже не была представлена, так как практически всякое [е] лабиализовалось в [о]. В итоге основной признак фонемы <ѣ> (средне-верхний подъем) дефонологизируется, и существование звука [ê:] либо дифтонга [iê] ([iê]) уже не поддерживается системой, а сохраняется по традиции. Все это приводит к тому, что фонема <ѣ>, судя по всему, с рубежа XV–XVI вв. начинает замещаться фонемой <е>, причем этот процесс не был одномоментным актом: «Динамика процесса зависела от положения <ѣ> по отношению к ударению (в безударных слогах замена, очевидно, происходила раньше, чем в ударных), от положения <ѣ> в корневых или флективных морфемах и т. п.»⁹⁹.

Замена <ѣ> на <е> находит отражение в памятниках письменности, писцы которых употребляют вместо буквы ѣ букву е. Особенно отчетливо эта особенность орфографии проявляется в московских грамотах XV–XVII вв. Нужно сказать, что замена буквы ѣ на букву е наблюдается и в более ранних рукописных источниках,

⁹⁸ См., напр.: Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972. Горшкова К. В. История фонемы «ять» <ѣ> в ростово-суздальском диалекте русского языка // Кузнецовские чтения. М., 1970. Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.

⁹⁹ Горшкова К. В. История фонемы «ять» <ѣ> в ростово-суздальском диалекте русского языка // Кузнецовские чтения. М., 1970. С. 35.

но ее не следует считать свидетельством отсутствия фонемы <ѣ> в живом произношении. Дело в том, что замена ѣ на е для истории русской письменности – явление тривиальное, которое может и не иметь прямого отношения к говору писцов. Еще в древнейших памятниках, преимущественно церковнославянских, было отмечено смешение букв ѣ и ѿ, хотя древнерусский язык тогда фонемы <ѣ> и <ѿ> еще различал (у нас нет оснований предполагать совпадение <ѣ> и <ѿ> до XV в. – ведь в противном случае *ѣ массово переходил бы в [о], чего в русском языке не наблюдается). А. А. Шахматов нашел объяснение этому явлению, приняв во внимание тот факт, что старославянский ѣ был ближе к русскому [е], нежели к русскому [ѿ]. В силу этого обстоятельства русские люди в своем произношении церковнославянских слов читали ѣ не как [ѿ], а как [е], что и дало повод к смешению на письме букв ѣ и ѿ. Такой орфографический навык позволял писцам заменять изредка ѣ на ѿ и в чисто русских памятниках. Не стали исключением и новгородские берестяные грамоты, в которых издревле присутствовал графический эффект замены ѣ на ѿ (по-видимому, чисто графическими причинами следует объяснять и смешение букв ѣ и ѿ в Смоленской грамоте 1229 года). С другой стороны, уже в более позднюю эпоху – в XV–XVII вв. – наоборот, выработалась норма правильного употребления ѣ в слове под ударением и регулярной замены его на ѿ в безударных слогах, что было характерно для московских и некоторых севернорусских памятников соответствующего периода, хотя в живых диалектах фонемы <ѣ> уже не было.

Судьба фонемы <ѣ> в говорах новгородского типа

§ 81. В периферийных говорах, в частности в новгородских, ситуация с рефlekсами фонемы <ѣ> складывалась иначе, нежели в ростово-суздальских говорах. Здесь не была столь продуктивна корреляция согласных по твердости-мягкости, поэтому переход [е] в [о] происходил непоследовательно и часто был ограничен определенными морфемами. Следовательно, в отличие от говоров ростово-суздальского типа тут могли существовать сочетания типа *t'et*. Поэтому как раз в периферийных говорах до сих пор может наблюдаться сохранение фонемы <ѣ> в виде звуков [ѣ], [іѣ].

Среди севернорусских говоров есть такие, в которых на месте фонемы <ѣ> последовательно выступает гласный [і] и перед твер-

дыми, и перед мягкими согласными, и на конце слова. Сейчас подобное произношение распространено в говорах Ладого-Тихвинской группы, которые унаследовали эту особенность от древне-новгородского диалекта.

Если обратиться к новгородским берестяным грамотам, то окажется, что лишь четверть грамот, смешивающих буквы **ѣ** и **и**, содержит примеры такого смешения перед твердыми согласными, тогда как в остальных случаях смешение **ѣ** и **и** затрагивает только позиции конца слова и перед мягкими согласными. Самый ранний пример написания буквы **и** на месте **ѣ** в позиции перед твердым согласным зафиксирован в берестяной грамоте № 810, датируемой 60–70-ми гг. XII в.: **ризано** (т. е. род. пад. мн. ч. от сущ. **рѣзана**). В грамоте последней четверти XIII в. (№ 148) отмечена форма **ѣвидаюса** (впрочем, нет полной уверенности в том, что это образование от глагола **оувѣдатиса** ‘расчесться’, а не от глагола **оувидаатиса** ‘увидеться’). В более же существенных количествах примеры замены **ѣ** на **и** в положении перед твердым согласным появляются в берестяных грамотах лишь с середины XIV в. Ср. данные грамоты № 358 (1340 – не позднее 1357 г.): **приихавъ, синомъ, с кимъ, в миру** (вин. пад. мн. ч. от сущ. **мѣра**), **перемиръ** (корень **мѣр-**). В той же грамоте имеются также замены **ѣ** на **и** в позиции конца слова и перед мягким согласным: **на гүмни, при сови, надоби, кони** (вин. мн.), **в клить**. Для столь небольшого по объему текста, как берестяная грамота, буквенную замену **ѣ** на **и**, представленную в таком количестве, можно считать массовой.

От XIV в. до нас дошли и берестяные грамоты, в которых представлена обратная замена – **и** на **ѣ**, причем также во всех позициях. В частности, материал грамоты № 366 (40-е – 70-е гг. XIV в.) таков:

Перед твердым согласным: **съ харѣтономъ, харѣтонъ, харѣтоно, своѣхъ, грѣвоны** (т. е. гривны), **грѣвонү, лүкѣнъ, танишѣнъ** (фамилия).

Перед мягким согласным: **үрадѣса**.

В конце слова: **гюргѣ** (Им. ед.), **трѣ, нѣ** (частица ‘ни’), **послүсѣ**.

Эта обратная замена **и** на **ѣ** возникла, конечно же, из гиперкорректных соображений. Автор грамоты знал, что там, где он произносит [i], в ряде случаев нужно писать **ѣ**, и поэтому стара-

тельно вставлял **ѣ** всюду, где звучал [i], в том числе и на месте этимологического *i.

Итак, можно думать, что к XIV столетию [ě] в новгородском диалекте окончательно изменился в [i] во всех позициях, то есть, что особенно важно, — и перед твердыми согласными, хотя начался этот процесс раньше.

В тех диалектах, в которых <ě> переходит в <i>, процесс изменения носил фонетический характер. Фонема <ě> тут реализовалась в дифтонге [iĕ], и при монофтонгизации у этого дифтонга преобладающей оказалась первая (слоговая) часть, так что он переходил непосредственно в [i]. Р. И. Аванесов предположил, что изменение [ě] в [i] осуществлялось вначале в положении перед мягкими согласными при сохранении его как особой фонемы перед твердыми. И действительно, в настоящее время имеются говоры, в которых рефлексом [ě] в позиции перед мягкими согласными является звук [i], а перед твердым согласным либо сохраняется [ĕ:] ([iĕ]), либо на его месте звучит [e]. Например, *ви́тер* — *вѣтра* (*вѣтра*). Такие диалекты характерны для северо-восточной части севернорусского наречия, а именно для говоров Вологодской группы.

Судьба фонемы <ô>

§ 82. Так же, как фонема <ě>, слабым звеном в системе вокализма оказалась и фонема <ô>. Сохраняется она ныне лишь в самых архаичных говорах, причем только в тех, которые имеют в составе вокализма фонему <ě>. Если из системы исчезала фонема <ě>, заменившись на <e>, или изменившись в [i], то параллельно уходила и фонема <ô>, которая уже не поддерживалась наличием на средне-верхнем уровне другой фонемы.

Нужно сказать, что фонема <ô> была еще менее стабильным членом системы, чем <ě>, так как противопоставление <ô> и <o> оказывается не таким четким, как противопоставление <ě> и <e>. А. Мартине в своей известной книге «Принцип экономии в фонетических изменениях» (М., 1960) заметил, что зоны безопасности, отделяющие друг от друга гласные фонемы, в задней области уже, чем в передней¹⁰⁰. Именно поэтому фонема <ô> могла исчезать до утраты фонемы <ě>. То, что так и происходило, доказывается наличием современных диалектов с шестифонемным составом вока-

¹⁰⁰ Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. С. 132.

лизма, включающим в свой состав <ё>, но не имеющим <ѐ>. Такие диалекты отмечаются как на севере, так и на юге территории исконного распространения русского языка, например, в Новгородской, Вологодской, Рязанской, Калужской и других областях.

История аканья

§ 83. Аканье, понимаемое в широком смысле слова, представляет собой неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах. Этим же термином в более узком смысле слова обозначается неразличение фонем <a> и <o> после твердых согласных и в абсолютном начале слова. Неразличение гласных неверхнего подъема (то есть фонем <e>, <o>, <a>¹⁰¹) после мягких согласных называется иканьем, еканьем и яканьем в зависимости от того, в каком звуке совпадают указанные гласные. В дальнейшем изложении термин «аканье», если он специально не оговаривается, будет употребляться в широком смысле.

В настоящее время аканье, вошедшее в норму русского литературного языка, распространено на обширной территории южновеликорусского наречия, во многих среднерусских говорах и в большей части говоров белорусского языка (литературный белорусский язык также характеризуется аканьем).

Типы аканья в современных русских говорах

§ 84. В первом предударном слоге аканье в узком смысле слова имеет несколько разновидностей:

1) недиссимилятивное (или сильное) аканье, при котором гласные фонемы совпадают в одном звуке вне зависимости от каких бы то ни было факторов;

2) диссимилятивное аканье, при котором гласные неверхнего подъема совпадают в том или ином звуке в зависимости от гласного, находящегося в ударном слоге.

Диссимилятивное аканье представлено в русских диалектах двумя основными типами:

¹⁰¹ В тех диалектах, где имеется особая фонема <ѐ>, она также входит в этот ряд.

Архаический тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.
а	и ы у *ê *ô
«не-а» (ъ)	е о а

Жиздринский тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.
а	и ы у *ê *ô е о
«не-а» (ъ)	а

Наиболее распространенные модели вокализма первого предударного слога после мягких согласных, отмеченные в акающих говорах, таковы:

1) иканье (<е>, <о>, <а> совпадают в звуке [и], который реализует также и фонему <и>);

2) еканье (<е>, <о>, <а> совпадают в звуке [е]);

3) яканье:

а) сильное яканье (<е>, <о>, <а> совпадают в звуке [’а]);

б) умеренное яканье (перед твердыми согласными <е>, <о>, <а> совпадают в [’а], перед мягкими – в [и] или [е]);

в) диссимилиативное яканье (имеется зависимость гласного первого предударного слога от степени подъема гласного в слоге под ударением).

Известно семь разновидностей диссимилиативного яканья, которые различаются реакцией гласных первого предударного слога на ударные гласные среднего и средневерхнего подъема. Основные из этих разновидностей таковы:

Архаический тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.
’а	и ы у *ê *ô
«не-а» (и/е)	е о а

Щигровский тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.
’а	и ы у *ê *ô
«не-а» (и/е)	е а о

Суджанский тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.		
'а	и	ы	у
«не-а» (и/е)	*ê		*ô
	е		о
		а	

Жиздринский тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.		
а	и	ы	у
«не-а» (и/е)	*ê		*ô
	е		о
		а	

Донской тип

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.		
'а	и	ы	у
«не-а» (и/е)	*ê		*ô
	е		о
		а	

Те или иные модели яканья могут осложняться ассимилятивностью — то есть перед ударным [а] в любом случае звучит ['а]. Ср. схемы ассимилятивно-диссимилятивного яканья двух типов:

Новоселковский тип (на основе Щигровского)

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.		
'а	и	ы	у
«не-а» (и/е)	*ê		*ô
	е		о
		а	

Кидусовский тип (на основе Суджанского)

Гл. 1-го предуд. слога	Гл. в слоге под удар.		
'а	и	ы	у
«не-а» (и/е)	*ê		*ô
	е		о
		а	

Здесь был дан лишь беглый обзор тех разновидностей вокализма, которые будут обсуждаться в дальнейшем — при изложении гипотез происхождения аканья. Подробнее же типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных описываются в курсе русской диалектологии.

Время появления аканья

§ 85. Аканье — это специфическая восточнославянская черта, которая возникла сравнительно поздно. Относительная хронология появления аканья определяется в связи с процессом падения редуцированных. Нет сомнения, что аканье могло развиваться только после утраты слабых редуцированных и проявления сильных. На это указал в свое время Р. И. Аванесов¹⁰². Есть два аргумента, делающих такое заключение бесспорным.

1. В результате развития аканья возникли редуцированные гласные. Если бы исконные редуцированные [ъ] и [ь] еще сохранялись, новые редуцированные должны были бы с ними совпасть и в дальнейшем разделить их судьбу. Например, наречие *слабо* превратилось бы в **слабъ* и совпало бы с формой *слабъ*, так что после утраты редуцированного в абсолютном конце слова не различались бы наречие **слаб* и краткое прилагательное *слаб*. Ничего подобного, однако, не произошло.

2. Во всех типах аканья в первом предударном слоге наблюдается одинаковая реализация гласных неверхнего подъема, которые находились в первом предударном слоге исконно, и тех, которые стали гласными первого предударного слога только после утраты слабых редуцированных, а до этого являлись гласными второго предударного слога. Так, если сравнить формы *стрелá* и *цветкá*, происходящие соответственно из *стрѣлá* и *цвѣтъкá*, то окажется, что при диссимилятивном аканье любого типа здесь перед [а] на месте этимологического «ять» одинаково произносится гласный «не-а»: [стр'и́ла], [цв'итка́]. В то же время в формах *стрелу́*, *цветку́* (из *стрѣлу́*, *цвѣтку́*) в тех же моделях вокализма перед гласным верхнего подъема [у] одинаково звучит ['а]: [стр'алу́], [цв'атку́].

¹⁰² Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9. С. 138–139.

Отражение аканья в памятниках письменности

§ 86. Аканье является такой фонетической особенностью, которая способна найти отражение на письме. Прямым отражением аканья в узком смысле слова считается замена буквы **о** буквой **а**, а гиперкорректным – обратная замена, когда на месте этимологического ***а** пишется **о**.

Единичные случаи отражения аканья появляются в памятниках письменности лишь **начиная с XIV в.** Еще А. И. Соболевский указал на первые примеры, найденные в Московском Евангелии 1339 г.: **кака тты глаголеши** л. 16 об.; **отъ господа несть се и несть дивна в очю нешею** лл. 73, 129; **въ дпүстѣвшии земли** (запись). Впрочем, в первых двух случаях наличие буквы **а** может быть объяснено опiskой под влиянием буквы **а** соседнего слога (**кака**) или воздействием морфологической аналогии (**дивна**). Написание же **въ дпүстѣвшии**, по мысли А. А. Зализняка, скорее всего, отражает не аканье, а диалектное развитие ***ьо > а**¹⁰³.

Чуть более поздние свидетельства неразличения гласных неверхнего подъема, относящиеся ко второй половине XIV в., уже достаточно надежны. Так, в духовных и договорных грамотах московских великих князей наблюдается колебание в написании названия одной из волостей Коломенского уезда: **Брошеву** (Дух. гр. Ивана Калиты ок. 1339 г.) – **Брашевага** (Дух. гр. вел. кн. Ивана Ивановича ок. 1358 г.), **Брашева** (Дух. гр. вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г.). Написание с **о**, видимо, этимологически верно, а написание с **а** отражает реальное произношение. Имеется несколько свидетельств отражения неразличения гласных неверхнего подъема и в Псковском Прологе 1389 г.: **гадина** («година») л. 40, **Маскву** («Москву», вин. пад.) л. 98 об. (запись писца). В памятниках самого конца XIV в. и тем более XV в. случаев отражения аканья становится больше. Ср. некоторые примеры из рукописных источников:

Моск. Евангелие 1393 г.: **прикаснуся** л. 45, **падающимъ** л. 156, **вертаградъ** л. 171, **запода** л. 101, **неновидахуть** л. 107 об., **обазонъ** л. 147 об., **помазовшиа** л. 146;

¹⁰³ Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 годов. М., 1993. С. 261–262.

Коломенская Палея 1406 г.: па роду л. 20, ~~порацама~~ по в~~здуху~~ л. 20, ~~задовити~~ л. 31;

Западнорусский сборник XV в. Публ. библи. № 391: с тавою л. 4, тваа л. 11, госпаже л. 4, тагды л. 64 б, мали л. 14, пато^м л. 64 об.;

Дог. грамота полочан с Ригой 1478 г.: *да Куконоса, да освеще-ного короля, з абою сторонъ, стаить.*

Позднее отражение аканья в рукописных источниках делается еще более частотным. Интересно отметить, что в текстах делового содержания спорадически дают о себе знать даже диссимилятивные модели предударного вокализма. Так, в некоторых текстах «Памятников обороны Смоленска» 1609–1611 гг. явно находит отражение жиздринский тип диссимилятивного аканья. В частности, в тексте № 6 встречено восемь случаев написания *а* в первом предударном слоге в соответствии с фонемой <о> перед гласными ненижнего подъема (*живаты, каторыя, Казловскаго, старажей, сабою* (= с собою), *таму, Тапорик* (фамилия), *Тамилка*) и ни одного случая замены *о* на *а* перед ударным [а], хотя таких позиций имеется шесть (*Королка* (фамилия), *побрали, поограбили, попа, робят, разогнали*). Аналогичная картина наблюдается в тексте № 11. Здесь представлено 36 позиций, где фонема <о> находится перед ударным гласным ненижнего подъема, и в 18 случаях она передается буквой *а* (например, *дароги, даганили, Коралку, с абех, к абедни, сторажеи, с сабою, пашол, на пагость* и др.). С другой стороны, отмечено 22 позиции, где фонема <о> стоит перед ударным [а], но тут *а* написано лишь один (!) раз (*стояти*) и 21 раз — *о* (например, *боярину, гоняти, Королка, попа, пограбив, разогнали, собрав* и др.). Таким образом, писавшие, видимо, ощущали разницу между звуками, которые они произносили в соответствии с гласными неверхнего подъема перед <а> и не перед <а>, что и отразилось в орфографии (очевидно, что буквой *о* мог передаваться звук типа [ѣ]).

В некоторых текстах «Памятников обороны Смоленска» 1609–1611 гг. отражается и диссимилятивное яканье. Например, во второй части текста № 242 соотношение орфограмм с буквами *я* и *е* на месте гласных неверхнего подъема перед различными ударными гласными таково: перед <і>, <у>, *<ѣ>, *<ѡ>, <ѣ> пишется *я* (*архияпискуп, в сямь, у... Мяркушки, в сямь, у няго, яво, у... Дняпровца, дерявенских, сам-трятей* и т. д.), а перед <а> за одним

только исключением пишется *е* (*Беляйка, у Степанка, у Степанка Скребка, у стрельца*). Все это несомненно говорит о присутствии в говоре писца жиздринского типа диссимилятивного аканья.

Теории происхождения аканья

§ 87. Проблема происхождения восточнославянского аканья является одним из наиболее дискуссионных вопросов в исторической русистике. Лингвисты выдвигали разнообразные теории, объясняющие генезис этого явления. Так, В. И. Лыткин предложил гипотезу субстратного происхождения аканья – под влиянием вокализма прамордовского или древнемокшанского языков¹⁰⁴. Впрочем, она не совсем доказательна, поскольку не подкрепляется достаточным количеством конкретного материала. Болгарский ученый В. Георгиев разработал теорию, состоящую в том, что аканье унаследовано от праславянской эпохи, причем только некоторыми славянскими диалектами. В. Георгиев (вопреки общепринятому мнению) предположил, что индоевропейские **ǫ* и **ā* совпали в звуке [а], а не [о]. В дальнейшем это [а] изменилось в [о], причем в окающих говорах в любых условиях, а в акающих – только в ударном слоге¹⁰⁵. Эта гипотеза не имеет, по-видимому, под собой серьезных оснований хотя бы потому, что из нее никак не выводится неразличение гласных неверхнего подъема после мягких согласных, представляющее собой часть явления, именуемого аканьем, а также по той причине, что не учитываются и не комментируются диссимилятивные модели предударного вокализма. Кроме того, гипотеза В. Георгиева не согласуется с отмеченным выше несомненным фактом, заключающимся в том, что аканье развилось после падения редуцированных.

§ 88. Более обоснованна теория происхождения аканья, которая была разработана А. А. Шахматовым и которую принято назы-

¹⁰⁴ См.: Лыткин В. И. Еще раз к вопросу о происхождении русского аканья // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 44–52.

¹⁰⁵ См., напр.: Георгиев В. И. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 20–29.

вать редуccionной¹⁰⁶. Принципиально важно в ней то, что она направлена на объяснение возникновения диссимильативных типов как аканья в узком смысле, так и яканья, и более того, А. А. Шахматов считает первоначальной именно диссимильативную разновидность предударного вокализма, а точнее – архаический тип диссимильативного аканья (и яканья).

Исходным пунктом редуccionной теории является тезис о сокращении праславянских долгот у гласных. Впрочем, А. А. Шахматов признает, что аканье появлялось не в праславянский период, а позже. Он говорит о том, что редуccion «всех кратких (т. е. широких) гласных» – «это явление уже специально восточно-русское»¹⁰⁷ и, скорее всего, его возникновение следует относить к эпохе после падения редуccionированных: «Едва ли было бы осторожно вывести, что редуccion широких неударяемых гласных произошла до падения глухих»¹⁰⁸. Тем не менее утверждается, что на столь позднем этапе в произношении еще существовало различие между исконно долгими и краткими гласными. Долгими по происхождению были, как известно, звуки *i*, *y*, *и*, *ѣ*, *а*, краткими – *е*, *о*. А. А. Шахматов, впрочем, предполагает, что долгота гласного *а* сократилась очень рано и к тому периоду, когда стало развиваться аканье, он был уже кратким, таким же, как *е* и *о*. С другой стороны, постулируется долгота гласного *ѣ*, который возник не в праславянскую эпоху, а позже, после падения редуccionированных и з кратко го гласного *о*, находившегося в определенных акцентных условиях (см. выше, § 68).

Формирование диссимильативного аканья и яканья происходило, по теории А. А. Шахматова, в два этапа.

I этап. Осуществляется сокращение долгот в безударных слогах, причем бывшие долгие гласные становятся краткими, а бывшие краткие – сверхкраткими, то есть редуccionированными. При этом допускается, что *ѣ*, исконно долгий гласный, в безударных слогах к тому моменту стал кратким, так как совпал с гласным *е*. В итоге в безударных слогах и, в частности, в первом предударном, складывается следующая ситуация:

¹⁰⁶ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 331–343.

¹⁰⁷ Там же. С. 332.

¹⁰⁸ Там же. С. 334.

Было	Стало
<i>i:</i> <i>y:</i> <i>и:</i>	<i>i</i> <i>y</i> <i>и</i>
<i>ě:</i> → <i>e</i>	' <i>ь/ъ</i>
<i>e</i> <i>о</i>	
<i>а</i>	

Таким образом, возникло неразличение гласных фонем не-верхнего подъема, которые в первом предударном слоге совпали в редуцированных звуках: после мягких согласных – в [ь], а после твердых – в [ъ]¹⁰⁹.

II этап. Происходит утрата количественных различий в ударном слоге: сокращаются долгие гласные, при том что краткие остаются неизменными, поскольку не могут под ударением превратиться в сверхкраткие, то есть редуцированные:

Было	Стало
<i>i:</i> <i>y:</i> <i>и:</i>	<i>i</i> <i>y</i> <i>и</i>
<i>ě:</i> <i>ô:</i>	<i>ě</i> <i>ô</i>
<i>e</i> <i>о</i>	<i>e</i> <i>о</i>
<i>а</i>	<i>а</i>

Итак, согласно А. А. Шахматову, осуществилось сокращение гласных верхнего и средневерхнего подъемов, а гласные среднего и нижнего подъема сохранили свое количество.

Сокращение долгот в ударном слоге привело к компенсаторному удлинению гласного первого предударного слога, но не во всех случаях, а только тогда, когда это был редуцированный (то есть [ь] или [ъ] произошедшие ранее из *ě*, *e*, *о* и *а*). При удлинении возникал звук [а]: [ь] → [а], [ъ] → [ъ́]. Если же в первом предударном слоге находились гласные *i*, *y*, *и*, то с ними ничего не происходило, так как в связи с тем, что противопоставление по количеству уже утратилось, удлиняться они не могли.

Гласные среднего и нижнего подъемов (*e*, *о*, *а*), как было сказано выше, находясь под ударением, в процессе утраты количест-

¹⁰⁹ Нужно сказать, что А. А. Шахматов пользуется другими обозначениями этих гласных – *ε* (имеется в виду [ь]) и *α* (имеется в виду [ъ]).

венных различий не сокращались (ведь они и так были краткими), поэтому никакого компенсаторного удлинения редуцированных в первом предударном слоге перед ними не происходило, то есть [ь] и [ъ] (возникшие ранее из *ě, e, o* и *a*) не видоизменились. В итоге сложилась система диссимилятивного аканья (и яканья) архаического типа:

**В позиции
после твердых согл.**

Гл. 1-го предуд. слога (на месте * <i>o</i> , * <i>a</i>)	Гл. в слоге под удар.
<i>a</i>	<i>i</i> <i>y</i> <i>и</i> <i>ě</i> <i>ô</i>
<i>ъ</i>	<i>e</i> <i>o</i> <i>a</i>

**В позиции
после мягких согл.**

Гл. 1-го предуд. слога (на месте * <i>e</i> , * <i>e</i> , * <i>a</i>)	Гл. в слоге под удар.
<i>'a</i>	<i>i</i> <i>y</i> <i>и</i> <i>ě</i> <i>ô</i>
<i>ь</i>	<i>e</i> <i>o</i> <i>a</i>

Как видим, первая схема полностью совпадает с приведенной выше (§ 84) схемой архаического типа диссимилятивного **аканья**, вторая же схема несколько отличается от соответствующей схемы диссимилятивного **яканья** архаического типа, но это отличие заключается лишь в том, что в нынешних говорах перед гласными неверхнего подъема произносится не [ь], а [и] или реже [е]. Такое развитие, впрочем, вполне объяснимо, поскольку [ь] близок акустически и артикуляционно к безударному ненапряженному [и], или [и^с].

Остальные типы вокализма первого предударного слога после твердых и мягких согласных – и диссимилятивные и недиссимилятивные – рассматриваются А. А. Шахматовым как нарушение начальной модели в результате выравнивания по аналогии или утраты <ě> и <ô>. Впрочем, возникновение **всех** других типов вокализма подробно не анализируется.

Изложенная гипотеза, однако, вызывает некоторые возражения, которые связаны с тем, что приходится принимать слишком много допущений, не имеющих убедительного обоснования, а постулирующих А. А. Шахматовым только из-за того, что они дают возможность выстроить теорию развития аканья. Возражения таковы:

1. Весьма сомнительно сохранение праславянских долгот, пусть даже не на фонологическом, а лишь на произносительном уровне, в столь поздний период, как период после падения редуцированных.

2. Даже если допустить длительное сохранение праславянских долгот, предположение о раннем сокращении долготы у *a*: не оправдано ничем, кроме необходимости объяснить появление диссимилятивного аканья.

3. Никакими данными не подтверждается удлинение *ô*, происходящего из краткого **o*.

Впрочем, одно из этих возражений может быть частично снято. Речь идет о ранней утрате долготы звуком [а:] на фоне сохранения ее всеми остальными исконно долгими гласными. Дело в том, что в южнорусских диалектах существуют ассимилятивно-диссимилятивные модели яканья (см. их схемы выше, § 84), которые не были известны А. А. Шахматову. Перед ударным [а] в этих диалектах произносится [’а], то есть, если придерживаться концепции А. А. Шахматова, можно заключить, что гласный [а] под ударением повел себя так же, как и все остальные исконно долгие гласные. Данный факт, однако, снимает лишь возражение против ранней утраты долготы ударного [а:], тогда как утрата долготы [а:] **безударным** все равно остается необходимым допущением для рассматриваемой концепции.

§ 89. Существует еще одна теория возникновения аканья, также связанная с распределением долгот гласных в фонетической системе древнерусского языка, но здесь речь идет не о праславянских долготах, а о тех квантитативных соотношениях гласных, которые были представлены уже после падения редуцированных и наблюдаются до сих пор. Эта теория очень кратко, буквально в нескольких словах, была намечена еще в начале XX в. известным фонетистом и диалектологом Олафом Брокком. Комментируя различия в реализации гласных неверхнего подъема при диссимилятивном аканье и яканье в зависимости от позиции (то есть случаи типа *сѣхѧ*, *с’истрѧ*, с одной стороны, и *сахѹ*, *с’аструѹ* – с другой), он заметил, что такое произношение вполне естественно, поскольку долгому ударному гласному *á* предшествуют краткие, тогда как кратким гласным верхнего подъема предшествует долгий *a* в предударном слоге¹¹⁰.

¹¹⁰ См.: Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. С. 57–59.

Детально теорию формирования различных моделей аканья в результате определенного распределения долгот гласных в фонетической системе древнерусского языка разработал С. В. Князев¹¹¹. Исходным пунктом этой теории является тот экспериментально засвидетельствованный факт, что гласный нижнего подъема [а] – самый длительный из всех гласных, тогда как гласные среднего подъема [е] и [о] чуть короче (они составляют 90% от длительности [а]) и, наконец, наиболее краткими оказываются верхние гласные [и], [ы], [у] (их длительность равна 75% длительности [а]).

Далее предполагается, что в процессе формирования ударения, при котором ударный слог противопоставляется безударным по долготе, а не по движению тона (о смене типа ударения в древнерусском языке см. выше, § 35), ударные гласные оказались противопоставленными по длительности гласным безударных слогов и, в частности, первого предударного слога. Удлинение ударных гласных привело к компенсаторному сокращению гласных безударных слогов и превращению их в редуцированные. Однако сокращались лишь гласные неверхнего подъема как более длительные, тогда как самые краткие (гласные верхнего подъема *i, y, u*) сокращению не подвергались. В итоге в безударных слогах, и в том числе в первом предударном, развилось неразличение гласных неверхнего подъема, поскольку после твердых согласных *o, a* → ъ, а после мягких *ě, e, a* → ь. Таким образом сформировался наиболее архаичный, с точки зрения С. В. Князева, тип аканья – недиссимилятивное аканье в широком смысле слова с нейтрализацией фонем неверхнего подъема после твердых согласных в звуке типа [ъ] и после мягких согласных – в звуке типа [ь] или близком к нему кратком [и]. Такой тип аканья широко распространен среди носителей русского литературного языка, проживающих на юге и юго-востоке европейской части России, а также на территориях позднейшего заселения – за Уралом.

Экспериментальные исследования фонетического строя русских диалектов показали, что в акающих говорах складывается так называемое «просодическое ядро» слова, в которое входят ударный и первый предударный слоги, противопоставленные остальным сло-

¹¹¹ См.: Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75–101.

гам (ср. известную из курса русской фонетики «формулу Потебни»: 1 2 3 1). В большинстве же окружающих говоров такого не происходит — там ударный гласный или в равной мере противопоставлен всем безударным, или же не противопоставлен им совсем.

В описанной выше модели вокализма сформировавшееся просодическое ядро слова далее не видоизменялось, в результате чего после твердых согласных в определенной части говоров складывается **недиссимилятивное аканье** (при котором гласные неверхнего подъема реализуются в звуке [ɤ]), а после мягких согласных — **еканье** (гласные неверхнего подъема совпадают в [ɤ] либо в ненапряженном [и^е]) или **иканье** (они совпадают в [и]):

Аканье + еканье

Предударный гласный (на месте фонем неверхнего подъема)		Ударный гласный
После тв. согл.	После мягк. согл.	
ɤ	ь (и ^е)	и ы у
ɤ	ь (и ^е)	*ѣ *ѡ
ɤ	ь (и ^е)	е о
ɤ	ь (и ^е)	а

Аканье + иканье

Предударный гласный (на месте фонем неверхнего подъема)		Ударный гласный
После тв. согл.	После мягк. согл.	
ɤ	и	и ы у
ɤ	и	*ѣ *ѡ
ɤ	и	е о
ɤ	и	а

В других говорах дальнейшее формирование просодического ядра приводит к удлинению редуцированного гласного первого предударного слога как после твердых, так и после мягких согласных, и

конечной стадией этого удлинения становится [а]. Подобная модель вокализма распространена в псковском диалекте, где совмещаются **недиссимилятивное (сильное) аканье и сильное яканье**:

Предударный гласный (на месте фонем неверхнего подъема)		Ударный гласный
После тв. согл.	После мягк. согл.	
а (<ѣ)	'а (<ѣ)	и ы у
а (<ѣ)	'а (<ѣ)	*ě *ô
а (<ѣ)	'а (<ѣ)	е о
а (<ѣ)	'а (<ѣ)	а́

В московском варианте литературного языка сложилась контаминированная система, в которой совмещаются **аканье** (с реализацией гласных неверхнего подъема в удлинённом гласном, то есть [а]) и **иканье**:

Предударный гласный (на месте фонем неверхнего подъема)		Ударный гласный
После тв. согл.	После мягк. согл.	
а	и	и ы у
а	и	*ě *ô
а	и	е о
а	и	а

Диссимилятивное аканье и яканье согласно данной теории объясняется следующим образом. В целом ряде говоров отношения между гласными просодического ядра оказываются наиболее тесными, так что гласный предударного и ударного слогов стремятся иметь в сумме примерно равную длительность в разных словоформах. Именно поэтому перед самыми краткими ударными гласными – гласными верхнего подъема [и], [ы], [у] – в первом предударном слоге происходит удлинение редуцированного звука,

так что и после твердых, и после мягких согласных он превращается в [а]. В положении же перед самым долгим из ударных гласных – [а] – удлинения предударного редуцированного не происходит: после твердых согласных сохраняется [ъ], а после мягких, как говорилось выше, осуществляется изменение [ъ] в безударный краткий ненапряженный [и]. При этом промежуточные гласные среднего подъема (и средневерхнего при их наличии) могут вести себя либо как гласные верхнего, либо как гласные нижнего подъема. Так складываются наиболее простые модели диссимилятивного вокализма – **архаическое и жиздринское аканье, архаическое, жиздринское и донское яканье** (их схемы см. выше, § 84). При яканье **суджанского** типа как долгие были обобщены все нелабиализованные гласные неверхнего подъема, а при яканье **щигровского** типа – только нелабиализованные гласные среднего и нижнего подъема (схемы см. выше, § 84).

«Таким образом, все разнообразие диссимилятивных моделей вокализма связано, в первую очередь, с тем, к какому классу относятся гласные неверхнего и ненижнего подъема – к классу долгих или кратких гласных (при том, что гласные верхнего подъема всегда функционируют как краткие, а гласный нижнего подъема – как долгий)»¹¹².

¹¹² Там же. С. 93.

Литература

- Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки [i] и [y] // Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6.
- Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9.
- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бирнбаум Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Галинская Е. А. Хронология некоторых изменений в системе вокализма праславянского языка // Исследования по славянскому сравнительно-историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993.
- Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Т. II. Псков, 1968.
- Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
- Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924. Переиздание в кн.: Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984 – 1989 годов. М., 1993.
- Зализняк А. А. Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

- Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5.
- Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Князев С. В.* К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 1.
- Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Марков В. М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994, № 3.
- Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.
- Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. I. М., 1951.
- Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Хабургаев Г. А.* Некоторые вопросы истории праславянского языка // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.
- Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
- Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. 2-е изд. М., 1986.
- Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. Переиздание: М., 2002.
- Ягич И. В.* Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Учебное издание

Галинская Елена Аркадьевна

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

2-е издание, исправленное

Издание осуществлено при финансовом участии
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зав. отделом *Е.Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Обложка художника
В.А. Чернецова

Редактор-корректор
Л.В. Кутукова

Компьютерная верстка
И.Б. Качинской

Подписано в печать 21.05.2009.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,2.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1175. Изд. № 8673

Ордена "Знак Почета" Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел.: 629-50-91. Факс: 697-66-71.

Тел.: 939-33-23 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6